

А. К. РЗАЕВ

МУХАММЕД АЛИ
М. КАЗЕМ – БЕК

Москва «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 63.3 (5)+81.2 г (2)
Р48

Рецензент
А. П. БАЗИЯНЦ

Рзаев А. К.
Р48 Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы,
1989 - 199 с.
ISBN 5-02-016631-6

Мирза Казем-Бек - один из тех, кто стоял у истоков российского востоковедения. Автор монографии на основе архивных материалов исследует творчество замечательного азербайджанского ученого - филолога, философа, историка, специалиста в области ислама и мусульманского права, рассматривает его педагогическую деятельность. Специальный раздел посвящен идейной борьбе вокруг научного наследия Казем-Бека.

Р 1401020000-147 56-89
013(02)-89

ББК. 63.3(5)+81.2 г (2)

ISBN 5-02-016631-6

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

ОГЛАВЛЕНИЕ

Роль М. Казем-Бека в становлении и развитии востоковедения в России	4
Жизненный путь Мирзы Казем-Бека	15
Молодые годы	15
В Казани	18
В Петербурге	28
Формирование научного мировоззрения М. Казем-Бека	39
М. Казем-Бек – исследователь восточной литературы и философии	39
М. Казем-Бек и античная и немецкая классическая философия	47
М. Казем-Бек и Россия. Обращение с передовыми людьми и учеными России	49
Любовь к России, русскому народу и русскому языку	54
Борьба М. Казем-Бека за сближение России с Востоком	58
М. Казем-Бек и западное востоковедение	60
М. Казем-Бек и Азербайджан	66
Педагогические идеи	75
Ученик и последователи М. Казем-Бека	75
М. Казем-Бек и вопросы истории	84
М. Казем-Бек о методах исследования в исторической науке	84
Взгляды М. Казем-Бека на закономерность развития истории	87
Исследование Казем-Беким некоторых событий из истории стран зарубежного Востока и Кавказа	90
М. Казем-Бек и вопросы религии и права	98
Отношение к исламу	98
Исследование проблем мусульманского права	104
Библиография	113

Счастлив только тот, кто
рый не пережил своей сла
вы!

М. Казем-Бек

РОЛЬ М. КАЗЕМ-БЕКА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Начало научному востоковедению в России было положено во второй четверти XVIII в., с созданием в 1724 г. в Петербурге Академии наук. Ввиду отсутствия национальных кадров востоковедов Академия наук вынуждена была пригласить их из Западной Европы. И первыми профессиональными учеными - востоковедами в Российской Академии наук стали приглашенные из-за рубежа Байер и Кер.

Байер, специалист в области китайского, древнееврейского и арабского языков, по утверждениям современников, не оставил заметного следа в русском востоковедении. Более заметной фигурой был Кер. Именно он положил начало делу подготовки национальных кадров востоковедов. Кроме того, в 1733 г. он подготовил и представил на рассмотрение Академии проект создания «Академии, или Общества восточных наук и языков, в империи Российской». В этом своем проекте, как писал И. Ю. Крачковский, «Кер касался вопроса подготовки научных работников и практических деятелей на Востоке, говорил о создании необходимых учебных пособий, намечал широкий план исследовательских работ, с большой настойчивостью подчеркивал важное значение „документов“, содержащихся в „историях“ арабских, персидских, турецких и татарских для государства Российского (170, с. 47).

Определенный след в востоковедении Кер оставил также своими переводами. Им были переведены с персидского на латинский язык астрономические таблицы выдающегося узбекского ученого Улугбека и с джагатайского на немецкий - «Родословное древо турков» Абу-л-Гази. «Знакомый гораздо основательнее Байера с ближневосточными языками, он был серьезным арабистом» (170, с. 46).

В 30-е годы XVIII в. Академия наук предпринимает практические шаги по переводу на русский язык работ о Турции, в частности работы Марсиллы «Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком» (1737 г.), а затем «Известия о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730 и 1731 годах при низложении Ахмеда III и возведении на престол Магомета V» (1738 г.) и «Монархии Турецкой» английского дипломата Рикота (1741 г.). Опубликованные в эти годы записки паломников и путешественников по Ближнему Востоку также явились ценным вкладом в развитие востоковедения в России. В первой половине XVIII в. появилась и первая оригинальная работа на русском языке по географии Востока - «Руководство к географии. В пользу учащегося при гимназии юношества».

Начальные шаги русского востоковедения свидетельствовали о значительном интересе русского общества к Востоку. Однако со смертью Кера, с 40-х годов XVIII в., изучение Востока в Академии наук прекратилось, и только русско-турецкая война 1768 - 1774 гг. дала толчок к новым шагам в развитии отечественного востоковедения: появляются первые русско-турецкие словари, в астраханской школе для солдатских детей начинают учить арабскому языку.

Дальнейшее развитие русского востоковедения тесным образом связано с именем М. В. Ломоносова. Его проект «Новое примерное распределение и учреждение Санкт-Петербургской Академии наук», подготовленный и представленный в 1764 г., предусматривал создание при Академии наук особого исторического класса с кафедрами истории, юриспруденции и восточных языков. 1762 - 1796 годы были насыщены мерами по организации преподавания в России восточных языков. Особое внимание уделялось преподаванию этих языков в учебных заведениях, находившихся в городах с преобладанием мусульманского населения.

Главная роль в этом деле отводилась основанной в 1759 г. Казанской гимназии. Начиная с 1769 г. здесь преподавался татарский язык, а с 1771 г. курс татарского языка был введен также в гимназии при Московском университете. Были сделаны первые шаги по преподаванию в гимназиях арабского языка. «Арабский язык, - писал И. Ю. Крачковский, - со второй половины XVIII в. уже систематически появляется в программах общеобразовательных школ. Едва ли не

раньше всего он фигурирует среди четырех азиатских языков в Астрахани... сперва в школе для солдатских детей с 1764 г., преобразованной в народное училище в 1788 г., а затем и в гимназию в 1806 г. Можно думать, что преподавание здесь не прекращалось, так как именно с Астраханью связана первая известная нам арабская грамматика Скибинева 1810 г., оставшаяся в рукописи» (170, с. 31).

Значительную роль в развитии российского востоковедения в XVIII в. сыграла периодическая печать. «Санкт-Петербургские ведомости», издававшиеся с 1727 г., «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», «Праздное время, в пользу употребленное», «Новые ежемесячные сочинения», «Политический журнал», «Собрание новостей», «Новый Санкт-Петербургский вестник» и другие журналы помещали информацию, оригинальные труды и переводы работ по Востоку, публиковали материалы дипломатических представителей России в странах Востока. Эти публикации возбуждали у русской общественности интерес к истории, культуре, литературе, языкам, быту, этнографии народов Востока.

С. начала XIX в. царское правительство активизировало свою политику на Ближнем и Среднем Востоке, что неизбежно вело не только к расширению подготовки кадров для работы на Востоке, но и к расширению и углублению восточных исследований. «Удивительная научная и практическая прозорливость Кера, - пишет Л. Н. Кононов, - глубоко проникшегося пониманием значения научного и практического востоковедения для России того времени и усмотревшего в зарождающемся русском востоковедении его великое будущее, получила практическую реализацию в начале XIX в. в новом регламенте Академии (1803), в первом общем уставе русских университетов (1804) и, наконец, и создании Азиатского музея АН (1818)» 1165, с. 56).

Названные документы сыграли огромную роль в развитии отечественного востоковедения. Расширилось преподавание восточных языков в Академической гимназии при Московском университете, в Астраханском народном училище, преобразованном в Астраханскую Первую мужскую гимназию, в Первой Казанской гимназии. Восточные языки преподавались также в Харьковском, Казанском, С.-Петербургском, Гельсингфорском, Дерптском Юрьевском и Виленском университетах, в Лазаревском институте восточных языков в Москве, в институте восточных языков Министерства иностранных дел, в Восточном институте при Ришельевском лицее в Одессе.

Заметную роль в ту пору сыграли русские журналы - «Журнал Министерства народного просвещения», «Русское слово», «Русский архив», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Библиотека для чтения», «Военный сборник» и «Современник». Работы прогрессивных деятелей русского общества, революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена и многих других, русских ученых - востоковедов по проблемам Востока на страницах русской печати явились неоценимым вкладом в развитие русского востоковедения. Отмечая стремительный скачок науки востоковедения в России в XIX в., В. В. Бартольд писал: «... в XIX веке изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе» (113, с.232).

Первый опыт университетского образования, а равно первые шаги в преподавании восточных языков связаны с деятельностью с начала XIX в. Петербургского и Казанского университета. Профессора и преподаватели этих университетов вместе с учеными-востоковедами, работающими в Петербургской Академии наук, заложили научную базу для дальнейшего развития русского востоковедения.

Гигантский скачок русского востоковедения XIX в. тесно связан с именами Дорна, Френа, Сенковского, Топчибашева, Торнау, Саблукова, Ханыкова, Березина, Григорьева, Васильева, Ковалевского и многих других представителей русской науки, стоявших у истоков отечественного востоковедения.

Выдающемуся ученому Мирзе Мухаммеду Али Гаджи Касим оглы (Александр Касимовичу) Казем-Беку принадлежит достойное место в этой замечательной плеяде отечественных востоковедов. Человек поистине энциклопедических знаний, Казем-Бек оставил неизгладимый след в истории российского востоковедения. Его труды по истории, философии, юриспруденции, литературе, языкознанию народов Ближнего и Среднего Востока являют собой существенный вклад в эту науку, ставят его имя в ряд с корифеями мировой ориенталистики.

Огромна роль М. Казем-Бека в деле подготовки и воспитания национальных кадров ученых-востоковедов. Он всесторонне разработал различные аспекты высшего востоковедного образования, при этом ратая за совершенно новые, прогрессивные формы и методы обучения и воспитания.

Глубоко понимая роль и значение развития востоковедения в России, М. Казем-Бек писал: «... никакое европейское государство так тесно не соединено с Азией в географическом, торговом

и даже этнографическом отношении, как Россия. В недрах России ее жителями употребляется более 20-ти азиатских языков и отдельных наречий, не говоря о многоразличных чужеземных языках, употребляемых, с одной стороны, в Кавказских горах и ущельях, с другой - в Сибирских лесах и равнинах и, с третьей - в значительной полосе государства, усеянной финскими и финно-монгольскими и финно-тюркскими племенами. Сверх того, с Манджурией, с Китаем, с Средне-Азиатскими независимыми племенами, с Персией, и с Турцией мы находимся в ближайшем соседстве.

Следовательно, какое государство имеет более возможности, удобства и даже права извлекать выгоды из знания азиатских языков, чем Россия?» (31, с. 16).

Роль и заслуга М. Казем-Бека в истории русского востоковедения заключается в том, что он одним из первых начал заботиться о подготовке специалистов - востоковедов из соотечественников.

Большое внимание он уделял профессорско-преподавательскому составу восточного факультета. Как известно, в первый период обучения восточным языкам в Казанском университете преподавание велось иностранцами и на иностранных языках, преимущественно на немецком и латинском, не доступных значительному числу слушателей. Историк востоковедения Н. Загоскин по этому поводу писал: «Справедливость требует отметить, что успехи преподавания Френа далеко не соответствовали той горячей любви, которую вкладывал он в дело, и сам профессор, сознавая в этом прискорбном факте, в одном из своих писем к попечению усматривает во-первых – недостаточное знакомство студентов с латинским языком, на котором велось им преподавание...» (155, с. 225 - 26). Специалисты, приглашенные из-за границы, не были заинтересованы в подготовке востоковедов из российских студентов. Еще М. В. Ломоносов в свое время писал: «... довольно и так иноземцы русскому юношеству недоброхотством в происхождении препятствовали» (177, с. 80). В целях подготовки преподавательских кадров из соотечественников М. Казем-Бек выдвинул идею поощрения тех студентов, которые изъявляли желание остаться в университете по его окончании для преподавательской деятельности. «Тем из окончивших курс молодых людей - писал он, - которые по своей даровитости, любви к занятиям и отличным успехам обратят на себя особое внимание факультета и пожелают остаться при университете с целью занять впоследствии штатное преподавательское место, выдавать в течение первого года по окончании ими курса денежное пособие для приготовления себя к приват-доцентуре по избранной ими специальности» (183, т. 1, с. 37). Отмечая заслуги М. Казем-Бека в деле подготовки востоковедов, профессор Петербургского университета Попов указывал, что благодаря профессору Мирзе Казем-Беку образовалось целое поколение более или менее известных ориенталистов.

М. Казем-Бек впервые в истории высшего образования в России научно и теоретически обосновал профиль, основные качества и черты специалиста - востоковеда. Он был страстным поборником изучения языков, призывал преподавателей и студентов глубже изучать народы мира. Придавая большое значение знанию языков в деле дальнейшего развития мировой науки, он писал: «Давно уже доказано, что нет лучшего руководителя к достижению истины в исследовании народных древностей, как изучение языков; это единственный путь к сокровищницам знаний, сокрытых в лабиринте невежества» (9, с. 245 – 246).

Выступая за изучение языков, М. Казем-Бек в то же время, как и другие прогрессивные деятели (и педагоги) России XIX в., боролся против обязательного включения в учебные программы высших учебных заведений древних, мертвых языков, в частности латинского, как не имеющих практического значения и перегружающих программу преподавания. Латинский язык, нужный медикам, ботаникам, зоологам и юристам, оказывался бременем для студентов - востоковедов. Более того, включение в программу древних языков мешало надлежащему изучению учащимися основных дисциплин. Введение древних языков в расширенном масштабе в российских учебных заведениях для царского правительства было важнейшим средством изоляции учащихся от политической жизни страны, а также подавления общественной активности.

М. Казем-Бек резко выступал против насаждения классицизма в обучении. 18 февраля 1857 г. в донесении на имя ректора Петербургского университета он указывал, что «латинский язык... может только бесполезно увеличить программу факультета и тем излишне обременить его воспитанников в изучении полного курса факультетских наук. В самом деле, едва ли можно сомневаться в том, что состоящие в ведомстве иностранных дел консулы и члены русских посольств при восточных дворах или чиновники и в Новороссийском крае и вообще между Азиатскими племенами, живущими в России, не имеют ни малейшей надобности в латинском языке, изучение

которого, следовательно, влекло бы для них только потерю времени, в особенности потому, что время это они могли бы употребить с действительной для себя пользою» (87, ф. 14, л. 56 об.).

Критикуя существующие программы восточного факультета М. Казем-Бек находил, что одним из основных недостатков в подготовке кадров является перегруженность учебной программы различными предметами, не относящимися к профилю восточного факультета. По этому поводу он писал: «... всякие другие предметы, не имеющие... отношения к будущей деятельности оканчивающих курсы в восточном факультете, не только бесполезны, но и даже вредны, потому, что излишни, потому, что на них будет тратиться драгоценное время, без всякого применения их к делу» (87, ф. 14, л. 56 об.).

Для лучшей и всесторонней подготовки будущих специалистов М. Казем-Бек предлагал вместо латинского языка, «сверх преподаваемых ныне, ввести в факультет восточных языков еще политическую экономию, дипломатию, финансовое право, логику и педагогику... Нет никакого сомнения, что предметы эти будут прямо полезны и необходимы большей части воспитанников нашего факультета....» (183, т. 1, с. 386).

Развивая свои мысли о перегруженности учебных программ ненужными для востоковедов предметами и насаждении классицизма, он указывал, что «в университетском курсе словесность, теория языка вообще была бы уместнее, чем изучение одного из классических языков, считающихся образцовыми по грамматическому строю... Нельзя утверждать, что латинский язык стройностью своею лучше всяких других предметов развивал умственные, мыслительные способности и занимал важнейшее место в системе человеческого образования: многие предметы из наук математических, естественных, юридических могли бы в этом поспорить с латинским с честью — с той притом разницей, что многие из этих предметов имели бы, сверх того, ближайшее приложение к делу, в жизни, чем едва ли латинский язык похвалиться может» (183, т. 1, с. 394).

Чтобы молодежь получила разнообразную подготовку, М. Казем-Бек считал необходимым приблизить знания к жизни, к практике. С этой целью он считал полезным прохождение практики для усовершенствования изучаемого языка в местных условиях. Кроме того, Казем-Бек предлагал ходатайствовать перед правительством о выделении средств для командирования «трех или четырех молодых ориенталистов под руководством опытного профессора, например Григорьева, которые бы совершали каждый раз четырехмесячные путешествия по Туркестану для изучения местных памятников древности», «Там, в Самарканде, и Ташкенте и соседних городах, - продолжал он, - скрываются множество манускриптов, от которых дошли до нас одни лишь названия. Там на стенах мечетей и примечательных зданий много надписей, которые могут разрешить некоторые темные исторические вопросы; там можно раскрыть много драгоценностей по части лингвистики, по части нумизматики и по части этнографии» (183, т. 4, с. 173, 174).

М. Казем-Бек был выдающимся методистом своего времени. Методы обучения, которые он применял к своей педагогической деятельности, и по настоящее время не потеряли практического значения. В основу своей методики он положил прочную и основательную систему усвоения знаний. Исходя из специфики читаемого курса, он обращал основное внимание на правильное произношение, на сознательное усвоение значения изучаемых слов и т. п.

В своей педагогической деятельности М. Казем-Бек придавал большое значение принципу наглядности в обучении. Для наглядного преподавания восточной словесности и нумизматики при Казанском университете силами профессорско-преподавательского состава был организован богатый нумизматический учебно-вспомогательный кабинет. В этой связи отмечалось, что, «Казем-бек сыграл определенную роль в деле составления богатого собрания восточных монет, которые служили необходимым пособием для преподавания восточной нумизматики» (191, с. 64 – 67).

Самим ученым была собрана богатая коллекция восточных монет, которая впоследствии была передана им в дар Археологическому обществу. После смерти М. Казем-Бека коллекция была изучена и включена в каталог В. В. Григорьевым, который писал по этому поводу: «Несмотря на огромное количество монет золотоординского ханства, прошедших через руки русских нумизматов и ими описанных, почти каждый делающийся известным клад из этих монет, почти каждая сколько-нибудь значительная коллекция их, не подвергавшаяся еще рассмотрению, представляют обыкновенно большее или меньшее число видов и вариантов, не занесенных еще в монетные каталоги джучидов. Так и при просмотре мною джучидских монет, принесенных в дар Имп. Археологическому Обществу покойным профессором А. К. Казем-Беком, оказалось в числе их несколько неизданных» (139, с. 123). Среди этих монет, опубликованных В. В. Григорьевым, были серебряная и медная монеты Тохточу-хана, пять серебряных монет Узбек-хана, серебряная монета Джанибек-хана (751 г.), серебряная монета Бирдибек-хана (759 г.), медная Азиз Шейх-хана,

медная Абдуллах-хана (762 г.) и др. - всего 20 монет (о нумизматической деятельности М. Казем-Бека см. также (157а)).

В изучении Востока М. Казем-Бек использовал также древние скульптуры. Среди предметов древности, хранящихся в художественном музее в Павловске, имеются и изученные, а затем переданные в музей М. Казем-Бек. Об одном таком изученном экспонате ученый писал 20 мая 1855 г.: «Имею удовольствие представить Вам пять списков, снятых мною с камней, привезенных в С.-Петербург из Варны после войны 1828 г. Эти камни помещены в Павловске, в северо-западной стене Волиеры... Каллиграф мой под моим личным надзором передал их бумаге точь-в-точь, следуя и почерку, и формам письма подлинных надписей, не отступив ни на шаг даже от орфографии и порядка расположения слов и букв на каждом камне» (276, с. 617).

С первых же дней организации в Петербургском университете восточного факультета М. Казем-Бек старался расширить круг изучаемых восточных языков, совершенствовать организационную структуру факультета. Уже в 1856 г. (сразу после открытия факультета) он поставил перед ректором университета вопрос о желательности разделения первого арабско – персидско – татарского разряда восточного факультета на два – арабско – персидско – турецкий и арабско – персидско – татарский. В том же году М. Казем-Бек ходатайствовал об учреждении трех самостоятельных кафедр: тюркских наречий, санскритских языков и тибетского языка. В 1865 г., уже имея опыт подготовки высококвалифицированных востоковедов, а также учитывая острую потребность в этих специалистах в административных и научно - педагогических учреждениях, М. Казем-Бек разрабатывает и представляет на рассмотрение новый проект преобразования факультета восточных языков.

Большой интерес для изучения педагогических взглядов Казем-Бека представляют составленные им в 1853 г. учебный план и учебное пособие по турецкому языку для слушателей Военной академии. Учебник был составлен по строгим правилам педагогики, чем существенно отличался от имеющихся ранее пособий. Он состоял из трех частей: грамматики, хрестоматии и краткого русско-турецкого и турецко-русского словаря с алфавитным указателем восточных имен. В предисловии к учебнику М. Казем-Бек писал: «При самом первом опыте лекции доселе существующие учебные пособия оказались или слишком недостаточными для числа моих слушателей, или неудобными для единообразия занятий; притом характер таких занятий требовал непременно иметь под рукою материалы, приспособленные к делу по строгим правилам педагогики» (33, с. 1). Большим достоинством учебного пособия было то, что в нем учитывался принцип самостоятельного изучения турецкого языка. Казем-Бек следующим образом объяснял такой характер своего учебника: «... если некоторым моим слушателям, по служебной обязанности, представится возможность или постоянно и последовательно слушать мои лекции, или докончить их (что действительно и случилось), то, по крайней мере, у них будет в руках знакомое им в главных очерках и системе руководство, по которым они могут продолжать начатые занятия» (33, с. 1 – 2). Одновременно учебное пособие знакомило изучающих турецкий язык с богатым наследием турецкой литературы.

Для выявления педагогических идей Казем-Бека, а также организации изучения восточных языков в России в середине XIX в. большую ценность представляет проект устава Азиатского института, составленный М. Казем-Бек. В этом проекте М. Казем-Бек предлагает прогрессивные методы организации учебной работы.

Значителен вклад М. Казем-Бека в дело организации восточного факультета Петербургского университета, учреждением которого прекращалось преподавание восточных языков в Казанском университете, Казанской гимназии и Ришельевском лицее. Восточный факультет Петербургского университета стал важнейшим научным и учебным центром изучения Востока. В нем концентрировались все научные силы страны в области востоковедения. В связи с этим М. Казем-Бек считал нужным организовать преподавание в университете восточных языков по широкой программе.

Характерно выступление М. Казем-Бека на открытии факультета восточных языков в Петербургском университете, в котором он четко и ясно определил задачи и перспективы факультета. Как видно из этой его речи, факультет восточных языков с первого дня организации представлял собой научное учреждение. Уже в день открытия здесь числилось четырнадцать опытных специалистов - преподавателей, в том числе ординарных профессоров. Факультет состоял из девяти кафедр, распределявшихся на пять главных разрядов: арабско – персидско – татарский, монгольско – калмыцко - татарский, китайско - маньчжурский, еврейско - арабский и армянско – грузинско - азербайджанский.

В пяти разрядах факультета изучалось четырнадцать восточных языков: староарабский и новоарабский, персидский, османско - турецкий, азербайджанский, джагатайский, монгольский,

калмыцкий, маньчжурский, китайский, староеврейский и новоеврейский, армянский, грузинский. Изучение языков связывалось с литературой, историей и законодательством стран, население которых говорило на соответствующих языках.

Характеризуя состав вновь организованного факультета, М. Казем-Бек говорил: «Что же касается будущего значения нашего факультета в ученом отношении, в отношении к его заслугам на поприще наук, то настоящий его состав может быть верным залогом того, чего вправе ожидать от него... Россия. ... Нигде еще в Европе не было такого соединения в одно ученое общество столь многочисленных ориенталистов, как ныне у нас, нигде еще не были сосредоточены все отрасли Азиатских языков и литературы в такой полноте, как в нашем факультете» (31 с. 9 – 20).

Организация факультета восточных языков в Петербурге вместо Казани означала не просто географическое перемещение. Этот факт свидетельствовал, что дело изучения восточных языков и культуры народов Востока получило широкое признание и в дальнейшем будет развиваться.

М. Казем-Бек был полон гордости за успехи отечественного востоковедения. Он отмечал, что в составе ученых - востоковедов было много уроженцев Востока, что русские ученые, как правило, совершенствовались в изучении языков и культуры непосредственно на местах, почему пользуются огромным авторитетом в Западной Европе.

В выступлении на открытии факультета М. Казем-Бек призвал молодежь овладевать знаниями, использовать все достижения науки. Обращаясь к студентам, он говорил: «Юные соискатели умственных сокровищ на поприще Науки! Юные друзья! Идите за влечением долга, чести и нетревожно стремитесь к избранной вами цели». Яркими мазками обрисовав важное значение развития востоковедения, Казем-Бек восклицал: «Это „должно возбудить в Вас любовь и соревнование на пути, Вами избранном“» (31, с. 21).

Со дня организации восточного факультета Петербургского университета до последних дней своей жизни М. Казем-Бек добивался существенных изменений в организации процесса обучения: в учебных планах, программах, во внеаудиторной работе со студентами, в производственной практике, в структуре приемных и переводных экзаменов, а также в организации приема нового пополнения студенчества. М. Казем-Бек доказал необходимость приема на факультет лиц нерусских национальностей, которые помогли бы усовершенствованию содержания и методов университетского образования, улучшению методики преподавания.

М. Казем-Бек сознавал, что одним из основных условий успеха учебной работы являются учебники и учебные пособия, в особенности учебники по языку. Поэтому он всячески добивался ассигнований средств на издание учебников, которые ранее по многим языкам отсутствовали, что чрезвычайно затрудняло нормальное проведение занятий. М. Казем-Бек считал необходимым издание учебников по всем языкам, изучавшимся в университетах России.

Созданная М. Казем-Бекон «Грамматика турецко-татарского языка» (1839 и 1846) стала настоящим явлением в науке и «крупным событием в истории отечественной тюркологии» (165, с. 228). На этой «Грамматике» была воспитана бестаящая плеяда не только русских, но и западноевропейских востоковедов и преподавателей восточных языков.

Наряду с созданием учебных пособий М. Казем-Бек заботился о своевременном пополнении библиотеки восточного факультета необходимыми педагогам и студентам книгами, рукописями, журналами и трудами ученых обществ. В донесении попечителю Петербургского учебного округа 3 августа 1855 г. М. Казем-Бек писал: «При многостороннем назначении, которое должен иметь наш факультет, и при обширной и разнообразной деятельности, которая вследствие того должна в нем развиваться, все книги, касающиеся языков, литературы и истории Востока, могут быть для нашего факультета если не необходимы, то полезны...» (183, т. 1, с. 275).

Сам М. Казем-Бек принимал непосредственное участие в пополнении восточного фонда библиотеки Казанского университета. Только в 1839 г. он передал библиотеке университета 202 рукописи: «Это приобретение поставило библиотеку Казанского университета по отделу восточной филологии в число первых в России и замечательнейших в Европе» (167, с. 11).

Наряду с перечисленными действиями, предпринятыми М. Казем-Бекон в области развития востоковедения в России, необходимо отметить его стремление к созданию востоковедческого научного журнала в России. М. Казем-Бек неоднократно возвращался к этому вопросу, прибегал к помощи не только отдельных организаций (Имп. Академии наук, Министерства народного просвещения, С.-Петербургского университета и др.), но также и отдельных влиятельных лиц.

Роль М. Казем-Бека в развитии отечественного востоковедения и его место в мировой ориенталистике получили достойную оценку как его современников, так и ученых последующих поколений. Еще при жизни ученого в газетах и журналах Казани и Петербурга появлялись статьи

и заметки, освещавшие те или иные стороны его жизни и деятельности. Больше всего о творчестве М. Казем-Бека опубликовано статей научного характера в «Журнале Министерства народного просвещения», «Ученых записках Казанского университета», в журналах «Русское слово», «Русский архив», «Современник», в газетах «Петербургские ведомости», «Рассвет», «Северная пчела» и др.

Первую подробную биографию М. Казем-Бека написал его ученик профессор И. Н. Березин. Она была опубликована в 1872 г. в «Протоколах заседаний Совета Петербургского университета». Наряду с изложением биографии ученого И. Н. Березин дал анализ главнейших его работ.

«Как ученый, - писал И. Н. Березин, - Мирза Казем-Бек представляет редкое явление, заслуживающее особенного внимания и наблюдения: благодаря особым обстоятельствам азиатского воспитания и позднейшего европейского развития он соединял в себе обширное восточное знание с европейской наукой... (121, с. 125 – 126).

Сравнивая М. Казем-Бека с известными востоковедами мира, И. Н. Березин пришел к выводу, что «такого знатока ислама и мусульманского законоведения, как профессор Казем-Бек... Западная Европа не имеет» (87, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4926, св. 96). Березин назвал его патриархом русского ориентализма.

Позднее подробная биография М. Казем-Бека была написана его дочерью О. А. Баратынской и опубликована в журнале «Русский архив» (110, с. 209 – 226). На страницах этого же журнала О. А. Баратынская полемизировала с Е. Козубским об одельных спорных деталях жизни и деятельности М. Казем-Бека. Со статьями и сообщениями о М. Казем-Беке выступили также В. В. Григорьев (138), Н. И. Веселовский (126), Г. Н. Геннади, (132) и др. И. И. Михайлов писал, например: «Казанский университет дал прекрасных ориенталистов. Вначале было два профессора восточных языков, которые воспитали целое поколение ориенталистов. Первый профессор Эрдман... Другой профессор Казем-Бек... Оба эти профессора были достойные, заслуживающие уважения личности, дельные ученые и вместе с тем люди, готовые на все доброе... В сочинении „Жизнь Магомета" он (Казем-Бек. - А. Р.) обнаружил редкое знание Востока и чрезвычайный критический ум» (264, 1899, № 10 - 11, с. 231).

Немало сведений о М. Казем-Беке, особенно о его педагогической деятельности, содержится в «Материалах для истории, факультета восточных языков» (183). Особый интерес представляют помещенные там проекты, учебные программы, докладные записки, отзывы на диссертации, составленные М. Казем-Беком. Большую работу по изучению богатого наследия М. Казем-Бека провели всемирно известные ученые И. Ю. Крачковский и В. В. Бартольд. И. Ю. Крачковский особое место уделит роли М. Казем-Бека в деле развития русского и мирового ориентализма, в частности русской арабистики, разработки истории народов арабских стран. И. Ю. Крачковский, говоря о востоковедческой школе М. Казем-Бека, называл его пионером в деле разрешения ряда вопросов. «Если сопоставить имена всех крупных востоковедов, близких к арабистике, - писал И. Ю. Крачковский, - хотя и работавших официально на других кафедрах в составе молодого факультета за первое десятилетие его жизни, картина получится очень внушительная - Казем-Бек, Березин, Мухлинский, Хвольсон, Григорьев... Неудивительно, что наряду с этими учеными официальные представители арабистики отходили на второй план и до середины 70-х годов не играли еще крупной роли на молодом факультете» (169, с. 93).

Высоко отзывался о вкладе, внесенном М. Казем-Беком в развитие русского востоковедения, В. В. Бартольд. «Благодаря своим выдающимся способностям, - писал он, - Мирза Казем-Бек без особенного труда мог пополнить свое восточное образование усвоением европейской науки... Вступивший в круг европейских ученых азиатцев - автодидакт способствовал развитию русского ориентализма в несравненно большей степени, чем официальный представитель кафедры в Казани...» (183, т. 4, с. 29). Высоко отзывался Бартольд о деятельности М. Казем-Бека по изданию «Дербент-наме». «Казем-Бек, - писал В. В. Бартольд, когда приступил к своему исследованию, располагал довольно значительным рукописным материалом, но ни в одной из рукописей... не было начала сочинения, с упоминанием имени автора и имени лица, для которого сочинение было написано... Уже во время печатания своей книги Казем-Бек ознакомился с рукописью Румянцевской библиотеки, единственным из известных и настоящее время списков Дербенд-Намэ... После Казем-Бека этим списком никто не занимался» (114, т. 8, с. 473 – 474).

Высокую оценку деятельности М. Казем-Бека в своих трудах дает также М. С. Иванов (156).

В 1940 г. вышла из печати работа Ягуба Алиева «Профессор Л. К. Казем-Бек» (100). Автор изложил краткую биографию ученого и дал анализ двум его работам по лингвистике - «Общей

грамматике турецко-татарского языка» и «Учебному пособию для временного курса турецкого языка». Я. Алиев же дал первый, хотя и не полный, список трудов М. Казем-Бека. Работа Я. Алиева сыграла положительную роль в деле ознакомления советского читателя с именем выдающегося ученого и восполнила непростительный пробел в советской востоковедческой литературе. Труд Я. Алиева, на наш взгляд, дал толчок к созданию более фундаментальных произведений о М. Казем-Беке.

Глубокое изучение жизни и научной деятельности М. Казем-Бека начинается с 1948 г.

Значительный вклад в дело изучения научного творчества М. Казем-Бека внес Н. А. Смирнов, числивший Казем-Бека среди пионеров русского востоковедения первой половины XIX в. (211, с. 34).

Работу М. Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль» Н. А. Смирной считает положительным вкладом в изучение мюридизма в середине XIX в. Он положительно относится к оценке М. Казем-Беком мюридизма как закономерного явления в исламе. Как далее отмечает автор, работа М. Казем-Бека явилась результатом добросовестного исследования и содержала ценные фактические сведения о догматической и частично практической стороне мюридизма, расширила знания историков об этом предмете и в дальнейшем использовалась в трудах русских кавказоведов. Высокая оценка взглядов М. Казем-Бека дана в книге «Очерки истории исторической науки в СССР». Авторы «Очерков» отмечают, что М. Казем-Бек был «крупным ученым, оставившим большой след в русском востоковедении» (195, с. 510). По их меткому определению, «Казем-Бек по праву может считаться ведущей фигурой и основателем школы русских востоковедов» (195, с. 510).

Мы вполне согласны с оценкой, данной авторами «Очерков» историческому труду М. Казем-Бека «Баб и бабиды». «Политическую сторону движения автор изложил гораздо полнее и лучше, - читаем в „Очерках“, - чем религиозную. В последнем вопросе он обнаружил определенную методологическую беспомощность и идеалистический подход к изучению религиозных явлений. В еще большей степени этим пороком страдают труды Казем-Бека, посвященные исламу и мюридизму на Кавказе» (195, с. 510).

В пятитомной «Истории философии в СССР» дана обстоятельная характеристика мировоззрения М. Казем-Бека, рассмотрено его отношение к религии, подробно освещена просветительская роль ученого. Здесь в эволюции взглядов ученого выделяются в основном два периода. В 30 - 50-х годах он стоял на позициях объективного идеализма в духе традиционного богословия. В это время он ратовал за просвещенную монархию, полагая, что мудрые правители могут направить страну по пути развития и создать процветающее общество. Под влиянием антикрепостнической борьбы крестьян, революционной пропаганды разночинцев и студенческих движений Казем-Бек постепенно освобождался от многих иллюзий, становясь на путь буржуазного просветителя - демократа.

По мнению авторов, путь Казем-Бека был противоречивым: от монархических и либеральных иллюзий к демократизму, от идеализма к деизму. «Казем-Бек отстаивал права народа на изменение существующих порядков, - отмечается далее в „Истории философии в СССР“, - если они не отвечают естественным его потребностям, „стремлению к свободе“, противоречат „назначению человека“. Человек имеет право на свободу, образование, счастливую жизнь. Когда правители попирают эти права, народные массы правы свергнуть их. Поэтому Казем-Бек оправдывает участников бабидского восстания - антифеодального и антиабсолютистского движения народных масс в Иране середины XIX в., ибо их целью было освобождение своего отечества от алчности духовенства, от угнетения тиранов и преобразование религии» (160, с. 566). Далее в «Истории» сказано, что Казем-Бек «близок и дорог нам как мыслитель, искренне протестующий против социальной несправедливости и политического гнета, пропагандирующий идеи свободы, равенства, братства и мира на земле» (160, с. 566).

Большой вклад в дело изучения жизни и научной деятельности М. Казем-Бека внес Г. Гусейнов. В своей фундаментальной работе «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века» (142) Г. Гусейнов посвятил М. Казем-Беку отдельную главу. Ученый, по сути дела, впервые в советской литературе дал подробный материал о выдающемся ученом. Он описал жизненный путь М. Казем-Бека, осветил начало его творческой деятельности. Большое внимание уделил он вопросам отношения М. Казем-Бека к передовой русской культуре и влияния ее на формирование мировоззрения ученого. Подробно остановившись на анализе философских взглядов М. Казем-Бека, Г. Гусейнов исследовал его отношение к литературе и вопросам эстетики. Большой раздел работы посвящен труду М. Казем-Бека «Мифология персов по Фирдоуси». Подробно проанализирована и фундаментальная работа М. Казем-Бека «Баб и бабиды».

Большой интерес представляет книга видного советского ученого Б. М. Данцига «Изучение Ближнего Востока в России» (143). Значительное место в книге уделено роли М. Казем-Бека в развитии науки востоковедения и изучению им проблем Ближнего Востока. Автор особо подчеркивает роль М. Казем-Бека как педагога, воспитавшего целую плеяду видных востоковедов - К. К. Фойгта, И. Н. Березина, Н. А. Иванова, О. М. Ковалевского, А. В. Попова, Д. Митчеля, В. Ф. Диттеля, В. П. Васильева и др. Б. М. Данциг высоко оценивает также труды азербайджанских ученых о М. Казем-Беке, особо отмечая работу Г. Гусейнова.

Н. А. Кузнецова в работе «К истории изучения бабизма и бехаизма в России» исследовала труд М. Казем-Бека «Баб и бабиды», справедливо назвав ученого первым русским исследователем бабизма. В отличие от других исследователей, относивших бабизм к религиозным движениям, «Мирза Казем-Бек склонен был рассматривать его как политическое выступление про существующего строя, принявшее религиозную окраску» (197, сб. 6, с. 91). Н. А. Кузнецова делает следующий вывод: «Книга Мирзы Казем-Бека была своего рода явлением в русском востоковедении... Она была хорошо принята русской общественностью и долгое время оставалась единственным обстоятельным исследованием на русском языке о бабидах. В России, стоявшей на пороге преобразований, идеи борьбы за реформы, в какой бы стране эта борьба ни шла, находили живой отклик... последующие работы русских ученых о бабизме не были столь обстоятельными» (197, ст. 6, с. 93).

Одним из исследователей М. Казем-Бека является М. А. Абдуллаев, в 1963 г. выпустивший книгу «Казем-Бек - ученый и мыслитель» (96). В 1968 г. вышла из печати книга того же автора «Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в.» (95), в которой третья глава полностью посвящена М. Казем-Беку. Автор дает подробный очерк жизни и деятельности ученого, освещает эволюцию идей Казем-Бека, исследует философские, социологические, государственно-правовые и этические взгляды М. Казем-Бека. М. Абдуллаев освещает также отношение М. Казем-Бека к языку как общественному явлению, его отношение к исламу, взгляды его на мюридизм и бабизм и ряд других вопросов.

Несколько работ о М. Казем-Беке опубликовала татарский ученый Н. А. Мазитова: «Кафедра турецко-татарского языка Казанского университета (перв. половина XIX в.)», «О востоковедческой деятельности проф. А. А. Казем-Бека» и «Казанский период научно-педагогической деятельности проф. А. К. Казем-Бека» (178; 179; 180), в которых подробно освещает роль М. Казем-Бека в деле изучения восточных языков в Казанском университете и создания учебных пособий и учебных программ по этим языкам. Она рассматривает вопросы изучения М. Казем-Беком стран Ближнего и Среднего Востока, в частности литературно-исторического и религиозно-правового памятника «Авеста», освещает его педагогическую деятельность. По мнению Н. А. Мазитовой, М. Казем-Бек «был инициатором в области создания сравнительной грамматики тюркских языков и заложил основы Казанской школы тюркологии. Кафедра турецко-татарского языка университета постепенно превращается в главный научный центр изучения тюркологии в России» (178 с. 17).

В своей книге «Этическая мысль в Азербайджане» З. Геюшев специальною главу посвятил этическим воззрениям М. Казем-Бека (134). Это первая попытка разработки вопросов отношения азербайджанского ученого к вопросам этики. Смысл этических воззрений М. Казем-Бека автор видит в первую очередь в том, что он искал мирные, гуманные пути и средства для устранения зла, для обеспечения истинного счастья людей и для достижения разумной свободы во всех сферах человеческой деятельности. З. Геюшев особо останавливается на гуманизме М. Казем-Бека, его отношении к религии и к исламу в частности.

В заключении своей работы З. Геюшев приходит к выводу, что М. Казем-Бек «определяя сущность производственного закона... стоял на позиции „разумного эгоизма“».

Значительным вкладом в дело изучения истории востоковедения в России, в частности творчества М. Казем-Бека, является ценная монография А. Н. Кононова «История изучения тюркских языков в России». По глубокому убеждению А. Н. Кононова, «с именем М. А. Казем-Бека... связан значительный этап в развитии нашего отечественного востоковедения вообще и тюркологии в частности» (165, с. 228). А. Н. Кононов сумел очень высоко оценить исключительные заслуги М. Казем-Бека в деле развития тюркологии: «М. Казем-Бек был выдающимся тюркологом прошлого века, много содействовавшим (в первую очередь своей грамматикой) выдвижению русской тюркологии в первые ряды мировой науки. Он соединял в себе восточную ученость с лучшими традициями тогдашней русской науки... Научная и организационная деятельность Казем-Бека и его учеников... во многом содействовала созданию той новой русской школы, которая во второй половине прошлого века прочно заняла ведущее место в мировом востоковедении» (165, с. 232).

А. Н. Кононов оценил заслуги М. Казем-Бека в деле изучения истории древних уйгуров, назвав его пионером этого направления, а также в деле изучения тюркизмов в русском языке и разработки методики изучения ориентализмов в русском словаре. А. Н. Кононов причисляет М. Казем-Бека к плеяде русских ученых востоковедов, которые определяли как одну из главнейших задач русского научного востоковедения изучение восточных источников для освещения истории народов России. М. Казем-Бек много прилагал усилий для изучения законов фонетики, морфологии и синтаксиса. По меткому определению А. Н. Кононова, «если в изложении фонетики и морфологии Казем-Бек мог пользоваться схемой Жобера, то в отношении синтаксиса ему пришлось самому пролагать путь по малоисследованной области» (165, с. 312, 330 – 331). В другой своей работе А. Н. Кононов отмечает, что «Грамматика турецко-татарского языка» «надолго - до начала 20-х годов XX в. - стала основным пособием для изучения турецкого языка не только в России, но и в Западной Европе» (164, с. 39).

В 1973 г. в издательстве «Наука» вышла еще одна большая монография Б. М. Данцига - «Ближний Восток в русской науке и литературе». Дав высокую оценку деятельности М. Казем-Бека казанского периода, ученый добавляет: «... создателем казанской школы ориенталистов по праву должен считаться А. К. Мирза Казем-Бек» (144, с. 110). Б. Данциг подвергает справедливой критике тех советских исследователей, которые не совсем объективно освещают творчество М. Казем-Бека, искажают факты его творческой биографии. «Утверждение же А. С. Шофмана, - пишет Б. Данциг, - что „такие востоковеды, как Френ, Эрдман, Казем-Бек и др., занимаясь изучением восточных языков, не обращали внимания на историю тех народов, языки которых изучались“, и что „иную позицию занимали передовые русские ученые ориенталисты“, представляется не совсем правильным... Казем-Бек опубликовал исследование по истории крымских ханов, „Дербент-наме“, „Баб и бабиды“, что безусловно свидетельствует о его интересе к истории. Несомненно, профессор А. К. Мирза Казем-Бек был одним из авторитетнейших востоковедов России середины XIX в.» (144, с. 114).

Б. М. Данциг имел в виду работу А. С. Шофмана «Казанский университет до Великой Октябрьской социалистической революции. История Казанского государственного университета им. В. И. Ленина» (Казань, 1954. На правах рукописи). Уместно будет напомнить суждение по этому вопросу самого М. Казем-БЕКА, относящееся к 1859 г. Он писал: «Считаю полезным для молодых членов нашего факультета, преподающих только языки, занятия, имеющие целью преподавание более серьезное, как, например, преподавание истории Востока, которая русскими учеными почти вовсе не разработана и в которой между тем крайне нуждаются молодые люди, воспитывающиеся в нашем факультете. Таким образом, занятие адъюнктов восточную историю принесло бы двойную пользу: для науки в обширном смысле и для полнейшего образования будущих ориенталистов» (184, т. 1, с. 33).

Свидетельство современников самого М. Казем-Бека подтверждает справедливость критики Б. Данцига. В частности, как указывал К. Фойгт, М. Казем-Бек «попеременно объяснял студентам высших курсов пространную турецко-татарскую грамматику по своему сочинению, избранные места из Кабус-намэ, истории Чингиз-хана, сочинения Абдуль-Гази-Багадур-хана, истории Семи планет Ризы, сочинений Рагиб-паши, Рами Эфенди и Агели; упражнял их в чтении константинопольских и александрийских газет, переводах на турецкий язык и читал историю турецкой литературы и историю просвещения на Востоке по своим записям, 6 часов в неделю» (275, 1852, № 2, с. 12).

Полностью отвергаются доводы А. Шофмана также высказываниями педагогических журналов того периода. Так, в 1869 г. орган Министерства просвещения отмечал, что «по части исторических текстов он (Казем-Бек - А. Р.) первый ознакомил Европу с такими капитальными произведениями, как „История Крымского ханства“ Сеид Ризы, сказания о Кавказе, известные под именем „Дербент-нама“... за которые в высшей степени благодарны ему как мусульманский мир, так и ориенталисты всех стран, исследовавшие этот мир. Сочинение его „Баб и бабиды“ - лучший источник для ознакомления с религиозным брожением в современной Персии...» (251, 1869, ч. СХLII, с. 22 – 23).

Обратимся по этому вопросу также к работам советских исследователей деятельности факультета восточных языков. В. В. Бартольд писал, например, что «Казем-Бек в записке 1858 г. признавал преподавание истории „более серьезным“, чем преподавание языков, факультет еще в 1862 г. смотрел на изучение истории Востока только как на средство к более основательному знакомству с языками... До учреждения новой кафедры факультет еще в 1858 г. по инициативе Казем-Бека принял некоторые меры к развитию исторических курсов, читавшихся профессорами и адъюнктами восточных языков, и даже к проведению в жизнь принципа, по которому чтение

такого курса должно было быть обязательно для каждого преподавателя по отдельной кафедре» (114, т. 9, с. 120 – 121).

Говоря об умении связывать преподавание языков с историей народа и страны, В. В. Бартольд писал: «На лингвистических лекциях при чтении арабских, персидских и тюркских текстов преподаватель не ограничивается лингвистическим комментарием, но присоединяет к нему комментарий исторический и бытовой и дает слушателям необходимые библиографические указания по соответствующим вопросам...

Без систематических общих и специальных курсов по истории Востока, которые читали А. К. Казем-Бек... такие комментарии остались бы лишь крупными эклектическими сведениями, не связанными идеями общего процесса исторического развития народов Востока» (87, д. 14, оп. 3, д. 1). Это мнение подтверждается также исследованиями А. Д. Желтова, который отмечает, что «наиболее важную роль в изучении истории народов Ближнего Востока в первые десятилетия существования университета в Петербурге сыграли его профессор О. И. Семковский (1800 - 1858) и А. К. Казем-Бек (1802 - 1870). Будучи деканом, он (Казем-Бек - А. Р.) проявил очень важную для развития факультета и всего русского востоковедения инициативу в постановке на факультете восточных языков специальных регулярных курсов по истории стран Востока» (154, с. 63).

В последние годы появились еще несколько работ, в которых освещаются те или другие стороны творчества М. Казем-Бека с оценкой его вклада в развитие отечественного востоковедения. С. М. Михайлова, отмечая роль русских востоковедов XIX в. и разработке комплекса проблем стран Востока, пишет: «Виднейшие востоковеды О. Ковалевский, И. Н. Березин, А. Казем-Бек и др., ведя большую работу по научному изучению восточных языков, сохраняя для последующих поколений бесценные письменные памятники прошлого, вместе с тем исключительное внимание уделяли исследованию культуры, быта, верований и этногенеза местных народов, считали необходимым рассмотрение этих вопросов вести в тесном контакте с процессом исторического развития, интуитивно, таким образом, предугадывая проблему исторического и логического в познании явлений действительности» (186, с. 162).

Статья З. М. Буниятова раскрывает процесс влияния творчества М. Казем-Бека на развитие востоковедения как науки, на ход событий развития этой науки в странах Западной Европы, его роль в изучении восточной литературы в России. «Подобно многим прогрессивным русским ученым, - пишет З. М. Буниятов, М. Казем-Бек высоко ценил роль восточной науки в процессе становления и развития научной мысли Запада. Всеми своими помыслами он стремился содействовать установлению прочных литературных связей между литературой Востока и русской литературой в России, ознакомлению русского читателя с передовыми представителями литератур народов Востока» (124, с. 125).

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МИРЗЫ КАЗЕМ-БЕКА

Молодые годы

Мирза Мухаммед Али Казем-Бек родился 22 июня 1802 г. Отец его Гаджи Касим Казем-Бек был младшим из четырех сыновей Гаджи Мухаммедхан-бека (из племени курчи¹), поселившегося в Дербенте во времена вторжения Надир-шаха в Дагестан. Как позже писал М. Казем-Бек, «беки этого племени, род его, до самого покорения Дербента русскими, занимали постоянно значительное место при дворах дербентских ханов. Мухаммедхан-бек, отец Гаджи Касим-бека, а после его смерти старшие сыновья Исмаил-бек, Ибрагим-бек и Мухаммед Джафар-бек один за другим были назирями или главными министрами Фатали-хана, последнего владетельного хана Дербентского и Ширванского. Во время междоусобий между сыновьями этого (хана - *А. Р.*) и другими соискателями первенства в Азербайджане и Дагестане (1782 - 1796) семейство Мухаммедхан-бека с переменным счастьем скиталось с места на место и напоследок, перед самым покорением Дербента совершенно раздробилось. Исмаил-бек, старший сын Мухаммедхан-бека, кончил жизнь в уединении; Ибрагим-бек, дождавшись конца службы в горах, по покорении Дербента поселился туда; Мухаммед Джафар-бек был убит в междоусобии, а Гаджи Касим Казем-бек, младший их брат, утомленный беспокойствами, в 1796 году один отправился в Персию и потом в Аравию» (84, разр. III, карт. 18, ед. хр. 25).

Гаджи Касим шесть лет учился в Медине мусульманскому законоведению, путешествовал по другим городам Аравии, посетив в том числе Мекку. В 1802 г. Гаджи Касим вновь вернулся в Персию и в том же году в г. Реште женился на девушке по имени Шараф Ниса, дочери гилянского купца. В 1802 г. от этого брака родился будущий ученый - Мухаммед Али.

1807 г., оставив жену и новорожденного сына на попечение брата своей жены - Мирзы Абуталиба, - Гаджи Касим вернулся в Дербент. «Перемена обстоятельств в сем крае, тишина и спокойствие, утвердившиеся во всех мирах, где незадолго до того времени царствовал ужас и кровопролитие, помирили Гаджи Касима с его родней» (84, ф. 6, л. 3). Сам М. Казем-Бек по этому поводу писал: «Молва, распространившаяся о водворении тишины и спокойствия на родине моего отца, равномерно любовь его к месту своего рождения и остаткам своего семейства возбудили в нем сильное желание посетить Дербент...» (110, с. 221).

Благодаря глубокому знанию богословия и мусульманского законоведения, а также огромному авторитету казембековского рода среди населения Гаджи Касим был назначен шейхульисламом (главой мусульман шиитского вероисповедания) Дербента. В 1811 г. Гаджи Касим перевез из Решта в Дербент семью и сразу же нанялся образованием своего девятилетнего сына.

Начальное образование Мухаммед Али получил у дербентского муллы (научился читать на персидском языке, заучил наизусть первые правила веры и множество молитв). На тринадцатом году жизни юноша начал учиться арабскому языку - у дербентского муллы Салиха. В течение двух лет Мухаммед Али выучил всю арабскую грамматику и дальнейшее свое образование продолжил под руководством приглашенного Гаджи Касимом в Дербент ученого муллы Абдул Азиза Мискетдамского, который учил юношу логике, риторике, схоластическому богословию. Трехгодичное обучение у Абдул Азиза дало Мухаммед Али возможность в последний год своих занятий заменить своего учителя и преподавать своим сверстникам логику и красноречие. В конце 1819г. Мухаммед Али начал изучать у приглашенного в Дербент арабского ученого Бахрейнского мусульманское законоведение и философию.

Уже в 1819 г., когда Мухаммеду Али было 17 лет, он написал свою первую научную работу - «Опыт грамматики арабского языка» на арабском языке, а в 1820 г. составил «Муамма ва Лугаз» на арабском и персидском языках.

Вскоре после этого Казем-Бек приступил к составлению небольшого сочинения на арабском языке - «Об истинах ислама и заблуждениях христиан и евреев», а спустя три месяца после завершения этой работы заканчивает новое сочинение под названием «Пророческое достоинство Мухаммеда...».

¹ Племенная конница лучников. Курчибаши (Глава курчиев, по В. Ф. Минорокому, нечто напоминающее военного министра в условиях отсутствия регулярной армии (Подробно см. [229, с. 105]).

«Отец молодого Касим-Бека восхищался трудами своего сына, читал его по вечерам в кругу правителей и не мог нарадоваться, что его сын продолжает тот самый путь к славе ислама, проложенный слишком 150 лет знаменитым Меджелисием Багир Маджлиси со времен Мирза Шаха Султан Хусейна. Он много писал об исламе...

Наряду с исламом Казем-Бек продолжал знакомство с христианской религией, разыскивая в ее догматах положения в пользу исламской религии, толкуя их в пользу Мухаммеда» (121, с. 100).

Подводя итог дербентскому периоду учения Мухаммеда Али, И. Н. Березин писал: «Блестящие способности, которыми был одарен от природы Мирза Мухаммед Али, дали ему возможность окончить довольно рано полный курс мусульманского учения: в семействе своем он изучил как природные языки турецкий и персидский, в равной степени господствующие на Севере Персии, от следующих же наставников он приобрел обширные и глубокие познания в арабизме, т. е. в целом круге наук, составляющих мусульманскую ученость, преимущественно же законоведение... Без всякого сомнения, эта мусульманская подготовка, несмотря на схоластический метод преподавания, послужила основанию последующего развития даровитого юноши и даже доставила ему и блестящую карьеру и большую известность в европейском ученом мире» (121, с. 101).

В 1820 г. в семье М. Казем-Бека произошло непредвиденное событие, которому суждено было сыграть решающую роль в судьбе молодого Мухаммеда Али. Говоря об этом событии, М. Казем-Бек писал: «Отец мой, всегдашний доброжелатель России, но по своему званию защитник народного права, имел сильного врага в лице одного дербентского коренного бека, который своими интригами успел помрачить в глазах правительства первое его достоинство вторым; отсюда происходило много неудовольствий, которые с каждым днем увеличивались, при усердном содействии интригана, и кончились тем, что правительство нарядило военный суд, который приговорил моего отца с четырнадцатью его друзьями к лишению его имения и ссылке в г. Астрахань» (110, с. 222).

1821 г. Мухаммед Али выехал в Астрахань навестить своего отца и здесь «познакомился с шотландскими миссионерами (Гленом и др.), которым давал уроки в восточных языках, а от них знакомился с европейским образованием... Избранная натура, какой был наш почтенный сотоварищ, конечно, не могла ограничиться тесным горизонтом мусульманства. И так или иначе должна была вырваться из него. Оригинальность этого выхода равно заслуживает внимания психолога и указывает на даровитость юноши. Углубившись по окончании мусульманского курса в изучение религии с целью доказать превосходство ислама перед христианской религией, молодой философ скоро пришел к совсем противоположному результату: пылкий и светлый ум, несмотря ни на какие противодействия родных, решительно отказался признавать Алкоран несомненной книгой, и, при деятельном поощрении и руководстве шотландских миссионеров, молодой Мирза принял христианство в 1821 г. в Астрахани, где и остался около пяти лет, укрепляясь христианской религией и знакомясь с европейской наукой у тех же миссионеров. Таким образом, английский язык стал, можно сказать, третьим природным языком Казем-Бека, к чему он присоединил тогда же значение русского и французского языков» (121, с. 101 – 102). (Как отмечала О. А. Баратынская, наряду с этими языками М. Казем-Бек изучал также и еврейский язык (110, с. 217).)

Надо отдать должное Глену, который видел в молодом Мухаммеде Али большого ученого с прекрасным будущим. Как явствует из документов, Глен был не только чисто религиозным деятелем, но обладал и широкими познаниями во многих областях науки. Это был, как писал И. С. Аксаков, «последний из миссионеров... человек обширной учености, старец кроткий, терпеливый, преданный своему призванию, строгих нравов, мудрый старец. Не мудрено, что речь такого человека, спокойная, прониженная любовью и убеждением, действовала на здешних магометан и идолопоклонников. Теперь в Казани есть отличный профессор восточных языков (забыл фамилию, чуть ли не Катан-бек)... обращенный Гленом, давшим ему вместе с духовным воспитанием европейское образование...» ((98, с. 162 - 163)).

Говоря о влиянии шотландских миссионеров на его миропонимание, сам М. Казем-Бек писал: «Моя вера колебалась, мои сомнения не давали мне покоя, а любопытство не переставало меня увлекать далее и далее... Безверие мучило меня, и никто не знал о моих мучениях. Окружавшие меня родные и приятели мои, равно как и самые миссионеры, не знали, чему приписать мою печаль и мою тоску» (110, с. 222 – 223).

Приняв христианство, Казем-Бек получил имя Александр. Причины, подтолкнувшие М. Казем-Бека к принятию христианства, в литературе, особенно в дореволюционной, трактовались по-разному. Не вдаваясь в разбор этих предположений, мы считаем целесообразным сослаться на

высказывания по этому поводу самого Казем-Бека. В одном из своих писем из Казани в Петербург в 1842 г. он писал: «Я решил отойти от магометанского мира. Этот мир и питающая этот мир философия Магомета представляется мне сейчас слишком фанатичным» (97, ф. 778, оп. 2, № 130 л. 34).

Под впечатлением новоприобретенных знаний, в частности о догматах христианской религии, Казем-Бек написал работу под названием «Рисалэ - трактат об истине христианской религии» и издал ее в Астрахани на арабском, персидском и турецком языках. Трактат сразу же был распространен среди мусульманского населения Закавказья. Известный мусульманский теолог из Табриза Гаджи Мулла Риза написал на трактат Казем-Бека обширное возражение на персидском языке, получившее широкий резонанс в мусульманском мире края. Не желая оставить последнее слово за табризским теологом, Казем-Бек послал ему в конце 1824 г. опровержение на персидском языке (63).

Известие о принятии М. Казем-Беким христианства быстро распространилось среди мусульманского населения. К этому делу было привлечено даже иранское правительство. Создавая нетерпимую обстановку и интриги вокруг М. Казем-Бека, мусульманские деятели старались унижить его достоинство перед русским правительством. «Мирза Салех, возвратившийся из Англии (агент персидского правительства), обратился к генералу Ермолову с просьбой избавить их от молодого Казем-Бека, который разъезжает повсюду и проповедует евангельское учение» (153, с. 558).

Личность Казем-Бека и его тесные связи с шотландскими миссионерами вызывали беспокойство и у местных властей, обеспокоенных тем, что этот знаток восточных языков, мусульманского законодательства и юриспруденции может быть использован англичанами в их целях. Главноуправляющий Кавказа (в подчинении которого находилась Астрахань) генерал Ермолов старался расстроить отношения М. Казем-Бека с шотландскими миссионерами. Ему был предложен ряд должностей, соответствующих его знаниям, однако он изъявлял исключительное желание работать в Петербурге переводчиком в Министерстве иностранных дел России. В связи с этим Ермолов 28 октября 1824 г. писал министру иностранных дел графу Нессельроде о том, что Казем-Бек, «получивший некоторое образование под руководством великобританцев, мог быть употребляемым ими не в одном качестве миссионера, но и для распространения между здешними народами, и в особенности между дагестанцами (где он имеет много родственных связей), внушений, сообразных с видами английского правительства, давно уже смотрящего равнодушно на приобретения наши на сем крае, я предписал губернатору, дабы он отнюдь не допустил сего молодого человека до выполнения поручений от миссионеров, на него возлагаемых, и впредь не позволил бы ему отлучаться из Астрахани ни под каким предлогом. Вслед за сим Астраханский губернатор представил ко мне прошение Мамед Казем-Бека, принявшего по крещении имя Александра, поданное им на высочайшее имя, об определении его на службу в Коллегию иностранных дел. Полагая, что персиянин сей, по знанию его восточных языков и в особенности персидского, может быть употребляем по Иностранной коллегии в должности переводчика с большой пользой, я счел обязанностью своей означенную просьбу препроводить при сем к В. С.» (245, с. 476).

Ермолов, опасаясь дальнейшего влияния на Казем-Бека миссионеров, даже после того, как он покинет Астрахань, предупреждал министра иностранных дел: «... вместе с тем признал необходимым для Ваших соображений объяснить и все вышезначавшие обстоятельства, присовокупляя, что по прибытии Али-Бека в Петербург необходимо иметь за ним некоторый надзор и не допускать его до связей с англичанами; в особенности же должно отделить от него всякую возможность отправиться в Англию...»

Граф Нессельроде 29 августа 1825 г. в ответ сообщал: «... Его Величество высочайше указать соизволил помянутого Казем-Бека поместить в учрежденное в Омске Азиатское училище...» (245, с. 476).

Шотландские миссионеры были обеспокоены удалением М. Казем-Бека из Астрахани. Один из них, Джон Митчел, в письме к министру внутренних дел России Ланскому сожалел, что М. Казем-Бек, будучи человеком «истинно... превосходных дарований... послан в Сибирь, в г. Омск, и в тамошней школе определен учителем восточных языков...» (245, с. 477). Впоследствии миссионеры предприняли некоторые меры для возвращения М. Казем-Бека из Омска. Уже много лет спустя, в 1836 г., английский востоковедческий журнал «Keepsake Christian» писал: «Исчезли надежды миссионеров относительно этого интересного молодого человека, и многие другие происшествия политического свойства сделали неблагоприятным продолжение их дела в России, почему миссия прекратила свои занятия» (278, 1836, с. 155).

Перед отъездом на родину шотландские миссионеры в надежде вернуть М. Казем-Бека заехали в Петербург, где через князя Голицына подали письменное ходатайство на имя императора. Однако эти попытки результатов не дали.

Таким образом, М. Казем-Бек 25 августа 1825 г. был назначен учителем Омского Азиатского училища.

Изучение материалов, связанных с принятием М. Казем-Беком христианства и отправкой его в Омск, показывает, что меры правительства были связаны не только с личностью самого М. Казем-Бека, которая к тому времени была не столь важной, чтобы ею занимались важные государственные деятели, вплоть до русского царя; они имели более глубокие корни. В первую очередь правительство остерегалось широкомасштабных действий шотландских миссионеров среди горцев - по подстрекательству последних к недовольству Россией. Меры правительства были направлены против происков западных стран, в первую очередь Англии, стремящейся ослабить влияние России на Кавказе. В своей переписке Ермолов выражал свое недовольство действиями выкопоставленных петербургских чиновников, давших согласие шотландским миссионерам развернуть столь широкую не только миссионерскую, но и политическую деятельность в России.

Продолжая переписку по делу М. Казем-Бека, Ермолов 12 января 1827 г. писал министру внутренних дел России Ланскому: «... нельзя упускать из виду следующие суждения: неоспоримо, что введение христианской религии между горцами могло бы умягчить суровость сих полудиких народов и сделать их нравственное образование более доступным; но дабы переворот сей и в политическом отношении в полной мере был полезен России, необходимо также, чтобы вместе с тем как понятия народов сих, так и самые обычаи их и нравы сближены были с нашими. Сего едва ли можно достигнуть посредством миссионеров иностранных и иноверных... Можно наперед предугадать, какие были бы последствия, если бы народы, среди владений наших обитающие в местах неприступных, были таким образом просвещены иноверцами и если бы с нравственным образованием оных вражда к нам, ныне питаемая, усилена была еще новыми побуждениями. Я не упоминаю уже о том, что под видом миссионеров удобнее всего могут вкрадываться в страну сию агенты кабинетов, равнодушно смотрящих на приобретения наши в сей части Азии, и что, вызывая для распространения в областях наших христианства проповедников иностранных, мы сознаем пред лицом всей Европы или в недостатке способов наших или в неспособности нашего духовенства проповедования слова Божьего» (245, с. 477).

Как явствует из документов, Казем-Бек к моменту своего назначения не знал ни слова по-русски, однако принял это назначение с удовольствием. Теперь все усилия, его были направлены на изучение русского языка.

25 декабря 1825 г. Казем-Бек отправился в Омск. На полпути от Симбирска к Казани он жестоко заболел и лежал недвижимый в доме профессора Казанского университета Карла Федоровича Фукса. Радужный хозяин, опасаясь тяжелых последствий суровой зимы для питомца юга, уговорил его дожидаться весны. Пребывание Казем-Бека в доме Фукса сыграло решающую роль в его судьбе. «Доктор (Фукс. - А. Р.) так был поражен его способностями и заинтересован его историей, что немедленно ввел его в общество важнейших лиц города, которые... решили просить министра изменить судьбу молодого человека и вместо того, чтобы определить его при школе в Сибири, сделать профессором восточных языков при Казанском университете» (110, с. 219).

В Казани М. Казем-Бек обратил на себя внимание не только профессора К. Ф. Фукса, но и других казанских профессоров, в особенности ориенталистов. «В то время преподавание восточных языков уже получило значительное развитие в Казанском университете, который незадолго лишился знаменитого ориенталиста Френа, перешедшего в С.-Петербургскую Академию наук. Ходатайство университетского начальства о назначении даровитого Мирзы преподавателем в университете было уважено, и с тех пор началась блестящая карьера Казем-Бека... счастливая звезда привела его в Казань, в то самое время, когда университет искал по возможности пополнить невозгладимую потерю» (121, с. 103). «Эта звезда связала Казем-Бека еще более тесными узами с новым отечеством» (121, с. 110).

В Казани

М. Казем-Бек впервые в жизни очутился в одном из больших городов России. Жизнь и размах города были для него непривычны. О первом годе своего пребывания в Казани М. Казем-Бек писал: «Я не знал ни света, ни его требований; утешение мое составляли мои занятия. Но скоро, по молодости лет, я выучился говорить по-русски, и постепенно увеличивалось мое знакомство. Влияние света стало сильнее действовать на меня, и я мало-помалу, совершенно незаметным образом, стал изменяться. Ласковый прием и необыкновенное гостеприимство

казанских жителей обязали меня взаимным вниманием и почтительностью... Одним словом, я стал совсем другой... каковым я прибыл сюда...» (110, с. 224 – 225). В дальнейшем «силою собственной энергии и глубоко прочувствованным сознанием перенесенный из мира дремоты в мир напряженной деятельности, преданной собственной воле, молодой Мирза... бросился в вихрь жизни. Богато наделенный силами духа, он с изумительной легкостью переходил во всякую пору дня и ночи от труда к светским удовольствиям и от удовольствий опять к труду... Казем-Бек, при своем любезном и благородном характере, сразу занял заметное место в лучшем обществе... Не будучи цеховым ученым... Казем-Бек был одним из главных участников общественной жизни...» (121, с. 128 – 129).

Свою педагогическую деятельность М. Казем-Бек начал в Первой Казанской гимназии, куда был направлен преподавателем. Здесь с 30 января 1826 г. он занимался «усовершенствованием учеников в чтении и письме персидского и арабского языков с особенным усердием без всякого возмездия за труды его» (159, с. 52).

О педагогической деятельности М. Казем-Бека в Первой Казанской гимназии проф. Эрдман писал: «... я испытывал учеников, обучающихся восточным языкам у г. Казем-Бека, и нашел, что он занимается с ними усердно и ученики оказали хорошие успехи» (159, с. 53).

31 октября 1826 г. М. Казем-Бек по ходатайству ректора Казанского университета был назначен лектором восточной словесности университета. В своих лекциях он стремился охватить широкий круг вопросов. Сам М. Казем-Бек о своей учебной программе писал: «1. Я читал Персидскую хрестоматию, собранную г. Болдыревым, - обучал произношению. 2. Разбирал рукописи, показывал через оные различные способы писания. 3. Занимался переводом Тезкиретшуара, сочиненного Довлет Шахом; изъяснял грамматические правила. 4. Занимался переводом Алкорана, объяснял коренные слова, значения производных и грамматических правил, с применением толкования на некоторые трудные места оного, сделанного самыми лучшими писателями. 5. Читал и переводил из Вофятюльблиян сочинения Ибн ул-Халкана на арабском языке. 6. Переводил на персидский язык из истории Карамзина» (92, Дело истор.-филологического факультета. 1828, № 48, л. 30).

Одной из основных задач, стоящих перед Казем-Бекон, было основательное изучение русского языка. Он не мог мириться с положением, в котором находились другие лекторы университета, приглашенные из-за рубежа и читающие свои лекции на латинском или немецком языках. Упорный труд и настойчивость дали свои плоды. К 1829 г. Казем-Бек не только уже читал свои лекции на русском языке, но и приступил к гигантской работе - переводу на русский язык «Гюлистана» Саади. Перевод был закончен к концу 1829 г.

После завершения перевода «Гюлистана» Казем-Бек приступает к исследованию арабской литературы: изучает историю этой литературы, истоки арабской поэзии. Результатом этой работы было издание труда под названием «Рассуждение об арабской литературе» (4). А уже на следующий год Казем-Бек завершает работу над историческим произведением, посвященным истории крымских ханов с 1466 по 1737 г. Работа также вышла в Казани в 1832 г. (5). Перевод, подготовка текста и предисловие к этой книге прославили имя М. Казем-Бека. Учитывая его ученые заслуги в подготовке к печати истории крымских ханов, 10 апреля 1831 г. Казем-Бека утверждают в звании адъюнкт-профессора Казанского университета. Он становится известным и признанным ориенталистом не только в России, но и за пределами отечества.

К 1829 г. относится знакомство М. Казем-Бека с немецким ученым и государственным деятелем Александром Гумбольдтом. Во время своего посещения Казани немецкий естествоиспытатель беседовал с М. Казем-Бекон, и тот представлял ему сведения о Востоке, его природе и богатствах. Вероятно, это знакомство немало содействовало тому обстоятельству, что Гумбольдт искренне полюбил Восток. 26 сентября 1829 г. он писал министру финансов России Е. Ф. Канкрину: «Я не могу вдоволь насмотреться на Вашу страну, не могу умереть, не увидев Каспийского моря» (200, с. 12). Несколько позже он вспоминает: «Огни Апшеронского полуострова, встречающиеся в Шах-даге на высоте 780 футов, следы лавы, которые также встречаются на горном хребте от Казбека до Эльбруса, воскрешают в памяти миф об огне Прометея: славная история этих мест...» (200, с. 168 – 169).

Уезжая из России, А. Гумбольдт 22 февраля 1830 г. направил письмо ректору Казанского университета профессору И. М. Симонову, в котором просил передать Мирзе Казем-Беку «свидетельство его глубочайшего почтения» (200, с. 99).

По возвращении на родину А. Гумбольдт завершил и в 1840 - 1843 гг. издал в Париже трехтомный капитальный труд под названием «Asie Centrale» (237), в котором имеются многочисленные ссылки на авторитетное мнение М. Казем-Бека по вопросам истории, географии, природы и этнографии народов Центральной Азии. Во втором томе этого труда А. Гумбольдт по-

местил статью М. Казем-Бека «Об озере Ала-Гел» (273, с. 491 – 497). Он высоко оценивал знания и эрудицию М. Казем-Бека, восхищался его прекрасными переводами (см. (237, с. 490)).

Свои глубокие впечатления от знакомства и общения с учеными Казани, в частности с М. Казем-Беком, А. Гумбольдт еще раз выразил в следующем своем письме: «Величайшее удовольствие, которое доставило мне временное пребывание в Вашем Казанском университете, оставляет дорогие и приятнейшие воспоминания из моих продолжительных путешествий. Ваша чрезмерная благосклонность ко мне, успехи просвещения, которым вы способствовали, выдающиеся лица, которые собрались здесь, все это придает этим воспоминаниям вечновозобновляющуюся прелесть» (261, 1903, с. 18).

В 1834 г. студент Казанского университета, кандидат восточного разряда М. Никольский подал попечителю Казанского учебного округа подробный проект издания газеты под названием «Море новостей». Этот проект был направлен на заключение М. Казем-Беку, который, поддержав предложение М. Никольского, внес ряд дополнительных предложений и выразил уверенность, что найдутся образованные люди, желающие трудиться в редакции газеты. М. Казем-Бек подробно остановился на языке будущей газеты, поставил задачу заботиться о его чистоте. «Можно надеяться, все наречия посредством этого сольются в один язык и обработанный... Издание газеты на татарском языке... без сомнения, принесет большую пользу татарам относительно их просвещения и более всего в отношении торговли и промышленности. Оно даже необходимо... в таком городе, как Казань, где мы имеем все средства к множению его» (92, ф. 92, оп. 3, ед. хр. 566, л. 8).

В эти годы Казем-Бек занят большой педагогической работой. Одновременно он продолжает исследование отдельных вопросов востоковедения, истории, философии, языкознания и других наук.

Как мы уже отметили, первым серьезным трудом М. Казем-Бека стала его работа по истории крымских ханов. «Крымская история, - писал ученый, - меня издавна интересовала и я даже взялся за перевод. Этот перевод я начал три года тому назад, но мои знания русского языка очень тормозили ход моей работы. Теперь я ее закончил. Я старался быть очень близким к оригиналу по возможности» (97, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 1). В 1835 г. эта работа М. Казем-Бека была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» под названием «Сравнительные извлечения из разных писателей, относящиеся к истории Семи планет» (8).

В том же году М. Казем-Бек начинает изучение истории России, старается пролить свет на ряд событий, в частности взятие Астрахани татарами. «Я имею намерения поместить мою статью в Записках нашего университета, - писал он в Петербург о своих планах, - при этом я написал письмо нашему ректору, осведомляя его по поводу истории и древних памятников, относящихся к захвату Астрахани в 1660 году крымскими татарами. Я имею очень скромное мнение по этому поводу и высказываю протест против искажения сведений исторического характера у г-на Геммера и в некоторой степени, как мне кажется, и в отношении, хотя и с более тщательным описанием хода событий, у Левека (история России, т. III, с. 412)» (97, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 20). Этот труд М. Казем-Бека в 1835 г. был опубликован в «Ученых записках Казанского университета» под названием «О взятии Астрахани в 1660 году» (7). Впоследствии он был переведен на французский язык и в 1855 г. напечатан в одном из французских востоковедческих журналов.

Высокая эрудиция и глубокие научные знания М. Казем-Бека привлекли внимание Российской Академии наук. 13 декабря 1835 г. на общем собрании Академии он был избран ее членом-корреспондентом. Это избрание явилось признанием больших научных заслуг М. Казем-Бека. Сам молодой ученый писал в Петербург в январе 1836 г.: «Я имею удовольствие получить официальное письмо... о том, что я избран членом-корреспондентом Академии наук. Это было для меня неожиданной честью. Я не мог на это рассчитывать... Я буду просить передать благодарность всем уважаемым членам прославленной Академии наук и мое искреннее желание отдать все мои знания на пользу Академии» (97, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 20).

Характерным для казанского периода научной деятельности М. Казем-Бека является его программное выступление на торжественном собрании Казанского университета 1 июля 1836 г., в котором ученый изложил первоначальные свои взгляды на развитие востоковедения в России. Он считал недопустимым отставание России от ряда западноевропейских стран в исследовании Востока, его истории, литературы, в изучении восточных языков. «Пристрастным бы вы меня почли, - говорил М. Казем-Бек, - если бы я стал доказывать необходимость восточных языков для русских... Эти предметы не только полезны для учености или торговли, но даже необходимы собственно для истории России...» (251, 1836, ч. XI, с. 248). «Какое европейское государство (согласимся на исключение Англии) имеет такую тесную и внутреннюю связь с Азией и

азиатцами, как Россия? - продолжает М. Казем-Бек. - Не она ли питает в недрах своих столько азиатских племен, совершенно ей чуждых? Не она ли, простирая руки могущества, обнимает обиталища разнородных поколений Востока? Не ее ли сыны в теснейших сношениях торговых с соседними им персами, турками и разноплеменными народами независимой Азии?» (251, 1836, ч. XI, с. 249).

Ученый с сожалением отмечает резкое отставание России в изучении восточных языков. Его огорчает тот факт, что «вкус к учению вообще не так заметен еще в кругу среднего класса», что «число людей, необходимых для дипломатических сношений с азиатскими племенами, менее того, которое могут выпускать все учебные заведения по сей части в России», что литература народов Востока еще не стала доступной для русского народа, «чтобы иметь влияние на просвещенных дворян и пробудить в них желание самим заниматься восточными языками или возбуждать его в своих детях» (251, 1836, т. XI, с. 248 – 249). М. Казем-Бек предлагает расширить преподавание восточных языков в Московском университете, придает особое значение изучению этих языков в Харьковском университете, где, по мнению ученого, откроется огромное поле деятельности для «этимологов и филологов русского языка, ибо теснейшая связь Украины в прошедших столетиях с Крымом и вообще с народами тюркского происхождения, по моему мнению, открыла путь ко многим словам и обычаям туземцев в областях непросвещенной тогда Малороссии» (251, 1836, ч. XI, с. 256 – 257). Одной из характерных особенностей выступления М. Казем-Бека являются мысли о долге каждого народа в сохранении чистоты родного языка. В 1836 г. М. Казем-Бек составил «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков в Первой Казанской гимназии» и «План составления учебных пособий для преподавания турецко-татарского языка». Второй его труд впоследствии был утвержден Министерством народного просвещения России как руководство для составления учебных пособий.

Рецензируя работу М. Казем-Бека «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков в 1-ой Казанской гимназии» в качестве учебной программы и методического пособия для преподавателей (в течение 15 лет преподавание в гимназиях велось по этому «Распределению»), О. Сенковский писал: «Мне кажется, он (М. Казем-Бек. - А. Р.) отлично знаком со всеми подробностями и удобствами преподавания западного и восточного и умел избрать из того и другого все лучшее, чтобы произвести счастливый состав двух метод, обещающий много существенных выгод к гимназическому курсу трех языков магометанских» (92, ф. 92, оп. 1, № 3833, л. 131).

В том же, 1836 г. на М. Казем-Бека было возложено преподавание турецко-татарского языка в Первой Казанской гимназии. 7 ноября 1836 г. М. Казем-Бек был произведен в экстраординарные профессора.

В 1839 г. М. Казем-Бек составляет «Грамматику турецко-татарского языка», изданную в том же году в г. Казани. «Когда я поставил перед собой задачу и взвесил все обстоятельства, - писал М. Казем-Бек, - которые были связаны с этой работой, я пришел к выводу, который я предвидел и который принес мне успех» (97, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 31). Окрыленный успехом, М. Казем-Бек писал своему другу в Петербург: «Эта грамматика является плодом работы четырех лет, может быть, она будет нужна и поколение будет благодарно мне за нее» (97, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 26).

Учитывая большую научную ценность этого труда, Академия наук России удостоила М. Казем-Бека Демидовской премии, присуждающейся за труды, содействующие «к преуспеванию наук, словесности и промышленности в своем отечестве».

«Грамматика турецко-татарского языка» М. Казем-Бека имела огромный успех и быстро разошлась по всей России. В том же году Министерство просвещения России запросило: «Так как грамматику турецко-татарского языка, составленную М. А. Казем-Бек, требуют из очень многих частей Российской империи, особенно Кавказ, и так как первое издание... уже полностью разошлось, департамент желает знать, желает ли автор опубликовать второе издание этого труда» (97, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 24). В 1846 г. было выпущено второе издание указанной книги под названием «Общая грамматика турецко-татарского языка». Это издание также быстро распространялось как в России, так и за ее пределами. В 1848 г. немецкий ориенталист Ценкер перевел грамматику на немецкий язык и издал в Лейпциге.

По поводу второго издания «Грамматики» М. Казем-Бек писал: «Я счастлив тем, что первый мог писать так пространно об этом предмете. Я сделал теперь для русского поколения молодых ориенталистов, сколько дозволили мне мои досуги. Может быть, не пройдет много лет, как появится на русском языке собрание синтаксических правил турецко-татарского языка полнее

и подробнее моего; от искреннего сердца желаю полного успеха последователям на сем поприще» (17, с. VII).

««Грамматика» М. Казем-Бека сразу получила признание его современников. Академик Дорн относил «Грамматику» к той категории трудов, которые «сроднились с самой жизнью, способствуют усовершенствованию и улучшению человеческого быта» (251, 1841, ч. XXXII, с. 84). Дорн считал «Грамматику» признаком «сближения науки с жизнью» в России (251, 1841, т. XXXII, с. 84). Значение этого труда заключалось еще в том, указывал Дорн, что Казем-Бек не только собирал и обрабатывал материал, руководствуясь достижениями науки, но и работал как «мыслящий филолог» (251, 1841, ч. XXXII, с. 86).

После выхода в свет второго издания "«Грамматики» в 1846 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» с обширной статьей выступил профессор И. Н. Березин, разбирая высокие достоинства «Грамматики» своего учителя и наставника. В том же году И. Н. Березин в «Дополнении к тюркской грамматике» писал: «Мы имеем персидскую грамматику Джонса, Вилькинса и др., но синтаксис персидский до сих пор не обработан. Из: турецких грамматиков Индоглу назвал синтаксисом бессвязное изложение нескольких правил, а г. Жобер только при втором; издании (*Lemens de la gramm. turque*) покусился на составление турецкого словосочетания; но у него так сбивчива, так бедна эта часть грамматики, что даже не может назваться тенью синтаксиса. Поэтому Казем-Беку предстояв совершенно новый путь, неиспытанный, и должно признаться, что ученый издатель Семи планет с честью прошел по трудной дороге и далеко проник в темные области турецкого словосочинения» (251, 1846, ч. XXXII, с. 11, 22).

Журнал «Финский вестник» с гордостью за русскую науку писал: «Будь это произведение немецкого гелертера, оно давно бы доставило автору „европейскую известность" и славу между европейскими ориенталистами» (177, 1847 XIX, с. 40).

Научным подвигом М. Казем-Бека восхищался другой воспитанник ученого, профессор В. В. Григорьев. Он считал, что труд учителя - «явление весьма замечательное в мире филологическом», что «грамматика г. Казем-Бека представляет и превосходное руководство для учащихся, и полнейший ученый трактат о тюркском языке». «Честь и слава переступившему впервые за столбы Геркулеса!.. - воскликнул Григорьев. - Казем-Бек одного из блистательнейших украшений ориентального мира» (268, 117.04.1847).

С большой статьей о «Грамматике» М. Казем-Бека выступил также видный ученый О. Бётлинг. «Казем-Бек, - писал, он, - старался не только для своей родины, но и для всех, был полностью поглощен этой задачей, благодаря чему его грамматика пользуется большим успехом... Языковые основы здесь представлены очень четко, и мы всегда найдем у него жемчужины мысли, и мы будем их искать... Эта грамматика представляет совершенный и полный материал с полным освещением грамматических форм» (278, 1848, т. V, № 19 - 23, с. 317).

Не говоря о содержании данного учебника, мы хотим отметить его педагогические и методические преимущества над предыдущими учебниками и значение как фундамента для научного изучения азербайджанского языка. В предисловии к своему учебнику М. Казем-Бек теоретически обосновал изучение азербайджанского языка и дал всесторонний анализ и обзор учебным пособиям, изданным ранее. Сравнение учебника М. Казем-Бека с предыдущими показывает его заслуги в деле создания научной грамматики азербайджанского языка. Критикуя предыдущие издания по грамматике азербайджанского языка, он в основном показал три недостатка учебников, которые заключались в том, что предыдущие учебники в основном были написаны «во-первых... на латинском, французском, немецком, английском и других языках, известных немногим из учащихся; во-вторых, эти сочинения довольно редки, а в-третьих, что важнее всего, большая часть из них неудобна для преподавания в наших учебных заведениях» (10, с. 3).

Составляя первую научную грамматику азербайджанского языка, М. Казем-Бек критически подошел к своей работе. Он знал, что, как и всякая первая попытка, его учебник не свободен от определенных недостатков, и поэтому в предисловии заранее изъявлял благодарность тем, кто укажет на эти недостатки. Он писал: «Ученым, как людям, ошибки свойственны. Ошибки, сделанные ученым, исправляются его собратьями. В глазах истинно просвещенного это не должно служить причиной самохвальства, с одной стороны, или обиды - с другой. Мы сами будем чрезвычайно благодарны тем из наших собратьев, которые возьмут на себя полезный труд исправить наши погрешности в издаваемой теперь грамматике турецко-татарского языка» (10, с. VII).

Критика М. Казем-Беком старых грамматик носила чисто научный характер и явилась теоретическим обоснованием построения грамматики в соответствии с внутренними

закономерностями данного языка. Объективный подход к предыдущим учебным пособиям дал ученому возможность извлечь из них положительные моменты, чтобы использовать их в своем труде.

В своей грамматике азербайджанского языка М. Казем-Бек избегал многословия и воздерживался от слов иностранного происхождения. Как отмечает сам автор, он исключал из учебника «Довольное количество слов арабских или арабского происхождения» (10, с. X).

И. Березин особо отмечал в числе научных заслуг М. Казем-Бека обстоятельное изучение им азербайджанского языка: «Все занимавшиеся позднее разработкой азербиджанской грамматики и составлением учебников по тюркским языкам в России и на Западе почти полностью усвоили и применили его метод: Будагов, Лазарев, Везиров, Мирза Мохаммед Афшар, Али Бакиханский, Макаров, К. Фой, Талыбзаде и др.».

Подчеркивая достоинства учебника М. Казем-Бека, И. Березин в 1844 г. в годичном отчете о путешествии по Востоку указывал, что «формы азербиджанского наречия изложены обстоятельно в турецкой грамматике» (И. Березин имеет в виду «Грамматику турецко-татарского языка»).

Отмечая исключительное научно-педагогическое значение «Грамматики» М. Казем-Бека, А. Кононов указывает: «М. А. Казем-Бек не только дал подробное изложение грамматики турецкого языка в сравнении с „татарскими“ языками (имеется в виду язык татар казанских, сибирских, оренбургских, а также азербайджанский язык), но и исправил, уточнил наблюдения иностранных тюркологов (Жобер, Давиде и др.). Эта работа надолго стала пособием для университетского преподавания турецкого языка в сравнительном аспекте, им пользовались в наших университетах (и за границей в немецком переводе Ценкера) в; течение всего прошлого и в начале нынешнего столетия» (165, с. 230).

Далее А. Н. Кононов пишет: «Почти все биографы М. А. Казем-Бека отмечают, что почтенный тюрколог соединял в себе европейскую ученость с ученостью восточной, арабской по языку и грамматической традиции. Это сложное переплетение научных традиций и исследовательских приемов наиболее полно воплотилось в его „Общий грамматике“, которая также носит следы влияния грамматических идей М. В. Ломоносова, причудливо сочетающихся с латинской схемой грамматики Жобера и традиционной арабской грамматической схемой и терминологией; в частности, он первый ввел используемый в русской тюркологии арабский грамматический термин *изафе*, *изафет*... „Общая грамматика“ М. А. Казем-Бека... надолго стала основным пособием по турецкому языку в России и в Западной Европе» (165, с. 301).

Освещая стремительный рост М. Казем-Бека в науке и педагогике, И. Н. Березин впоследствии писал: «Для тогдашнего времени такое возвышение можно считать весьма скорым, особенно если припомним, что Мирза Казем-Бек не получил даже школьного европейского образования и не имел никакой ученой степени...

Не слудет забывать, что профессора провинциальных университетов еще реже представлялись к наградам, чем профессора столичных университетов» (121, с. 107).

Закончив работу над «Грамматикой», М. Казем-Бек незамедлительно приступил к составлению «Хрестоматии турецко-татарского языка». Для этого он изучал фрагменты из восточных рукописей, различные материалы из своей личной библиотеки и библиотеки Казанского университета, выписывал также книги из Азиатского музея Академии наук, Румянцевского музея. В сообщении Министерству народного просвещения попечитель Казанского учебного округа сообщал, что «„Хрестоматия“ состоит из четырех отделений: статьи на татарском языке, на азербиджанском, турецком и содержит примечания и разъяснения» (93, ф. 733, оп. 1, ед. хр. 195, л. 40).

Ввиду того что издание «Хрестоматии» задерживалось из-за отсутствия шрифтов, М. Казем-Бек продолжал работать над ней, вводя некоторые уточнения. В донесении в Департамент народного просвещения он писал: «1. Руководство будет состоять из двух томов. Первый том написан и отправлен для просмотра в Департамент народного просвещения. 2. Словарь, являющийся перечнем всех слов и выражений, будет помещен в конце II тома. 3. Все два тома будут заключать в себе приблизительно не менее 85 печатных листов. 4. Без моего надзора в Казани невозможно приступить к печатанию такого обширного и еще не законченного труда. 5. В Петербурге издание такой книги будет стоить втрое более, чем в Казани» (93, ф. 733, оп. 1, ед. хр. 195, л. 40).

19 июня 1841 г. Казем-Бек уже сообщал академику Френу: «Первый том Хрестоматии полностью готов для печати, а следующий будет начат вскоре после того, как будет сдан в печать первый» (97, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 31). Однако попечитель Казанского учебного округа «по недостаточности хозяйственных сумм в его учебных заведениях» (93, ф. 733, оп. 41, ед. хр. 195, л.

64) отказал в издании «Хрестоматии». Ей не суждено было увидеть свет - она сгорела во время пожара 1842 г. в Казани. По этому поводу М. Казем-Бек писал: «Наш бедный город очень тяжело пострадал от пожара... Почти половина Казани сгорела. Все превратилось в пепел. 17 августа начался пожар... бедствие превратилось в ужасную всепоглощающую стихию, и люди не могли отстоять город... Мой дом по счастливой случайности был спасен, но все вещи, находившиеся в нем, были приведены в полную негодность. Что касается книг, то моя хрестоматия и некоторые части Дербент-намэ погибли безвозвратно... Погибли многие другие книги... Я еще вынужден интересоваться денежными вопросами, так как нужда в деньгах после этого бедствия очень велика. Мне снова придется комплектовать мою библиотеку» (97, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 41, 41об.).

Работу М. Казем-Бек возобновил уже будучи в Петербурге. Известность М. Казем-Бека как крупного знатока восточной словесности среди ученых мира все росла. Он получил признание и официальных кругов. В начале 1837 г. Министерство иностранных дел России обратилось к М. Казем-Беку с просьбой разобрать письмо Тохтамыш-хана к Ягайло, написанное на турецком языке «уйгурскими или монгольскими буквами». Тайну этого письма до М. Казем-Бека не сумели разгадать ни знаменитый ориенталист Ковалевский, ни прославленный венский ученый Гаммер (Хаммер - Пургшаль).

М. Казем-Бек со свойственными ему упорством и настойчивостью прочел грамоту. Князь М. А. Оболенский выразил ученому «чувствительнейшую благодарность» за разгадку уйгурского письма. В письме Оболенского М. Казем-Беку, в частности, говорилось: «Он (уйгурский диплом. - А. Р.) разрешает положительно вопрос, на каком языке и какими буквами писались древние ханские ярлыки к Великим князьям русским, а потому и неудивительно, что в описи Царского архива... сказано: „...переводу им нет, никто перевести не умеет“. Уйгурские буквы приводили и в настоящее время многих ученых в недоумение, а древних наших переводчиков языка татарского поставили в совершенный тупик... во-вторых, из доселе известных сего рода актов, это второй диплом, особенно любопытный в отношении палеографическом, лингвистическом и историческом. Писан разнообразными монгольскими письменами, бесконечно разнствующими, несколько не сходными с напечатанным уже господином Гаммером ярлыком Тимур-Кутлуа 1397 г.» (20).

В результате этих своих изысканий М. Казем-Бек на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» поместил статью под названием «Исследования об уйгурах» (11). Кроме того, из работ этих лет привлекает внимание «План ученого путешествия по Востоку магистров Диттеля и Березина», составленный М. Казем-Беком в 1840 г., однако подробно о нем будет сказано дальше.

В начале 1842 г. М. Казем-Бек женился. Он писал о своей невесте: «Моей невесте 25 лет, дочь самого честного человека в Казани по фамилии Костливцев... Мы будем не очень богаты, но зато совершенно счастливы» (97, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 34). Несколько слов об отце невесты М. Казем-Бека. Костливцев Александр Петрович (1776 - 1844) - сын вице-адмирала, командира Таганрогского порта. В 1798 г. он был командирован в Англию и в 1798 - 1802 гг., будучи волонтером в английском флоте, участвовал в сражении с французской эскадрой у Тулона. По выходе в отставку поселился в Казани. С 1816 г. до конца жизни был попечителем Казанского попечительного комитета о бедных, а затем председателем этого комитета. С 1841 г. был действительным членом Казанского экономического общества.

В 40-е годы наряду с преподавательской деятельностью в Казанском университете и в Первой Казанской гимназии (с 1841 г. он преподает в ней также и арабский язык) М. Казем-Бек продолжает заниматься научной работой, в основном в области мусульманского законовещения. Журнал «Отечественные записки», давая оценку казанского периода деятельности М. Казем-Бека, писал: «Всем известно, что восточное отделение философского факультета в Казани есть не только первое между русскими учебными заведениями... но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных заведений и ученых азиатских обществ всей Европы. Взгляните на страницы Лондонского „Азиатского журнала“, там увидите, как думают в Европе о казанских ориенталистах, богатых своими знаниями, но издавших свои дельные сочинения без шума, без неистовых возгласов» (260, 1840, т. IX, с. 37).

В 1845 г. М. Казем-Бек издал свой первый капитальный труд по мусульманскому законовещению под названием «Мюхтесерюль вигкает или сокращенный вигкает. Курс мусульманского законовещения по школе Ханефидов» (16). Труд ученого получил высокую оценку современников. И. Н. Березин писал: «Казем-Бек выполнил настоящий труд блистательно. Не одно глубокое знание арабского языка требовалось здесь: нужны были обширные и ясные сведения в исламе, нужно было подробное знакомство с творениями мусульманских

юрисконсультов и их комментариями. Все эти трудности преодолел г. Казем-Бек и настоящим изданием получил новое право на признательность ориенталистов» (119, с. 155).

Много лет спустя И. Н. Березин вновь вернулся к значению этого труда. «Между трудами Казем-Бека, - писал он, - весьма многочисленными, Мюхтесерюль - вигкает должно занимать если не первое место, то одно из первых, по тщательной обработке текста и тем громадным трудностям, с которыми приходилось бороться издателю при сравнении вариантов и исправления ошибок в манускриптах. Только при глубоких и обширных сведениях в исламе возможно было исполнить такой важный труд» (121, с. 111).

После 16 лет плодотворной работы в Казанском университете, в 1842 г., Казем-Бек впервые встретился с Л. Н. Толстым, который тогда готовился к поступлению в Казанский университет. Под руководством М. Казем-Бека Л. Н. Толстой два года изучал турецкий и арабский языки. Из сохранившихся биографических материалов писателя известно, что эти занятия шли весьма успешно.

В 1845 г. после долгой и кропотливой работы М. Казем-Бек издал (популярную на Востоке поэму турецкого поэта Языджи-заде Мухаммеда «Мухаммедие» (15).

«При печатании этой поэмы г. Казем-Бек руководствовался преимущественно двумя старыми манускриптами, писанными в Каллипели, месте жительства Мирсамеда Челеби, один за 450 лет, а другой за 400 лет до настоящего времени, а для примечаний, помещенных на полях поэмы, г. Казем-Бек заимствовался комментарием Исмаила Эль-Хакки на Мухаммедийя.

Если бы г. Казем-Бек не напечатал еще прежде „Семь плане" и „Мюхтасарюль - Вигкает", то одного издания „Мухаммедийя" было бы достаточно для того, чтобы приобрести ученому издателю европейскую известность. Ориенталисты с благодарностью примут новый труд г. Казем-Бека. Такие отрадные явления, как „Мюхтасарюль-Вигкает" и „Мухаммедийя", доказывают, что и в России ориентализм находит ревностных и достойных сподвижников» (118, с. 157 – 158).

В 1845 г., после ухода из Казанского университета профессора Эрдмана, преподавание арабского и персидского языков было возложено на М. Казем-Бека, а 5 апреля 1845 г. ему было поручено одновременно заведование минц - кабинетом. В 1846 г. М. Казем-Бек перешел на кафедру арабско-персидского языка, оставив кафедру турецко-татарского языка.

Возглавив кафедру арабско-персидского языка, М. Казем-Бек занялся разработкой истории персидской литературы. Первым исследованием М. Казем-Бека в этой области стал шедевр мировой литературы «Шах-намэ» Фирдоуси. Итоги этих работ М. Казем-Бека и его взгляды на персидскую поэзию впоследствии вошли в статью, напечатанную в журнале «Финский вестник».

31 октября 1845 г. М. Казем-Бек был избран деканом первого отделения философского факультета Казанского университета. И в этом же году он закончил «Биографическое сочинение об ученых Востока» на арабском языке (из трех томов), которое он начал еще в 1828 г. Этот труд М. Казем-Бека не был издан. В 1846 г., как уже говорилось, из печати вышло второе издание «Грамматики» М. Казем-Бека («Общая грамматика турецко-татарского языка»).

14 декабря 1847 г. Мирза Казем-Бек был избран действительным членом Казанского общества любителей отечественной словесности.

13 декабря 1848 г. М. Казем-Бек избран членом-корреспондентом С.-Петербургского археологическо - нумизматического общества.

7 сентября 1849 г. на выборах декана факультета восточных языков Казанского университета М. Казем-Бек избран на второй срок.

Казанский период научной и педагогической деятельности принес М. Казем-Беку мировую славу. Он оставил глубокий след в истории развития востоковедения в Казани. «После природных учителей из татар Халфиных никому не суждено было принести столько пользы изучению восточных языков Казанской гимназии, как Александру Казем-Беку» (159, с. 52 – 53). Характеризуя казанский период деятельности М. Казем-Бека, И. Н. Березин писал: «Ученая деятельность Казем-Бека большей частью обуславливалась обстоятельствами, а не исходила от его собственного выбора; кроме того, однажды принявшись за какую-нибудь работу, Казем-Бек со свойственным ему широким горизонтом старался охватить всю сферу вопроса и от этого, начав с письма Техтамыша к Ягайлу, он вдавался в подробное изучение истории Средней Азии... Во всяком случае, Казем-Бек относился к своему предмету с любовью...» (121, с. 126).

Этот период деятельности Казем-Бека широко освещен в «Русском биографическом словаре», в котором, в частности, говорится: «Он представляет редкий пример ученого, усвоившего европейское образование... В Казани Казем-Беку открылось широкое поле для его

глубокой эрудиции и неутомимой деятельности. Его труды за это время сделали его имя громким, как среди русских ученых и ориенталистов, так и среди заграничных... Казем-Бек издал очень много своих трудов на языках английском, французском, русском, арабском, персидском и турецком, на которых писал и говорил совершенно свободно. Наибольшее значение имеют его работы по мусульманству и мусульманскому законоведению. В этой области в это время ему было немного равных и по изданию текстов...

Принимая во внимание множество серьезных критических статей... можно себе представить, как обширна и плодотворна была ученая деятельность Казем-Бека, сколько сделано было этим одним человеком для востоковедения. Помимо важных научных заслуг Казем-Бека долго сохранялась о нем память среди всех, лично знавших его, как о человеке необыкновенно добром» (210, т. 8, с. 381).

Однако, как видно из переписки М. Казем-Бека с друзьями, жизнь в Казани не доставляла ему особых радостей. «Я не могу быть благодарен своей судьбе» (97, ф. 776, оп. 2, № 104, л. 36), - писал он академику Дорну в Петербург. Это было связано с ненормальным отношением начальства учебного округа к ученому. «Я задумываюсь над вопросом, - писал он вновь в Петербург, - почему я столь сильно отличаюсь в глазах начальства от всех моих коллег - сослуживцев! Мне кажется, что я всеми забыт и оставлен. При всех этих обстоятельствах я все-таки никогда; не остаюсь праздным, я нахожу радость в работе. Недавно г-н Пушкин сказал, что министр (просвещения. - А. Р.) не любит меня. Я равнодушен ко всему этому» (97, ф. 776, оп. 2, № 130, л. 46, 47).

В частности, М. Казем-Беку не разрешали выезд из Казани. Он неоднократно получал отказ в выдаче паспорта для выезда: в Петербург. «Мучительно больно, конечно, - писал ученый, - слышать так много, видеть так мало» (97, ф. 776, оп. 2, № 130, л. 5).

М. Казем-Бек мечтал о переезде в Петербург, о работе в Петербургском университете. «Об этом думаю как о чем-то огромном, хорошем и несбыточном!» (97, ф. 776, оп. 2, № 104, л. 37), - писал он своему другу.

Свой переезд в Петербург М. Казем-Бек связывал с большими научными планами. В апреле 1840 г. он писал академику Френу: «... жизнь в Петербурге совсем другого рода, и я всегда буду лелеять мечту о переезде в Петербург. Моя жизнь тогда пойдет по-иному... 14 лет, 14 долгих лет я провел в Казани, но всегда я думал и видел мысленно себя в мировом городе. Будучи в Петербурге, я не чувствовал бы себя таким одиноким, и, наконец, будучи в Петербурге, я мог бы сам лично заниматься опубликованием моих произведений в печати. Я мог бы заниматься интересующей меня работой, имея под рукой в библиотеках весь необходимый материал. Жизнь пошла бы по-другому» (97, ф. 776, оп. 2, № 130, л. 29).

Долго М. Казем-Беку не доверяли, опасаясь, что он покинет Россию. Доведенный до отчаяния обстановкой подозрения, он писал в январе 1841 г. в Петербург академику Дорну: «Мой переезд в Петербург и моя работа в Академии все еще остается далеко неразрешенным и в известной мере это меня дезорганизует, хотя планов у меня очень много... Какие вопросы и преткновения могут стать на моем пути? У меня нет мысли оставить Россию... Мысли мои направлены только к выполнению моего долга перед обществом, перед наукой» (97, ф. 776, оп. 2, № 104, л. 28).

Наконец, после долгих испытаний, мечта М. Казем-Бека сбылась - был разрешен его переезд в Петербург. В сентябре 1849 г. было принято решение перевести профессора М. Казем-Бека в Петербургский университет на кафедру персидского языка вместо оставившего факультет восточных языков Мирзы Джафара Топчибашева.

М. Казем-Беку трудно было расставаться с Казанским университетом, которому он отдал 23 года своей жизни. И университету было тяжело расстаться с выдающимся ученым. Совет Казанского университета избрал М. Казем-Бека почетным членом.

22 сентября 1849 г. «члены Совета университета, по общему согласию, давали прощальный обед отъезжающему собрату в доме г. помощника попечителя Н. И. Лобачевского... Не могло быть шумного веселья на этом пиру. Университет знал, какую утрату он переносит, но здесь царствовало отрадное согласие, здесь было общее всем чувство. Из распорядителей прощального обеда Н. А. Иванов и А. В. Попов взяли на себя обязанность выразить общее участие и прощальные их приветствия гостю, в последний раз присутствовавшему в дружеском кругу, вызвали слезы на глазах всех собеседников...» (265, 1893, кн. III, с. 545).

Через два дня М. Казем-Бек дал прощальный обед у себя дома. С речами выступили профессор и преподаватели, друзья и товарищи М. Казем-Бека. На прощальном обеде ученик М. Казем-Бека профессор И. Н. Березин прочел свое стихотворение, посвященное учителю и наставнику:

Он долго между нами жил,
Любил он нас, любил науку,
Потом, бог с ним! - он изменил
И предлагает нам разлуку.
Храня преданья старины,
Он созвал нас на пир прощальный;
Желанию его верны,
Мы скажем пред дорогой дальней:
Счастливый путь, счастливый путь!
И верю я, и верите все Вы,
Что честно он свой подвиг трудный
Свершит на берегах Невы,
В Пальмире северной и чудной;
Что там еще он много, лет
С премудростью ориентальной
Знакомить будет русский свет.
Так скажем пред дорогой дальней:
Счастливый путь, счастливый путь!
Желаний много для него
И въявь и в тайне здесь готово;
Но лучше пусть почитит его
Заветное такое слово:
Да будет он всем мил и там,
Так искренно, так идеально,
Как здесь друзьям, ученикам.
Итак, перед дорогой дальней:
Счастливый путь, счастливый путь!
Пройдут года. Быть может он,
Велению судьбы послушный,
Столичной жизнью утомлен,
Вновь будет наш. Тогда радушный
Прием опять его здесь ждет;
Тогда в кругу, теперь печальном,
Он вновь друзей своих найдет.
Итак перед дорогой дальней:
Счастливый путь, счастливый путь!» (121, с. 115 – 116).

В связи с отъездом М. Казем-Бека из Казани профессор И. Н. Березин подготовил статью, в которой, в частности, говорилось: «Много грустного в жизни человека, бывают и радостные дни, но почему-то первое и чаще встречается и дольше помнится. Одним из таких грустных событий для Казанского университета был отъезд профессора арабско-персидской словесности Мирзы Александра Касимовича Казем-Бека в Санкт-Петербург. В лице этого ветерана восточной науки, двадцать три года; с неутомимою деятельностью занимавшегося преподаванием азиатских языков, университет лишается одного из известнейших и любимейших своих членов» (265, 1893, № 12, с. 544).

Подводя итоги деятельности М. Казем-Бека казанского периода, историки русского востоковедения писали: «Несомненно, что создателем казанской школы ориенталистов с гораздо большим правом может быть назван Казем-Бек, чем Эрдман» (183, т. 4, с. 29). Далее указывалось, что казанский «период в истории русского ориентализма, когда требования научного востоковедения всецело приносились в жертву действительным или мнимым требованиям государственной жизни, тесно связан с именем Казем-Бека и его даровитейших учеников» (183, т. 4, с. 30).

В Петербурге

30 октября 1849 г. М. Казем-Бек с семьей прибыл в Петербург. Известный ориенталист России того времени профессор Б. В. Григорьев писал по этому поводу: «Преемником Мирзы Джафара на кафедре персидской словесности явилась одна из замечательнейших в настоящее время личностей не только у нас, но и в целой Азии и целой Европе - азиатец, с глубоким мусульманским образованием, соединяющий основательное знакомство с ученостью европейскою, владеющий одинаково как арабским, персидским и турецким, так английским, французским и русским языками, и на всех шести языках писавший и печатавший... В наш университет, после 23-летней службы в Казани, снискавшей ему там всеобщую любовь и уважение, перешел он в ноябре 1849 г. на кафедру персидской словесности» (138, с. 256 – 257).

Наряду с преподаванием персидского языка попечитель Петербургского учебного округа счел целесообразным поручить М. Казем-Беку также уроки арабского языка на первом и втором курсах восточного отделения университета. Мусин-Пушкин по этому поводу писал министру народного просвещения: «... поручение преподавания ординарному профессору Казем-Беку арабского языка студентам первого и второго курсов восточного отделения необходимо потому, что в этих курсах нужен преподаватель, совершенно обладающий как русским, так и арабским языками. Иначе успехи слушателей будут не только недостаточны в арабском языке, но даже совершенно неудовлетворительны в персидском и турецком языках, для полного изучения которых нужно твердое знание арабского языка. Преподавание арабского языка в университете есть немаловажный труд, и требует особенных знаний» (93, ф. 733, оп. 25, д. 84). Так начался петербургский период жизни и деятельности М. Казем-Бека.

22 декабря 1849 г. М. Казем-Бек одновременно был назначен инспектором частных пансионов и школ Петербурга. В этой должности он пробыл до 6 октября 1854 г.

Что представляли собой частные пансионы? На этот вопрос подробный ответ дает литература по истории педагогического образования в России. В этих пансионах преподавали люди без серьезной педагогической подготовки, часто иностранцы, не владеющие русским языком. Отсутствие в частных пансионах стройной системы обучения, единых учебных программ создавало большие трудности для поступления выпускников пансионов в университеты.

Жалкое состояние обучения в этот период дал М. Е. Салтыков-Щедрин в «Письмах к тетеньке». «Денег на наше образование швырялось с три пропасты, - писал он, - но знаний на эти деньги приобреталось на грош. Люди, которые занимались швырянием денег, не имели понятия ни о том, что такое знание, ни о том, для чего оно нужно. Вся человеческая жизнь приурочивалась к целям, совершенно посторонним знанию, последнее же пристегивалось к ним, как составная часть обязательной привилегии... Ни о каком фонде, могущем послужить отправным пунктом для будущего, и речи быть не могло» (цит. по (217, с. 243 – 244)).

Став инспектором частных пансионов Петербурга, М. Казем-Бек проделал большую работу в области совершенствования обучения. Однако его деятельность в должности инспектора почти совсем не изучена и требует детального исследования в русле изучения педагогических идей Казем-Бека.

8 февраля 1850 г. М. Казем-Бек был избран действительным членом Российского географического общества.

В этом же году он готовит к печати капитальную работу «Дербент-наме», начатую в Казани в 1839 г. и законченную в 1843 г. Над «Дербент-наме» М. Казем-Бек работал с большим усердием и вдохновением. Для сбора материалов и розыска вариантов этого исторического труда ему разрешили выехать в Дербент. После возвращения из родного города он писал: «„Дербент-наме“ говорит о моем отношении к моей родине и о тех чувствах, которые я испытал, когда в первый раз после долгого отсутствия посетил Дербент. Я долго и упорно искал рукописи, относящиеся к Дербенту...» (97, ф. 776, оп. 2, № 104, л. 5).

После возвращения из Дербента М. Казем-Беку было разрешено посетить Петербург для работы в рукописных фондах Петербургской публичной библиотеки. «Упорно, настойчиво я работал в Имп. библиотеке в Петербурге, - писал он, - разыскивая рукописи. Я возвратился в Казань, имея в руках „Дербент-наме“. Очень трудно скопировать рукопись на персидском языке, и мне пришлось пройти через сотню трудностей. И такой же экземпляр - только на турецком языке - был в моем распоряжении... Надо было решить вопрос о более раннем переводе. Несомненно, турецкий был сделан много лет тому назад и на моей обязанности лежало - установить идентичность обоих рукописей. Кроме того, должен был быть еще один экземпляр в Берлинской библиотеке, как это я мог заключить из перевода Клапрота. Рукопись в Берлине, по-видимому,

была оригиналом, и тот перевод на персидском, который был у меня в руках, был переведен из Берлинской рукописи» (97, ф. 776, оп. 2, № 104, л. 5). 31 октября 1841 г. М. Казем-Бек направил академику Френу следующий план издания «Дербент-наме»:

«1. Обработка на азербайджанском языке - с английского языка, параллельно с аннотациями Клапрота. Всю работу печатать в Берлине.

2. Дать ремарки и иллюстрации в конце.

3. Дать приложения, содержащие некоторые цитаты из Табери, Ибн-ас-Сами Куфи и некоторых других, которые занимались историей Дербента. Я покажу основные различия, которые мне встретятся в версии С.-Петербурга» (97, ф. 776, оп. 2, № 130, л. 33).

Книга «Дербент-наме» была издана в Петербурге в 1851 г. и получила признание современников ученого. За нее была присуждена Демидовская премия Петербургской Академии наук. Академик Дорн писал: «Издание его в свет было уже давнишним желанием ориенталистов и любителей истории вообще, потому что при разбросанности и доступности только немногим сведений о древнейшей истории Ширвана и Дербента хотя короткий сборник, подобный подлежащему, был живо ощущаемой потребностью...» (149, с. 4 - 5). Казем-Бек, продолжает Дорн, даровал нам хорошее ученое издание, важное по части истории Кавказа, одной из областей Российской Империи; «Дербент-наме» «выполнило пробел в дошедших до нас из восточных писателей сведениях, об одной части Закавказской истории, заслуга, которую он снискал себе благодарностью всех тех, которые дорожат историей России вообще и в особенности Закавказских ее областей» (149 с. 7).

В 1851 г. М. Казем-Бек был выдвинут в Петербурге Азиатского института. Автор проекта предусматривал объединение восточных факультетов основных университетов России. 28 декабря 1851 г. был создан комитет для составления проекта устава и определения штата Азиатского института, куда наряду с министром просвещения и ректором Петербургского университета вошел М. Казем-Бек.

В докладной записке попечителя Петербургского учебного округа на имя министра народного просвещения от 9 декабря 1851 г. говорилось: «На предложение Вашего сиятельства от 7 сего декабря донести честь имею, что я полагал бы составить комитет для изготовления проекта и штата Азиатского института из ординарных профессоров С.-Петербургского университета Казем-Бека по языкам арабскому, персидскому, турецкому и всем наречиям татарским, из ординарного профессора Казанского университета Ковалевского по языкам санскритскому, китайскому, монгольскому, манджурскому, тибетскому» (183, т. 1, с. 471).

Как видно из архивных материалов, основная задача подготовки проекта устава и штата была возложена на М. Казем-Бека, о чем было сказано в докладной записке попечителя на имя министра народного просвещения от 29 декабря 1851 г.: «Комитет занимался в первом своем заседании рассмотрением состава предполагаемого института, долженствующего служить основанием устава и штата, возложил на члена своего, профессора Казем-Бека, составление распределения преподавания мусульманских языков с их наречиями» (183, т. 1, с. 475).

Вскоре был подготовлен и представлен подробно разработанный «Проект устава С.-Петербургского Азиатского института».

Проект наряду с изучением арабского, персидского и турецкого языков предусматривал также изучение в Азиатском институте азербайджанского и джагатайского языков (183, т. 1, с. 35). Кроме того, по замыслу М. Казем-Бека и других его инициаторов, институт должен был заниматься распространением знаний о Востоке. Предполагалось издавать журнал института, где должны были печататься «исследования лингвистические, географические и исторические о Востоке, извлечения из больших сочинений, переводы неизвестных восточных рукописей или редких творений» (183, т. 1, с. 54).

Широкая и всесторонняя программа обучения предусматривала не только глубокое знание языка, но и истории, литературы, политического строя и законодательства изучаемой страны. Такая программа не понравилась реакционной царской бюрократии, которая в лице Демезона и Сенявина всячески чинила препятствия открытию Азиатского института. Представленный в феврале 1851 г. на рассмотрение правительству проект организации института долгое время оставался без внимания. Однако в процессе работы комитета М. Казем-Беку удалось привлечь на свою сторону попечителя Петербургского учебного округа М. Мусина-Пушкина, который, покоренный талантом и эрудицией выдающегося ученого, сделался убежденным поборником организации Азиатского института.

Докладная записка Мусина-Пушкина на имя министра народного просвещения от 14 апреля 1852 г. за № 2152 разоблачала чиновничий бюрократизм. Попечитель писал: «Составление проекта и штата Азиатского института возложено Вашим сиятельством на особый комитет под

моим председательством... С того времени прошло более 4 месяцев... С того времени проект находится у г. Демезона для представления с его мнением на предварительное рассмотрение тайного советника Сеньявина. Два раза я напоминал г. Демезону о возвращении проекта и сообщении комитету своего мнения и отзыва тайного советника Сеньявина и последний раз 11 сего апреля. Но г. Демезон отвечал мне постоянно, что Сеньявин не имеет времени заняться рассмотрением оного. Между тем тайный советник Сеньявин к Вашему сиятельству пишет, что ему для сообщения своего мнения нужен проект устава, а оный еще 29 февраля передан чиновнику его ведомства именно для представления ему. Не понимаю, отчего происходит такое противоречие» (183, т. 4, с. 39 - 40).

Несмотря на указанную записку попечителя, устав оставался нерассмотренным. 18 августа 1852 г. министр народного просвещения Ширинский-Шихматов вторично направил на рассмотрение Сеньявину проект устава и штат Азиатского института. Но Сеньявин, будучи противником открытия Азиатского института, не торопился с решением. Только в письме от 13 февраля 1854 г. за № 461 (т. е. через три года после представления проекта) он, наконец, высказал свое мнение, которое оказалось отрицательным. Сеньявин писал: «... не лучше ли было бы при нынешних чрезвычайных обстоятельствах, и когда, по-видимому, надобно всячески избегать вводить казну в лишние расходы, отложить это предположение об Азиатском институте до другого благоприятнейшего времени» (183, т. 4, с. 92).

М. Казем-Бек продолжал активно бороться за реализацию своего плана, смело выступив против царских ретроградов. Как видно из архивных документов, после получения ответа Сеньявина М. Казем-Бек на полях указанного письма выразил свое возмущение.

Высшая царская бюрократия хотела сохранить за собой полную свободу в зачислении на дипломатическую службу представителей аристократии и не допустить к ней выпускников Азиатского института, где преподавание было бы поставлено на прочную научную основу. Выступая против заявления Сеньявина о том, что направление студентов Азиатского института на службу не должно быть ни для какого ведомства обязательным, М. Казем-Бек писал: «Эта точка зрения совершенно противна существу дела, на котором основана необходимость преподавания восточных языков в России» (183, т. 4, с. 95).

Он не мог смириться с таким положением, когда «Министерство иностранных дел охотно принимало их (руководство. - *А. Р.*) до сих пор только тогда, когда оно нуждалось в них не для пользы службы, а для того, чтобы этим средством дать существование своему институту, нужному не для пользы России, а для пользы лишь некоторых личностей» (183, т. 4, с. 92).

Когда Сеньявин попытался оправдать свое отрицательное отношение к организации Азиатского института финансовыми затруднениями, М. Казем-Бек уместно напомнил ему другие расходы, которые допускались отнюдь не для пользы дела. Он бросил упрек Сеньявину: «Сам институт восточных языков при Министерстве иностранных дел без всякой пользы обременяет казну государственную» (183, т. 4, с. 92).

Консерватизм и рутина, боязнь влияния прогрессивных ученых востоковедов, ведомственные преграды помешали осуществлению мечты М. Казем-Бека об открытии в России Азиатского института. В 1864 г. в одной из своих записок М. Казем-Бек напомнил о недостойном поведении Сеньявина в деле организации Азиатского института: «Действие Сеньявина... не что иное, как беспечное, равнодушное, голословное повторение одного и того же, совершенно недостойное» (93, ф. 733, оп. 147, ед. хр. 205, л. 460б).

Будучи профессором Петербургского университета, М. Казем-Бек продолжал работать над научными трудами. В «Вестнике Императорского Русского географического общества» за 1852 г. появилась работа М. Казем-Бека по вопросам языкознания - «Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных местным и тюркскими наречиями в России». В этом же году М. Казем-Бек выступил со статьей о языке на страницах «Известий Имп. АН по отделению русского языка и словесности», которая называлась «Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков» (254, вып. 3, с. 125 - 128).

Не ограничиваясь работой в Петербургском университете, М. Казем-Бек приступил к разработке плана по преподаванию турецкого языка в Военной академии. По этому поводу «Ученые записки Имп. АН по 1 и 3-му отделениям» писали: «Один из сынов дружественного с нами восточного народа, усыновленный Россией и уже оказавший ей немало услуг на учебном и ученом поприще, г. профессор здешнего университета Казем-Бек, предполагая, что русским офицерам может пригодиться знакомство с турецким языком, вызвался открыть для этого предмета безвозмездно курс в одном из заведений военного ведомства» (274, с. 497).

5 декабря 1853 г. М. Казем-Бек обращается к попечителю Петербургского учебного округа с донесением следующего содержания: «Заметив во многих офицерах Генерального штаба и

военной Академии желание учиться турецкому языку и видя ощутительный недостаток в средствах их к благоуспешному достижению цели, я решился всеми мерами стараться уделить на их пользу часть своего времени и этим быть, хотя и в малой степени, полезным благородному сословию русского воинства... Это не все, чем я желаю оказать свои услуги русским офицерам. К тому я намерен прибавить еще открытие четырехмесячного без платы курса турецкого языка» (97, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 5663, св. 116).

К донесению М. Казем-Бек добавил «План учебного пособия для изучения турецкого языка». Предложение М. Казем-Бека было одобрено. 16 декабря 1853 г. он начал занятия в Военной академии, которые закончил в июне 1854 г., безвозмездно прочитав высшему офицерскому составу 63 лекции по турецкому языку. На основании «Плана учебного пособия для изучения турецкого языка» и материалов прочитанных лекций М. Казем-Бек в июле 1854 г. составил «Учебные пособия для временного курса турецкого языка в Императорской Военной Академии» (33).

Хотя до появления «Учебных пособий» для обучения турецкому языку и грамматике имелась фундаментальная «Общая грамматика турецко-татарского языка» М. Казем-Бека, ценность «Учебных пособий» заключалась в том, что они давали «возможность в сравнительно короткое время, даже и без посредства учителя, освоиться с главными основаниями турецкого языка... как в практическом, так и в теоретическом отношениях» (150, с. 967). Для облегчения обучения ученый добавил к «Учебным пособиям» русско-турецкий словарь (6764 слов), при этом отмечая происхождение слов (арабских, персидских и турецких), правописание личных имен.

В авторе «Учебных пособий» Дорн увидел «опытного наставника и ученого, вполне знающего свое дело» (150, с. 98). «Казем-Бек, - продолжал Дорн, - уже известный ученому свету многими прекрасными сочинениями, и при нынешних обстоятельствах сумел употребить свою науку в пользу и к благу Отечества... Эта книга есть первая и единственная своего рода в России и существенно облегчает и делает возможным изучение столь важного для России турецкого языка и его почерков, что польза ее уже оправдалась на опыте и, конечно, не приминет еще более оправдаться и впредь...» (150, с. 98).

Проведя сравнительное сопоставление существующих учебных пособий, Дорн пришел к выводу, что данное учебное пособие дает возможность более быстро и хорошо усвоить не только языки, но и различные почерки, существующие у восточных языков.

«Наши печатные книги обыкновенно знакомят нас с так называемым *несхи*, - писал Дорн, - но тот, кто даже и вполне освоился с таким родом почерка, все же не в состоянии, или только с большим трудом, может разбирать писанные другими почерками рукописи. В предлежащей книге собраны связанные образцы всех этих почерков таким образом, что всякий легко может разом вникнуть в их тайны. Практическая польза этого приложения как для драгомана, так и для ученого очевидна, словом, нельзя не поблагодарить автора за такую придачу» (150, с. 97).

За этот свой труд М. Казем-Бек в третий раз был удостоен Демидовской премии.

50-е годы были сложным историческим периодом в жизни России, и в частности русских университетов. Над университетами продолжал висеть дамоклов меч. Они понесли тяжелый урон. Научно - исследовательская работа, преподавание, распространение знаний в окружающем обществе - все было стеснено, подавлено, поставлено в самые жесткие условия. Правительственная регламентация достигла небывалых размеров, надзор усилился. Основное внимание уделялось не научной ценности лекций, а их благонамеренности. Изучение общественных наук постарались свести к минимуму. Предпринимались настойчивые попытки подчинить все преподавание реакционной идеологии, не допустить проникновения в университеты новых идей, закрыть туда доступ буржуазным (и тем более социалистическим) взглядам и учениям, предотвратить любую нежелательную для царизма информацию не только о настоящем, но и о прошлом. Профессорам было приказано разработать и представить начальству сокращенные программы по своим предметам, удалив отсюда «все ненужное и лишнее» (226, с. 44).

Политика правительства вскоре законодательно была закреплена «Инструкцией ректорам университетов и деканам факультетов», утвержденной Николаем I осенью 1849 г.

Смерть Николая I в 1855 г. и приход к власти Александра II возбудили у либеральной части интеллигенции надежду на перестройку университетского образования.

В руководстве народным образованием оставались те же чиновники, генералы. Говоря о попечителе Петербургского учебного округа этого периода М. Н. Мусине-Пушкине, переведенном сюда из Казанского учебного округа, Ф. Н. Устрялов писал «В нем, точно в последнем осколке, воплощались отживавший строй жизни, порядок ненавистных времен: все то, что дали нам

казенщина, солдатчина, крепостное право и барство, выражалось и нем во всем своем безобразии» (219, с. 599).

Однако всем было ясно, что режим Николая I потерпел крах. «Нужно было искать новые пути и методы. Новый царь Александр II вначале проявлял к делу просвещения полное равнодушие и уклонялся от любых новшеств в этом деле. Однако сила обстоятельств заставляла правительство признать необходимость перемен» (226, с. 106).

Новоназначенный министр просвещения А. С. Норов в своей речи осенью 1855 г. вынужден был признать, что «наука... всегда была для нас одною из главнейших потребностей, то теперь она первая. Если враги наши имеют над нами перевес, то единственно силою своего образования. Итак, мы должны все наши усилия устремить на это великое дело» (189, т. 1, с. 420). А. С. Норов, «еще недавно предостерегающий студентов от увлечения научными занятиями» (226, с. 106), вынужден был поддержать предложение о реорганизации системы востоковедческого образования в России, о расширении преподавания восточных языков в Петербургском университете. «Усиленная активность правительства (выражавшаяся, между прочим, в перемещении не только отдельных профессоров, но и целой группы востоковедов из одного города в другой) также была связана с общей атмосферой того времени и кризисом „верхов“» (226, с. 117).

Указом Правительствующему Сенату от 22 октября 1854 г. существующее отделение восточных языков Петербургского университета было преобразовано в факультет, в связи с чем преподавание восточных языков в Казанском университете, Ришельевском лицее с гимназией и в Первой Казанской гимназии было прекращено.

Для реорганизации восточного факультета был организован специальный комитет, в состав которого входил также М. Казем-Бек. Как писал И. Н. Березин, «главным работником в этом предприятии был Мирза Казем-Бек, составивший общий план факультета восточных языков при С.-Петербургском университете и вместе с тем подробную программу преподавания мусульманских языков» (121, с. 121). Комитет согласился с предложением М. Казем-Бека и разделил восточный факультет на пять главных разрядов: арабско-персидско-турецко-татарский, монголо-калмыцко-татарский, китайско-маньчжурский, еврейско-арабский и армяно-грузинско-татарский.

20 апреля 1855 г. М. Казем-Бек был назначен заведующим кафедрой персидского языка восточного факультета университета.

Еще до торжественного открытия факультета восточных языков в Петербургском университете, 30 июля 1855 г. состоялись выборы первого декана факультета, и им стал, сроком на 4 года, М. Казем-Бек. Торжественное открытие факультета было назначено на 27 августа 1855 г.

Открытию факультета предшествовали важные для всей России события. Продолжалась начавшаяся еще в 1853 г. кровопролитная русско-турецкая война, она унесла много тысяч жизней русских солдат и офицеров. «12 февраля 1855 года курьер принес во дворец весть о поражении русских войск под Евпаторией. Приближенные вспоминали, как бессонными ночами император „клял земные поклоны перед церковью“, а в кабинете „плакал, как ребенок, при получении каждой плохой вести“. В последние часы своей жизни он не пожелал выслушать новости из Крыма, содержащиеся в письме его младших сыновей Михаила и Николая. Только спросил: „Здоровы ли они? Все прочее меня не касается...“» (225а, с. 10). А 18 февраля 1855 г. император российский Николай I скончался.

Это были последние дни героической обороны Севастополя. «В тот день, - писал И. Н. Березин, - когда враги громили севастопольскую твердыню, на другом пределе Русского царства, в Северной его столице, совершалось, в стенах университета, необычайное ученое торжество - открытие восточного факультета» (120, с. 29). С речью на торжественном акте о составе, программах и задачах нового факультета выступил М. Казем-Бек. Он объявил, что на факультете будут преподаваться 14 (!) языков и наречий народов Востока: староарабский, новоарабский, персидский, османо-турецкий, азербайджано-турецкий, джагатайский, монгольский, калмыцкий, маньчжурский, китайский, староеврейский, новоеврейский, армянский, грузинский. Этого нет еще ни в одном учебном заведении Западной Европы. Иначе и быть не могло! - доказывал М. Казем-Бек, ибо «никакое европейское государство так тесно не соединено с Азией в географическом, торговом и даже этнографическом отношении, как Россия. В недрах России ее же подданными употребляется более 20 азиатских языков и отдельных наречий, не говоря о многообразных чужеземных языках, употребляемых, с одной стороны, в Кавказских горах и ущельях, с другой - в сибирских лесах и равнинах и с третьей - в значительной полосе государства, усеянной финскими и финно-монгольскими или финно-тюркскими племенами. Сверх того, с Маньчжурией, с Персией и с Турцией мы находимся в ближайшем соседстве. Следовательно, какое государство имеет более возможности, удобства и даже права извлекать выгоды из знания азиатских языков, чем Россия?» (31, с. 16). В конце своей речи М. Казем-Бек обратился к студентам восточного факультета,

призвав их «идти за влечением долга чести и нетревожимо стремиться к избранной цели» (31, с. 22).

Речь М. Казем-Бека была обращена к надежде России - молодому поколению. Она побуждала в них стремление к высоким общественным, этическим, научным идеалам, призывала к жажде деятельности, самостоятельности, гуманности, раскованности, благородным стремлениям. Речь «в ярких красках изображала великую будущность нового учреждения, подобного которому, по количеству и качеству ученых сил, по богатству учебных пособий и по разнообразию предметов преподавания, не было нигде в Европе... оратор смело утверждал, что каждый из наших профессоров известен в Европе» (114, т. 9, с. 105 - 106). Характеризуя этот важный этап в развитии востоковедения в Петербургском университете, «Очерки по истории русского востоковедения» отмечали: «Особенно важно, в 1855 - 1856 гг. был организован Восточный факультет Петербургского университета. Все эти учреждения, особенно восточный факультет, сыграли крупнейшую роль в развитии русского востоковедения. Деятельность этих учреждений развернулась в 50 - 60-е годы XIX в. и составляет новый этап в истории востоковедной науки» (191, сб. 1, с. 35).

Руководя факультетом восточных языков, М. Казем-Бек стремился к дальнейшему расширению их преподавания в Петербургском университете. В «Записке о теоретическом и практическом преподавании азиатских языков в факультете восточных языков при Императорском университете, равно как и о некоторых мерах, принятых и принимаемых к улучшению факультета» М. Казем-Бек в основном изложил свои планы на будущее. Он предложил ввести в восточном факультете дополнительно преподавание дипломатии, политической экономии, гражданского и уголовного права, латинского языка и педагогики. В конце «Записки» М. Казем-Бек говорил о необходимости «на благо науки и просвещения» объединения Азиатского института Министерства иностранных дел с факультетом восточных языков Петербургского университета.

Осенью 1858 г. на факультете восточных языков возник разлад по ряду вопросов распределения предметов и по представлению ряда педагогов к докторским званиям.

Для получения звания доктора восточной словесности наряду с другими требованиями М. Казем-Бек считал необходимым организацию испытаний по следующим предметам: «1. История индийских народов; 2. История Средней Азии; 3. История и география Китая; 4. Политическая история Армении в древние и новейшие времена; 5. История русская; 6. История Аравии, Персии и народов турецко-татарского племени; 7. История монголов и калмыков; 8. История и география Грузии до присоединения оной к России» (183, т. 1, с. 410).

По этому-то вопросу на факультете и возникли разногласия. 3 ноября 1858 г. разногласия эти были рассмотрены на заседании Совета университета. Участвовавший в этом заседании А. В. Никитенко писал: «Бурное заседание в Совете университета. По выслушивании некоторых дел и предложений выступил на сцену опять вопрос, поднятый восточным факультетом в прошедшее заседание, о производстве за знаменитость вдруг четырех докторов из его членов. Закипела страшная битва. Главными действующими лицами тут были я, Срезневский, (А. К.) Казем-Бек и сами проектируемые доктора, которые сами защищали свою знаменитость и предъявляли свои права на докторство...

Но вот поднялся Казем-Бек и прочитал свою записку, очень умно и остроумно написанную... Слова его как ориенталиста имели значительный вес...» (190, т. 2, с. 365 - 366). Совет университета поддержал мнение М. Казем-Бека. Несмотря на это, М. Казем-Бек в начале 1859 г. подал прошение об освобождении от должности декана восточного факультета.

Деканом факультета был избран Мухлинский. В. В. Бартольд писал: «Как эти данные, так и устные рассказы деятелей этой эпохи, которые мне приходилось слышать, показывают, что представителями двух споривших между собой групп профессоров факультета считались Казем-Бек и Мухлинский, хотя, по-видимому, только первый обладал темпераментом инициатора и руководителя. За семь лет пребывания Мухлинского в должности декана (1859 - 1866) мы не нашли в делах факультета ни одного примера его личной инициативы; его именем, по-видимому, действовали его более энергичные товарищи, в особенности И. Н. Березин (ученик Казем-Бека...) и впоследствии В. В. Григорьев» (114, т. 9, с. 119).

М. Казем-Бек готовит в эти годы к печати начатый еще в Казани «Полный конкорданс Корана, или ключ ко всем словам и выражениям его текстов, для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги», над которым ученый в целом работал 25 лет. «Конкорданс составляет около 70 печатных листов! - писал он. - Не слишком ли большой? Но я всесторонне исследовал все то, что я написал... вся работа теперь уже закончена... Кроме того, я занят еще очень много тем, что должен много работ копировать, я должен их исправить тщательно и сделать некоторые необходимые добавления... Я буду после

всего гордиться тем, что справился с такой тяжелой работой» (97, ф. 776, оп. 2, № 104, л. 38 и 38об.).

Опубликование «Конкорданса» затягивалось. М. Казем-Бек принимал все меры к его быстрейшему напечатанию. В феврале 1858 г. он сообщал: «... я готов опубликовать эту работу за свой собственный счет, понести все расходы, согласно законов печати...» (97, ф. 776, оп. 2, № 104, л. 49 - 50).

«Конкорданс» вышел в 1859 г. (38). Предназначенный для помощи исследователям Востока, он был составлен как лексикон в алфавитном (арабск.) порядке с указанием места слов. Хотя этот свой титанический труд М. Казем-Бек считал в какой-то степени механическим, он хорошо понимал его необходимость и важность для научных исследований (см. (38, с. 8)). Естественно, что сразу же после появления сообщения о готовящемся издании «Конкорданса» появились и мнения о его необходимости и целесообразности. Первой высказала свое мнение Петербургская Академия наук: «Труд г. Казем-Бека, без сомнения, с благодарностью будет принят как европейскими учеными, так и ориенталистами и послужит к чести как университета, в котором он занимает кафедру, так и его самого, и последнее тем более, что автор принадлежит к редкому числу природных ориенталистов, которые, усвоив себе европейскую ученость, питают к ней полное уважение» (38, с. 15).

Высказывая свое отношение к «Конкордансу», «Журнал Министерства народного просвещения» писал: «Это есть пособие, за которое в высшей степени благодарны ему как мусульманский мир, так и ориенталисты всех стран, исследывающие этот мир» (251, 1859, ч. СХІІІ, с. 23).

С появлением «Конкорданса», однако, заговорили и противники разработки проблем Востока, в частности исследований «опросов ислама и мусульманского права в России. Иные даже обвиняли М. Казем-Бека в пропаганде идей ислама.

М. Казем-Бек понимал, что ряд критических замечаний в его адрес есть следствие непонимания проблемы. Отвечая критическим замечаниям, появившимся в печати после выхода «Конкорданса», он писал: «Многие фанатики, не приняв на себя труд вникнуть в сущность дела, думали: с какой стати профессор русского университета, христианин, взялся ломать себе голову над Кораном лжепророка! Иные, еще менее знакомые с делом и даже не понимающие значения слова конкорданс, сетовали, что я писал толкования на Коран... Дело вовсе не христианское и не заслуживающее поощрения!.. Вот сфера убеждений, в которой моему труду приходилось совершать свой странный путь, подобно метеору, на который иные дикари смотрят, как на падающие звезды, богом низверженные, недостойные неба» (39, с. 9).

В 1859 г. М. Казем-Бек опубликовал следующий свой капитальный труд - «Мюридизм и Шамиль» (37). Написанию этого историко-политического трактата о движении горцев Дагестана под предводительством Шамиля предшествовала большая подготовительная работа. Ученый ознакомился с поступающими с Кавказа донесениями, встречался с непосредственными участниками движения и русскими офицерами - участниками боев. Казем-Бек изучал политическую сущность мюридизма на конкретном, дагестанском примере. Значительно обогатили представления М. Казем-Бека о движении горцев две его встречи с пленным Шамилем в Петербурге. Они подробно освещались в петербургской печати, в том числе и самим М. Казем-Беком. Как явствует из книги Руновского, А. Шамиль рассказал М. Казем-Беку много интересного о Кавказской войне: «... Казем-Бек записывал сообщаемые им сведения. Какую неподобную группу составляли из себя эти две фигуры: воин и ученый! Как различны цели их жизни и как разнородна известность! А между тем, сколько гармонии заключалось в теперешнем их сближении, о возможности которого, наверное, не приходило на мысль ни тому, ни другому, да едва ли и кому-нибудь в целом мире...» (209, с. 27).

Книга «Мюридизм и Шамиль» быстро завоевала популярность не только в России, но и за ее пределами. Вслед за нею одна за другой в «Русском слове» появились статьи М. Казем-Бека: «Обозрение Востока в политическом отношении перед появлением Мухаммеда» (1860, № 2 и 5), «О значении Имама, его власти и достоинстве» (1860, № 3), «Мухаммед Амин» (1860, № 60) и «Мухаммед, основатель Ислама» (1860, № 8 и 10).

Наряду с огромной научной работой М. Казем-Бек продолжал преподавательскую работу в университете. Учитывая заслуги М. Казем-Бека, Совет Петербургского университета 7 ноября 1861 г. присвоил ему почетное звание заслуженного профессора.

В 1861 г. исполнилось 25 лет научно-педагогической деятельности М. Казем-Бека. Согласно уставу университетов после 25 лет службы преподаватели увольнялись на пенсию. Однако, принимая во внимание огромные заслуги М. Казем-Бека, Совет университета при поддержке попечителя Петербургского учебного округа 27 ноября 1861 г. провел тайным

голосованием баллотировку М. Казем-Бека для оставления на следующие 5 лет в должности преподавателя. Как указано в письме ректора университета от 8 декабря 1861 г., «по окончании баллотировки оказалось, что Действительный Статский Советник Казем-Бек получил двадцать избирательных шаров, не имея ни одного неизбирательного». Далее в том же письме говорилось: «Принимая во внимание вышеприведенную баллотировку и имея в виду, что ординарный профессор Казем-Бек по летам, силам и способностям своим может с несомненною пользою продолжать учебную службу, имею честь покорнейше просить... об его ходатайствовании оставления профессора Казем-Бека на службе при С.-Петербургском университете по занимаемой им кафедре на пять лет, считая с 7 ноября сего года с званием заслуженного профессора» (89, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 6107, св. 130, л. 1об.).

В декабре 1861 г. в Петербургском университете начались волнения; студенческие прокламации призывали к восстанию и свержению существующего строя. Ввиду этих волнений 20 декабря 1861 г. по указанию императора университет был закрыт, и М. Казем-Бек наряду с другими профессорами был оставлен за штатом.

Отношение М. Казем-Бека к этим событиям до сих пор остается невыясненным. И. Н. Березин писал, что «в печальную годину испытания для С.-Петербургского университета, которая окончилась временным его закрытием, Мирза Казем-Бек стоял на стороне консервативного меньшинства Совета» (121, с. 124). Однако Березин не раскрывает конкретно своего отношения к этим событиям и позиции М. Казем-Бека.

Работа советского исследователя Р. Г. Эймантовой также не вносит полной ясности в вопрос об отношении Казем-Бека к событиям 1861 г. «Поведение профессоров в период студенческих волнений, - пишет она, - было противоречивым и неоднозначным. Большинство из них, разделяя просветительские взгляды, осуждало меры правительства против высшего образования. Но при всем сочувствии студентам либеральная часть профессуры прежде всего стремилась к „восстановлению порядка" и скорейшему возобновлению занятий» (226, с. 303).

В связи с этими событиями обратимся к одному письму М. Казем-Бека. Он писал дочери в Казань: «... увлекаюсь всякими просьбами, желая делать услуги, и через это делаю себе вред к ущербу. Не говоря о деле Л., которое меня очень беспокоит, я здесь порукою еще за двоих; срок одного в начале января, срок другого через 9 месяцев; да сейчас получил письмо от С., который сидит в части (!), пишет, чтобы приехать сейчас или завтра утром и взять его на поруки» (110, с. 554).

Это письмо наталкивает на размышления вокруг событий 1861 г. и позиции самого М. Казем-Бека. Все будет зависеть от выяснения личностей лиц, упомянутых в письме, имена которых пока остаются неразгаданными.

23 декабря 1861 г. попечитель Петербургского учебного округа, обеспокоенный тем, что Россия лишается центра по подготовке востоковедов, обратился в вышестоящие инстанции со следующим письмом: «Восточный факультет составлял славу Петербургского университета и России. Увольнение профессоров того факультета, имевших европейскую известность, сделает на десятки лет невозможным открытие этого факультета... Поэтому представляется совершенно необходимым удержать профессоров студентов этого факультета» (183, с. 367).

26 января 1862 г., с открытием университета, М. Казем-Бек вновь вернулся к преподавательской работе.

В том же году он закончил перевод капитального труда «Шерауль-Ислам, или законы мусульман о торговле и залоге» и снабдил книгу обстоятельным предисловием, содержащим резкую критику в адрес мусульманского законодательства и мусульманских юристов.

Ряд современников ученого подобно критикам «Конкорданса» не поняли замысел М. Казем-Бека и обвинили его во вмешательстве в «мусульманские дела» империи. Даже такие видные востоковеды, как И. Н. Березин, не сумели оценить «Шерауль-Ислам» как серьезное пособие для углубленного изучения мусульманского законодательства, а сочли его административным вмешательством в мусульманское судопроизводство». Для обоснования своих доводов И. Н. Березин писал: «Мусульманское духовенство всегда ухитрится все хорошие последствия этого вмешательства присвоить себе или просто устранить их, а все дурные стороны свалить на русских чиновников; да еще вопрос и в том, как поведут дела эти чиновники, и не будут ли гяурские порядки, вместо „благодетельных", очень дорогими - по разным причинам» (121, с. 118).

В 1865 г. была завершена еще одна крупная работа М. Казем-Бека - «Баб и бабиды - религиозно-политические смуты в Персии в 1844 - 1852 годах», а в 1867 г. вышел французский перевод этой книги. Написанию «Баба и бабидов» предшествовала упорная исследовательская работа. Для сбора материалов о бабидах М. Казем-Бек ездил в Табриз и Мазандеран, встречался с

участниками восстания, ознакомился с первичными материалами, в том числе с бабидскими сочинениями.

«Баб и бабиды» М. Казем-Бека - первое исследование бабизма, и самое существенное его отличие от других исследований на эту тему заключается в том, что М. Казем-Бек рассматривал движение бабидов не только как религиозное, но и как политическое выступление против деспотизма и существующего строя. Книга М. Казем-Бека быстро приобрела широкую популярность в России и за ее пределами.

В октябре 1866 г. исполнилось 40 лет педагогической и научной деятельности М. Казем-Бека, в связи с чем факультет восточных языков вошел в Совет Петербургского университета со следующей запиской, написанной профессором И. Н. Березиным: «Нашему достопочтенному декану и сотоварищу Александру Касимовичу Казем-Беку исполняется на днях сорок лет службы. Спешу воспользоваться этим случаем, чтобы еще раз возобновить в памяти почтенных моих сочленов многочисленные и важные заслуги нашего декана, и как бы ни было неискусно это напоминание, я уверен вполне, что оно доставит лишь удовольствие каждому из нас. Поистине как факультет восточных языков, так и почтенные члены его в отдельности могут гордиться таким профессором, как Александр Касимович Казем-Бек. Такое счастливое соединение в одном ученом стольких способностей и притом такой силы встречается весьма редко: я даже затруднился бы назвать в настоящую минуту другого ориенталиста в Европе, который бы обладал столь обширным и столь разнообразным запасом сведений по мусульманскому Востоку. Возьмем ли мы первоклассного немецкого ориенталиста, лейпцигского профессора Флейшера, глубоким сведениям которого в арабской литературе отдает справедливую честь весь ученый мир, труды нашего декана по персидской и в особенности по турецкой литературе, в соединении с глубоким знанием Ислама и арабизма, являют в нем специалиста более разнообразного и более обширно вооруженного богатейшим запасом. Занимая долгое время с честью кафедру турецкого языка в Казанском университете, профессор Казем-Бек с неизменным блеском и пользой преподает около пятнадцати лет персидский язык в нашем университете, и в течение всего этого времени он не переставал трудиться и по арабскому отделу... Обширные и разнообразные труды Александра Касимовича были признаны с полным уважением не только в нашем отечестве, но и за границей, где он занимает одно из первых мест в тамошних азиатских ученых обществах.

Почтенным сочленам моим, конечно, весьма понятно, что... „Мюхтесарюль вигкает" или „Общая грамматика турецко-татарского языка" слишком известны в Европе, чтобы я мог прибавить что-нибудь к их достоинствам. Я считаю лишь приятным долгом указать на ту неиссякаемую любовь к науке и свежесть умственной силы, которая еще недавно подарила ученому миру обширное и превосходное произведение о бабидах... Такого знатока ислама и мусульманского законоведения, как профессор Казем-Бек, по нашему убеждению, Западная Европа не имеет...

Этих указаний весьма достаточно для того, чтобы выслать давно известное членам факультета восточных языков заключение: новое избрание на пятилетие Александра Касимовича Казем-Бека доставит честь и главное удовольствие нашему факультету, а может быть, и университету, который не откажется признать в нем *патриарха русского ориентализма* (курсив наш. - А. Р.) и воздать должное высоким его заслугам» (89, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4926, св. 96, л. 117, 117об., 118, 118об.).

Факультет восточных языков, обсудив 15 октября 1866 г. записку профессора И. Н. Березина, принял решение просить Совет Петербургского университета отметить сорокалетие научно-педагогической деятельности Мирзы Казем-Бека (89, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4926, св. 96, л. 117, 117об., 118, 118об.). В том же, 1866 г. М. Казем-Беку вновь было предложено принять на себя руководство факультетом восточных языков. Тайным голосованием он единогласно был избран деканом факультета на 4 года.

В 1867 г. М. Казем-Бек заканчивает и издает перевод второй книги «Шерауль-Ислам» (книги о наследстве), снабдив труд подробным и обстоятельным предисловием, в котором излагает свои взгляды на мусульманское правоведение.

4 января 1869 г. факультет восточных языков Петербургского университета представил М. Казем-Бека и академика Дорна к почетному званию доктора восточной словесности «в уважение их ученых трудов, которыми они приобрели себе всеобщую известность» (89, ф. 14, оп. 11, ед. хр. 6696, св. 189).

Совет Петербургского университета, рассмотрев представление факультета 18 мая 1869 г., в день пятидесятилетнего юбилея Петербургского университета, тайным голосованием единогласно присудил М. Казем-Беку это почетное звание.

В юбилейном издании Петербургского университета, посвященном пятидесятилетнему юбилею университета, была помещена статья профессора В. В. Григорьева о выдающихся

заслугах М. Казем-Бека. «... Многочисленные работы М. Казем-Бека, - писал В. В. Григорьев, - из коих только им одним в целой Европе и могли быть сделаны... дают ему неотъемлемое право считаться в настоящее время патриархом ориентализма в России» (138, с. 260 - 261).

«Журнал Министерства народного просвещения» отмечал, что «50-летний юбилей С.-Петербургского университета совпадает с пятидесятилетием авторской деятельности г. Казем-Бека, обогатившего отечественную, западноевропейскую и мусульманскую литературу множеством ученых трудов, из коих иные только им одним в целой Европе и могли быть совершены с тем знанием дела, которым отличаются. В 55 напечатанных работах г. Казем-Бека на языках арабском, персидском, турецком, русском, французском и английском он касается мусульманского Востока в отношениях историческом, религиозном, юридическом, лингвистическом, литературном, внося всюду при глубокой мусульманской учености своей, соединяющейся с европейским образованием, фактическое знание и верную мысль... А. К. Казем-Бек по ученым трудам своим и по числу своих учеников приобрел право считаться патриархом ориентализма в нашем отечестве» (251, март 1869, ч. 142, с. 22 - 23).

В начале 1869 г. здоровье М. Казем-Бека внезапно ухудшилось. Врачи посоветовали ему выехать на лечение за границу, и 20 февраля 1869 г. М. Казем-Бек обратился в Совет университета за разрешением на поездку. 29 марта 1869 г. он получил это разрешение на 6 месяцев - с 1 мая по 1 ноября 1869 г.

В конце апреля 1869 г. М. Казем-Бек выехал из Петербурга и несколько месяцев провел на минеральных водах в Германии. Оттуда он отправился в Париж, а затем в Лондон. Из Лондона М. Казем-Бек писал дочери: «Свои занятия в Азиатском музее я начну с завтрашнего дня; там я уже был, и меня приняли очень лестно, даже почетно; мне дали билет для свободного посещения Музеума, когда только мне угодно... Через неделю поеду в Оксфорд, там пробуду три - четыре дня и в исходе сентября нашего стиля, бог даст, возьму обратный путь» (265, 1893, № 10, с. 226).

Как видно из писем М. Казем-Бека к дочери, Лондон не произвел на него хорошего впечатления: «Лондон, конечно, примечателен; но я бы здесь никогда не жил более месяца: скука смертельная...» (265, 1893, № 10, с. 226).

Несмотря на ухудшение здоровья, М. Казем-Бек продолжал свои научные поиски в Лондоне. Одновременно он выполнял поручения своих петербургских коллег. В письме из Лондона, адресованном И. И. Срезневскому (22 сентября 1869 г.), он писал: «Помню Ваш разговор со мной перед моим отъездом о весьма редком экземпляре Евангелия на славянском языке в библиотеке и об оснятии с этой рукописи достаточного количества факсимиле. Но, к сожалению, однако, что там существует только 2 экземпляра этой книги XV и XVI столетий. Не думаю, что эти два экземпляра именно те или один из них тот, который Вы имели в виду при нашем разговоре, и приостановился; но распорядился, что по первому моему извещению такие факсимиле будут сняты с того экземпляра, на который Вам угодно будет указать. 8 октября, через 2 недели, думаю быть в Петербурге и оттуда мой корреспондент доктор Пенванс, весьма ученый семитист, будет ждать моего решения.

Мое здоровье худо поправляется; отличная погода в Лондоне его немного поддерживает; не знаю, что будет дальше, когда приближусь к суровому Петербургу. Признаться, все мне надоело, страшно скучаю об университете. Если отдых заключается в совершенном бездельи, то хуже этого ничего не может быть для того, который всю жизнь привык к занятиям; Вы это очень хорошо поймете, трехмесячная эпоха моего лечения мне казалась целым периодом мучений. Не потому что лечили, а потому что ничего не делал: доктора мне положительно запретили заниматься чем бы то ни было умственным движением, даже просили и пера не брать в руки.

Прошу Вас усердно напомнить обо мне всем нашим товарищам по факультету и Совету. Скоро быть добру - утешу себя личным душевным приветом» (93а, л. 6, 6 об., 7, 7 об.).

В ноябре 1869 г. М. Казем-Бек вернулся в Петербург и приступил к своим многочисленным обязанностям на факультете «неточных языков и к научным трудам. На первых порах он чувствовал себя бодро, но к весне 1870 г. болезнь развилась. Александр Касимович надеялся отдохнуть и поправиться в деревне и провел последнее лето своей жизни в Вятской губернии. Но уже ничего не могло поправить надорванного здоровья, и осенью он вернулся в Петербург совсем больным (см. (110, с. 226)). 7 ноября 1870 г. Казем-Бек обратился к ректору университета с просьбой: «Моя болезнь ежедневно усиливается. Поэтому вынужден сложить с себя звание декана факультета восточных языков...» (89, ф. 139, д. 6534, оп. 1, ед. хр. 143).

Человек неутомимой энергии, М. Казем-Бек, несмотря на тяжелое состояние, не переставал строить научных планов. За 18 дней до смерти, 9 ноября 1870 г., он составляет подробный план своей научной командировки в Италию и Австрию и обращается по этому вопросу с ходатайством

в Совет Петербургского университета. Факультет восточных языков, со своей стороны, обратился с ходатайством в Совет университета об удовлетворении просьбы М. Казем-Бека.

9 ноября 1870 г. университет, «принимая во внимание долголетнюю и плодотворную деятельность проф. Казем-Бека, посвященную на пользу университета и науки... желая доставить заслуженному ветерану ориентальной науки возможность... приносить и в будущем ту пользу, которой можно ожидать от многосторонних и глубоких знаний такого первоклассного ориенталиста, как проф. Казем-Бек (89, д. 14, оп. 1, ед. хр. 4926, св. 96, л. 188об. и 189), разрешил ему выехать в Италию и Австрию сроком на 2 года.

Однако тяжелая болезнь не дала М. Казем-Беку возможности исполнить его последнее намерение. В извещении ректора университета от 28 ноября 1870 г. сообщалось, что «заслуженный ординарный профессор С.-Петербургского университета... Александр Касимович Казем-Бек после тяжелой болезни скончался в пятницу, 27 сего ноября в 10 часов вечера» (89, ф. 139, д. 6534, оп. 1, ед. хр. 143).

Тело М. Казем-Бека было перевезено по Царскосельской железной дороге в Павловск и похоронено на Павловском кладбище. Несмотря на холодную и морозную погоду, провожать М. Казем-Бека в последний путь собралось много народу. Здесь были его друзья и товарищи, маститые ученые, ученики Казем-Бека, многочисленные студенты. Надгробное слово произнес профессор Березин. «До тех пор, - сказал он, - пока будут разрабатываться сведения о Востоке, а это никогда не прекратится, имя Казем-Бека будет произноситься с уважением» (121, с. 130). По случаю кончины М. Казем-Бека петербургские газеты и журналы поместили некрологи. «Мирза Александр Касимович Казем-Бек, - говорилось в одном из них, - был замечательнейшей личностью нашего времени, как историей своей жизни, так в особенности по необыкновенным своим дарованиям и глубокой учености» (246, 1870, с. 2 - 3).

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ М. КАЗЕМ-БЕКА

Богатое и многостороннее научное наследие М. Казем-Бека дает обильный материал для определения не только его мировоззрения, но и тех традиций, которые оказали благотворное влияние на его творчество.

Творчество М. Казем-Бека, его мировоззрение формировались под воздействием: традиций восточной литературы и философии; традиций античной и немецкой классической философии; передовой русской общественно-политической мысли.

М. Казем-Бек — исследователь восточной литературы и философии

М. Казем-Бек был не просто крупным знатоком восточной литературы и ее истории, но и великим ценителем восточной поэзии, ее страстным пропагандистом. В 1836 г. в речи на торжественном заседании Казанского университета («О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии») он с гордостью говорил: «... кто может без сыновьего уважения взирать на величественные его (Востока. - *А. Р.*) памятники, которые, как надгробные камни, возбуждают родное к ним чувство и напоминают нам, что мы потомки Востока» (9, с. 245).

М. Казем-Бек, подобно другим передовым мыслителям России, всегда высоко ценил значение восточной науки для Западной Европы. «С тех пор, - писал он, - как наука направила торжественный путь свой с Востока на Запад... ее следы чтились повсюду, ее памятники рассматривались как святыни. Везде воздвигнуты были храмы этим памятникам; повсюду их добывали дорогою ценою, жертвовали на приобретение их труды, достояние и жизнь. Любовь к науке приводила к состязанию греков с египтянами, римлян и персов с греками, арабов с Византией и позднее европейских держав между собою» (27, с. 23 - 24).

Чувствуя тягу к восточной литературе, М. Казем-Бек в июне 1831 г. писал в Петербург: «Я решил посвятить свою жизнь литературе, быть полезным всем тем, кто нуждается в знании литературы» (83, ф. 778, оп. 2, № 130). А в апреле 1836 г. он сообщал своему другу Дорну, что сбылась его мечта в области филологических исследований и он «назначен... читать лекции по конспекту Калла и Димна на персидском языке Анвара Сохейли из Ваиза, который большей частью среди эlegantных писателей своей эры считается лучшим» (83, ф. 778, оп. 2, № 130). Стремясь содействовать установлению прочных литературных связей между литературой Востока и русской литературой, распространению шедевров восточной литературы в России, ознакомлению русского читателя с передовыми представителями литератур народов Востока, М. Казем-Бек пишет книги, статьи, читает лекции в университетах, готовит темы для диссертационных работ и рецензирует их, переводит отдельные произведения восточных поэтов на русский язык.

М. Казем-Бека интересовали истоки арабской, персидской, турецкой и азербайджанской литератур, их взаимовлияние. В работах ученого нашло отражение состояние арабской литературы со времен возникновения ислама до начала XIX в.; фарсидской литературы со времен великого Фирдоуси; азербайджанской литературы со времен Низами и до М. Ф. Ахундова и т. д. М. Казем-Бек писал о Фирдоуси, Низами, Хагани, Саади, Хафизе, Физули, Унсури, Асджеди, Феррухи, М. Ф. Ахундове и др. Он призывал русских ученых глубоко изучать литературу народов Востока. «Красота восточной литературы и богатство мыслей писал он, сокрытых в великолепных манускриптах арабских, персидских и турецких, сохраняющихся как драгоценности в русских библиотеках, еще не столь известны у нас... Россия на ИПОЛИНСКОМ пути своем мало еще срывала цветов из прелестного сада восточной литературы» (9, с. 249).

Много лет спустя М. Казем-Бек, вновь возвращаясь к проблеме изучения литературы народов Востока и роли русских ученых в этом деле, указывал на страницах «Современника»: «Очередь дошла и до русских ученых соперничать с европейскими своими собратьями на поприще науки и искусства» (32, с. 1).

Каждую новую работу в области восточной литературы М. Казем-Бек считал шагом вперед в деле изучения богатого наследия народов Востока. И не случайно, когда вышел в свет каталог восточных рукописей Петербургской библиотеки, М. Казем-Бек не замедлил выступить на страницах «Современника», назвав этот каталог «первым в своем роде литературным явлением в Европе» (27, с. 33).

В деле распространения восточной литературы в России М. Казем-Бек важное место отводил вопросам «преподавания всех отраслей восточной филологии» (36) в российских университетах. Сам он приложил много усилий для подготовки высококвалифицированных кадров по арабской, персидской, турецкой азербайджанской литературе. Этим же целям служило и издание турецко-татарской грамматики (17).

Одним из возможных путей распространения шедевров восточной литературы в России М. Казем-Бек считал издание хрестоматий как учебного пособия для высших учебных заведений. Ученый предлагал включить в эти хрестоматии отрывки из замечательных творений восточных поэтов и народных эпосов. Значительный интерес представляет отзыв М. Казем-Бека на «Хрестоматию и словарь» Будагова. Ученый предлагал дополнить названную хрестоматию философскими изречениями Саади, «избранными изречениями из Гюлистана», биографией Кёр-оглы, отрывками из Табери и «Кабус-намэ», избранными изречениями из «Тути-намэ», а также песнями Кёр-оглы, Ширвана, Карабани, Али-аги, Хатаи и отрывками из «Дивана» Физули (89, ф. 14, он. 1, д. 4681, л. 123, 123об.).

Разрабатывая вопросы восточной литературы, М. Казем-Бек оставил заметный след в области литературоведения, литературной критики, теории литературы.

Такие ценнейшие работы М. Казем-Бека в области разработки истории литературы, литературоведения, теории литературы, как «О языке и литературе персов до ислама», «Эпические сказания древних персов - чем начинается новоперсидская литература», «Мифология персов по Фирдоуси», «Словарь к мифологии персов», «Персидская литература», «Иранский эпос», «Объяснение восточных надписей» и многие другие, на наш взгляд, должны войти в сокровищницу истории литературоведения. Суждения (и толкования) М. Казем-Бека о Фирдоуси, Низами, Хагани, Хайяме, Саади и других классиках восточной, в частности азербайджанской, литературы являются ценным вкладом в дело изучения богатейшего литературного наследия народов Востока. Нет сомнения, что М. Казем-Бек был хорошо знаком с вопросами русского литературоведения своего времени и литературные течения XIX в. оказали определенное влияние на его мировоззрение, особенно в части научных методов литературоведения.

Важное место в научном творчестве М. Казем-Бека принадлежит разработке вопросов литературной критики. В чем видел ученый основную ее задачу? Первым условием литературной критики он считал объективность, беспристрастность, благожелательность, неизменно указывая, что она должна «очищать истину от лжи, достоверное от сомнительного, вероятное от невероятного» (11, с. 68).

Большую научную ценность представляет письмо Казем-Бека редактору журнала «Современник», в котором ученый высказал свои основные мысли о литературной критике. М. Казем-Бек поднял в нем вопрос об идеальной критике, направленной на поднятие уровня литературных произведений. Он ратовал за достоверность данных источников, за научную связь поставленных критикой вопросов. Критика, по его мнению, должна также выступать против подражания в литературе, а гипотезы ее и даже фантазии должны быть научно обоснованы. Одной из основных задач критиков М. Казем-Бек считал выдвижение в статьях практических и теоретических выводов.

М. Казем-Бек остерегал критиков (особенно редакции литературных журналов, печатающих критические и литературоведческие статьи) от влияния софизма: «Софизм может привести нас к неправильным заключениям в наших филологических и лингвистических исследованиях» (28, с. 294). Предупреждал М. Казем-Бек и об опасности для науки малонаучных критических статей.

Письмо М. Казем-Бека в редакцию «Современника» разоблачало тех лжекритиков, которые писали свои статьи, основываясь лишь на других рецензиях: «Писать критику на незнакомое сочинение точно то же, что писать грамматику незнакомому языку и путешествие по невиданным им странам: можно сказать много для читающей публики, но ровно ничего для науки, для критики... Случается, что мы читаем „критики“ на такие-то и такие-то сочинения, посмотришь — пятнадцать долей статьи посвящено или бесполезным выпискам из разных давно уже известных сочинений, мало относящихся к делу, или же - разным уловкам, которыми писатели-критики стараются выставить свету свое кабинетное богатство; о самом же главном деле, т. е. о разбираемом сочинении, ничего не найдешь, как только несколько политических комплиментов, едва ли составляющих $\frac{1}{16}$ долю всей критики» (28, с. 289).

Наряду с работами М. Казем-Бека в области стихотворных форм в восточной поэзии («Объяснение восточных надписей») значительный интерес представляют труды М. Казем-Бека по изучению мифологии восточных народов, ее истоков и влияния на литературу Востока. Отмечая важность изучения мифологии, ученый говорил: «Легенды и предания старины занимают не последнее место в истории и литературе народов» (19, с. 1). Он научно обосновывал свою идею о легендах как о ценных и неповторимых источниках литературных произведений. «Литература черпает в них, - писал он, - как в богатой сокровищнице, драгоценные материалы для своего украшения» (19, с. 1).

Народ - великий хранитель легенд и преданий. Только он способен сохранить эти драгоценности для поколений. «Предания необразованной страны составляют ее историю, - писал М. Казем-Бек, - они переходят от поколения к поколению, от племени к племени и живут вместе с памятью народа» (11, с. 56). «Нет народа без легенд, нет страны без преданий: у кочевых они передаются из рода в род в изустных рассказах, у полуобразованных они составляют основы их поверий, главное содержание их письменности, их литературу и историю; у просвещенных они служат богатой пищей для воображения, как святыня народная» (19, с. 1).

М. Казем-Бек правильно определял пагубные последствия исламской религии на мифологию восточных народов. Распространение ислама не давало возможности поэтам Востока правильно использовать в своих произведениях народные легенды; этим легендам придавалось религиозное направление, и они теряли свою самобытность. Силой меча и огня истреблялись жемчужины народных преданий. Излагая историю распространения ислама на Востоке и его последствия для народов Востока, М. Казем-Бек не без душевной боли писал: «Казалось бы, что мифология, как мы ее определили, должна была служить постоянным, обильным родником для богатого воображения восточных поэтов; однако же, если мы обратили внимание на влияние исламизма на персов... древние остатки письменности истреблялись огнем и водою; часть их была брошена в реки, часть предана пламени; между тем поверия завоеванных стран под могучей властью ислама получили религиозные направления, если они не могли истребиться, то, действуя на новую веру, создали только новые акты; деятельность мечтателей обратилась на их обработку; таким образом, явилось господство религиозного направления» (19, с. 11).

При изучении мифологии М. Казем-Бек особо останавливался на вопросе ее характера, а также на мастерстве великого иранского поэта Фирдоуси, использовавшего народные легенды и предания при создании «Шах-намэ».

По М. Казем-Беку, некогда существовало собрание эпических сказаний, написанное на пехлевийском языке. Этот литературный памятник, по мнению ученого, хранился в книгохранилище Хосрова II. М. Казем-Бек полагал также, что эти эпические сказания были собраны в разных провинциях Ирана и хранились как в библиотеке сасанидов, так и у частных лиц. «Эта мысль подкрепляется и тем, - писал М. Казем-Бек, - что в 8, 9, 10 вв. нашей эры подобные сборники народных сказаний по отдельным частям находились в разных странах Персии - в Систане (отечество Ростамы и Заля), в Хорасане и даже, по уверению некоторых, в Северной Индии» (70, л. 3).

М. Казем-Бек пришел к выводу, что ко времени Фирдоуси сохранилось шесть таких сказаний, а именно: «Худай-намэ», «Дастан», «Список Хур-Фирера», «Список Азер-Берзана», «Список Серв-Азада» и «Список Мохаммеда Лешкари». Ученый полагал, что эти эпические сказания персов с переложением их на новоперсидский язык несколько переменили свой характер. Тому причиною было влияние исламизма, но говоря вообще, Фирдоуси был верен своему слову передать потомству все сказания персов в надлежащей точности (70, л. 4).

Разрабатывая вопросы мифологии, М. Казем-Бек пришел еще к одному выводу - о близости сказаний различных народов (см. (70)). В этом отношении, считал он, сходство существует, например, между иранской и греческой мифологиями. «Народные сказания персов о героях ашгадских и киянидских, - писал М. Казем-Бек, - как видно, и в самом деле имеют некоторые оттенки сходства со сказаниями Гомера. Мне кажется, это-то сходство и заставило некоторых подозревать, что даже Гомер некогда был переведен на персидский язык» (70, л. 4). И еще: «У ...иранцев и греков внешнее сходство иногда поразительно. Если сравнить судьбу Заххака и Афрасияба, например, с судьбою Троянцев в периодах Дарданических и эпохи Троянских - различны только характеры, события и формы везде сходны» (70, л. 5).

В работе «Мифология персов по Фирдоуси» М. Казем-Бек вновь отмечает тождественность легенд у греков и персов, добавляя сюда и египтян, и приходит к выводу, что все они в той или иной мере связаны с реальным, материальным миром.

Нет сомнения, что эти вопросы представляют огромный интерес в деле изучения как иранской поэзии и творчества Фирдоуси, так и богатого наследия самого М. Казем-Бека. По нашему мнению, взгляды М. Казем-Бека на мифологию подлежат дальнейшему глубокому и всестороннему исследованию¹.

Особое место в творчестве М. Казем-Бека занимает иранская поэзия. Ученый высоко ценил вклад иранской поэзии в сокровищницу мировой литературы. Он исследовал творчество классиков иранской литературы - тонкого лирика и мастера пейзажа Фаррухи; поэта - философа, замечательного стилиста и вольнодумца Омара Хайяма; мастера торжественной оды Анвери; гениального создателя газелей и элегий, автора «Бустана» и «Гюлистана» Мютрифаддина Саади; величайшего поэта с тонким лирическим чувством, певца красоты и любви, свободы и радости жизни Хафиза и многих других. Ученый неоднократно обращался к «Кабус-намэ» - выдающемуся произведению персидской художественной прозы, дающему яркую картину жизни, нравов и быта феодального Ирана XI в. Высоко ценил М. Казем-Бек творчество Унсури, его классический труд - романтический эпос «Вамэк-о Азра»; лирические пейзажи Асджади. Ученый неоднократно включал в учебники по литературе отрывки из «Тути-намэ».

Важное место в трудах М. Казем-Бека занимает исследование творчества величайшего поэта Ирана Фирдоуси - основоположника новоперсидской поэзии. Его «Шах-намэ», на котором воспитано целое поколение поэтов Востока, не потеряло своего значения до наших дней. Ученый с горечью говорил о трагической участи великого поэта, влачившего нищенскую жизнь, о преследовании его султаном Махмудом Газневи.

Среди кандидатских диссертаций, вынесенных М. Казем-Бекон на рассмотрение Ученого совета Петербургского университета, немало было посвящено истории персидской литературы. Среди них и две на тему «Полная оценка „Шах-намэ“ знаменитого Фирдоуси в литературном и историческом отношениях», разбор которых дан Казем-Бекон 10 января 1870 г.

Среди работ М. Казем-Бека, посвященных вопросам иранской литературы, примечательна статья «О языке и литературе персов до исламизации», раздел которой «Переложение в письмо эпических сказаний Ирана» целиком посвящен истории иранской литературы. М. Казем-Бек дает здесь краткий очерк истории иранской литературы в период ее самого бурного развития (от XI до начала XIII в.).

М. Казем-Бек отразил протест народа Ирана против арабского нашествия и арабской культурной гегемонии. «Новоперсы имеют право хотя в четырех стенах хвалиться, - писал он. - Древние праотцы их учили арабов наукам, а не учились у арабов. В самом деле по поверкам оказывается, что доисламские арабы могли гордиться только богатством своей поэзии, что же касается собственно до наук, то ни одна наука у них не только не процветала, но и не начиналась... Персы доисламские уже были более или менее знакомы со словесными науками и, во всяком случае, вкус их к философским наукам был достаточно развит, в особенности если правда, что Платон и Аристотель были переведены на пехлевийский язык...» (70, л. 5).

В этой же статье М. Казем-Бек говорит о бурном расцвете персидской поэзии, прослеживает процесс образования персидской классической школы и называет имена ее выдающихся представителей - Фирдоуси, Анвари, Саади, Имами, Фаррухи, Унсури. Ученый высоко оценивает становление и развитие научного жанра этой эпохи - романтического. «Романтическое сочинение, носившее заглавие „Вамэк-о Азра“ (имена двух любовников), - пишет он, - и перевод Бидпая были два памятника превосходного века Ануширвана, имена которых хранятся в истории литературы» (9, с. 259).

¹ М. Казем-Бек был большим знатоком и поклонником исторических и культурных памятников Востока. Большой интерес, в частности, представляет его отношение к древнейшим памятникам Египта. «При имени Египет, - писал он, - у всякого невольно рождается мысль об обилии его памятников. При одном этом названии идеи теснятся в голове антиквария. В памяти воскресает древнейшая слава этой дивной страны, под правлением баснословных богов и могучих царей, которых громадные памятники изумляют доныне первых художников и мыслителей Европы. Ум наш благоговееет при той высокой человеческой мудрости, которая эту страну возвысила на такую степень благоденствия и образованности; и сердце наше наполняется священным восторгом, когда вспомним, что сюда бог ниспослал первого законодателя... Умолчим о гигантских памятниках этой древней страны, слишком 3000 лет вызывающих на соперничество все изящное, чудное и величественное позднейших времен и не получивших до сих пор ответа на свой вызов, не побежденных самой природой, не одряхлевших от бремени веков; умолчим, говорю, о пирамидах, которые доныне так гордо красуются на юго-восток от Каира...

В Александрии... развалины древнего памятника Александра Великого со всеми малочисленными, но великолепными его остатками, как-то: колонной, воздвигнутой Юлием Цезарем в воспоминание своей победы над Помпеем... обелиском Клеопатры и др., длинный остров Фарос... По дороге к Каиру заслуживающие замечания развалины Древнего Саиса, место рождения Платона... остатки Гелиополиса... развалины Вавилона Египетского» [12, с. 20 - 21].

Великий поэт Востока Фирдоуси был одним из любимых авторов М. Казем-Бека. Как видно из документов, до конца своей жизни ученый не переставал заниматься творчеством этого поэта. «В том, что Фирдоуси был поэт высшего достоинства, никто не сомневался и не сомневается... и даже его современники» (70, л. 5).

Изучение творчества Фирдоуси М. Казем-Бек начал с исследования вопроса, насколько в произведениях великого поэта сохранился древний иранский народный эпос. «...Из преданий о старине, - писал М. Казем-Бек, - переносившихся из рода в род у древних иранцев, сложились сказания об их доисторических героях; как эти сказания сохранились в устах народа и как в разные эпохи они послужили основанием эпической и исторической части первых письменных их памятников... Все они служили богатыми материалами для гениального поэта Фирдоуси в составлении своего великого и бессмертного труда „Шах-намэ“» (89, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15535, св. 1079, л. 2, 4об.).

М. Казем-Бек пришел к твердому убеждению, что «поэт, пользовавшийся цельными и самородными сказаниями персов, дошедшими до него, конечно, был верен оригиналам, под рукою у него находившимся» (89, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15535, св. 1079, л. 4, 4об.). В народности творчества Фирдоуси М. Казем-Бек видел причину его непреходящей ценности. Изучая «гигантскую поэму гениального Фирдоуси», М. Казем-Бек сумел правильно определить его влияние на восточную литературу, которое считал неограниченным, «неимоверным». Он огорчился, что современники Фирдоуси не сумели по достоинству оценить величие его таланта.

«... Потомство, - писал М. Казем-Бек, - донныне оплакивает его участь... этого Гомера персов... Фирдоуси! Он чудотворец, он пророк мира поэзии, он гений небесный! Слово отцов наших, лишенное славы и престола, угасало в мрачной безызначности, но явился этот гений и силою небесного вдохновения воспламенил его и, благословив его венцом бессмертия, указал ему путь на трон!» (9, с. 261).

М. Казем-Бек отмечал гуманизм творчества Фирдоуси, безграничную любовь поэта к своему народу и ненависть к его врагам, героический пафос.

М. Казем-Бек высоко ценил также самобытное дарование Рудаки, обладавшего, по мнению ученого, кроме поэтического и музыкальным талантом. Как видно из работ М. Казем-Бека, он не мог разыскать какой-либо крупной поэмы Рудаки и пришел к выводу: «Действительно, писал ли Рудаки что-нибудь о персидском Дастане, это неизвестно; более вероятно, что ничего» (70, л. 6). М. Казем-Бек отвергает также версию будто Рудаки пытался составить «Шах-намэ». Он категорически отвергал и предположение, что Рудаки и Унсури интриговали против Фирдоуси.

Немалое место в трудах М. Казем-Бека занимает творчество классика персидской литературы Асади Туси, которого ученый называл «гордостью поэтов». М. Казем-Бек указывал на высокую поэтическую подготовку и творческую смелость этого автора, особо подчеркивал тонкость поэтической мысли Асади, высоко оценивал касыды поэта. Он также отмечал большую дружбу Асади с Фирдоуси.

Среди других классиков персидской поэзии М. Казем-Бек называет Гасана Унсури - «устада поэтов», Анвари - «красноречивого из поэтов», Захареддина Фаряби - «царя слов», Саади Ширази - «великого шейха» и др.

В своих исследованиях персидской поэзии М. Казем-Бек основывался на труде Довлетшаха «Тезкирет-уш шуара».

М. Казем-Бек правильно определял пагубные последствия монгольского нашествия (1220 - 1336) для Азии, и в частности для Ирана. Это была настоящая катастрофа и одно из самых тяжелых испытаний для иранского народа. Следствием нашествия были гибель городов и сел, разорение мирного населения и Волный застой культуры. Нашествие монгольских завоевателей тормозило культурные связи, не давало возможности появлению новых идей. Оно приостановило победное шествие иранской поэзии, фундамент которой был заложен великим Фирдоуси. Однако настолько были крепки корни этой поэзии и «она была столь тверда, что не могло разрушиться одним ударом невежества» (9, с. 261).

М. Казем-Бек впервые осуществил перевод с персидского на русский язык бессмертного творения Саади «Полистан». Перевод выполнен с большим вдохновением и отличается точностью. Он является ярким свидетельством несомненного и глубокого знания ученым всех тонкостей восточной, в частности персидской, поэзии. При переводе М. Казем-Бек исходил из того, что «Гюлистан» является не только поэтическим произведением, но и памятником, отразившим важнейшие стороны жизни иранского общества своего времени, давшим сцены народной борьбы против феодального уклада жизни и иноземных завоевателей. Внимание Казем-Бека привлек гуманизм Саади, высокохудожественные образы «Полистана», его огромная популярность и распространенность среди народов всего Востока.

Не только на Востоке, но и в Египте «Гюлистан» издавался неоднократно. Еще в 50-е годы XVII в. саксонский ученый и путешественник Адам Олеарий перевел «Гюлистан» на немецкий язык, а в 1651 г. востоковед из Саксонии Георгий Генций издал его в Амстердаме с латинским переводом, познакомив с творением Саади европейского читателя. Следующий перевод «Полистана» был издан в 1791 г. в Калькутте английским востоковедом Харингтоном. В 1806 г. Ф. Гладвин опубликовал персидский текст «Гюлистана» и его английский перевод, а к 1807 г. относится следующая публикация текста «Гюлистана» и его новый английский перевод - Джеймса Дюмулена. В 1827 г. английские ученые вновь вернулись к «Гюлистану», издав в Лондоне новый перевод, осуществленный Дж. Л. Коксом.

В 1850 г. английский востоковед Э. Б. Иствик издал в Гертфорде более совершенный, хотя и неполный текст «Гюлистана», а в 1851 г. английский ученый Шпренгер издал в Калькутте новый перевод произведения. Через 12 лет английский иранист Ф. Джонсон издал в Лондоне «Полистан» с приложением к нему персидско-английского словаря. В 1872 г. появились сразу две публикации «Гюлистана» английских ученых Нассау Лиса и Платса.

Первый французский перевод «Гюлистана» был выполнен М. Семеле (парижское издание 1828 г.). А первый русский перевод осуществлен в конце XVIII в. в Москве Лоренсом - с немецкого варианта Адама Олеария.

Интерес к творчеству Саади, в особенности к его «Гюлистану», в России возрос в XIX в. Тогда появилось около 25 переводов произведения. Однако, как отмечают исследователи творчества Саади, все эти переводы носили отрывочный, эпизодический, поверхностный характер и были далеки от оригинала. Не отличались они высокими художественными достоинствами. Казем-Бек был знаком с большинством перечисленных переводов, изданных как на Западе, так и в России.

Прекрасное знание языка и всех тонкостей классической персидской литературы давали Казем-Беку право приступить к новому, более совершенному и полному переводу «Гюлистана» на русский язык. Закончив перевод поэмы, Казем-Бек частично опубликовал его в «Казанском вестнике» (2, с. 153 - 177).

В предисловии к переводу журнал писал: «Лектор восточных языков при Казанском университете Мирза Александр Казем-Бек, оканчивая переводом известное, любимое на Востоке сочинение Саади „Гюлистан" или „Цветник", предлагает издать как самый подлинник, так и перевод одного отдельными книжками. Первый, сличив с разными печатными и рукописными экземплярами, у него находящимися, намерен печатать по исправленному им тексту, с вариантами, а второй с нужными объяснениями некоторых неизвестных нам терминов, образа выражения и обычаев восточных. Не предупреждая мнения читателей о достоинстве сего сочинения, мы смеем сказать, что в этом виде оно может быть занимательно, и в особенности для нас, потому что мы еще весьма мало знакомы с восточной словесностью. Большей частью мы читали доселе оную или в иностранных переводах, или в отрывках, и при том переделанных на европейской манер. Хвалить перевод г. Казем-Бека мы не почитаем за нужное, но не можем не сказать, что переводчик - не азиатской образованности, что знание языков арабского, турецкого, татарского и английского равняются в нем коренному познанию его природного персидского. Английское Азиатское Общество уже приняло его в свои сочлены и сделало ему довольно важные поручения по части восточной словесности. В течение трех лет он успел столько и в российском языке, что, может быть, лучше многих русских знает его свойства, хотя и не довольно правильно говорит на оном. Но это навык, а что приобретено им учением, то заслуживает всякую похвалу... Здесь помещаем мы предисловие к „Гюлистану" в том намерении, чтобы сколько-нибудь сделать известными труды г. Казем-Бека, а равно наперед познакомить публику с приготовляемым к изданию славным на Востоке сожитием» (2, с. 154 - 155).

После Казем-Бека был предпринят ряд успешных попыток перевода «Гюлистана» на русский язык. Первый полный филологический перевод «Гюлистана» принадлежит С. Назарианцу (88), который, подводя итог существующим начиная со второй половины XVII в. разрозненным переводам отдельных частей ночмы, впервые предложил широкому кругу русских читателей полный ее текст. После С. Назарианца «Гюлистан» еще два раза переводился и опубликовывался на русском языке - в 1862 г. К. Ламбросом (174) и в 1883 г. И. Холмогоровым (221). Все эти переводы, в особенности перевод И. Холмогорова, сыграли большую роль в деле ознакомления русской общественности с замечательным произведением Саади. Однако нельзя с сожалением не отметить, что великолепный и весьма удачный перевод Казем-Бека, его большая кропотливая текстологическая работа по сличению текста поэмы с наиболее авторитетными и старыми рукописями, находящимися в его распоряжении, остались не в поле зрения переводчиков и иссле-

дователей творчества Саади¹.

Заслуги М. Казем-Бека в исследовании персидской литературы были высоко оценены не только передовыми представителями русской востоковедной науки и официальными академическими и правительственными учреждениями, но и официальными органами иранского государства. При награждении М. Казем-Бека иранским орденом «Льва и Солнца» было отмечено его стремление, направленное на укрепление «союза между государствами - Ираном и Россией» (93а, л. 19, Грамота персидского шаха о пожаловании Казем-Беку ордена «Льва и Солнца» I степени).

М. Казем-Бек оставил нам и ряд ценных исследований по арабской литературе. Эти исследования отличаются глубиной и всесторонней разработкой проблем арабской поэзии и точностью определения ее места в мировой классической литературе. С большим пафосом М. Казем-Бек пишет об источниках и жизнеспособности арабской поэзии. «Страсть к песнопению, - писал ученый, - волнение знойных чувств и соревнование талантов создали никогда не угасимую поэзию арабов. Золотые поэмы Окказа до сих пор блистают в Азии» (9, с. 258 - 259).

С арабской литературой М. Казем-Бек связывает первую свою крупную литературную работу: в 1831 г. в Казани он издает рассуждение на персидском языке об арабской литературе под названием «Ат-Тухват-уль-геджи ретуфи-ильм-иль-дабаи андзагл-иль-араби».

М. Казем-Бек ценил многогранность арабской поэзии. Он писал, что арабские поэты еще в VII в. «воспевали добродетель, осмеивали порок, утешали несчастных и пробуждали сознание в изнеженных любимцах счастья. Коль скоро кто соединял в себе поэтическую способность с умением свободно владеть своим языком, первым делом его было воспеть честь своего поколения, своего рода, его свободу, его права и его славу; касыды или оды свои он посвящал памяти прославившихся из своего поколения и, наконец, писал о всем том, что только было мило его сердцу, доступно его восторжественной и тихо-тайно-грустной душе».

Одной из причин широкого распространения арабской поэзии М. Казем-Бек считал ее связь с народом: «... любовь арабов к поэзии до того всегда была велика, что изречения стихотворцев обращались у них в пословицы; ими взвешивали они свои действия».

Арабских поэтов М. Казем-Бек ценил за то, что они «писали изящно, умели отличить высокое от надутого, прекрасное от низкого... Они писали красноречиво».

Ученый высоко ценил и турецкую литературу, особенно турецкую поэзию. Он указывал, что турецкая поэзия своим совершенством обязана в первую очередь турецкому языку, который «уже давно составляет образованнейший диалект тюркский». Еще в 1835 г. М. Казем-Бек составил план учебного пособия по турецкому языку, в которое, в хрестоматийной части, включил произведения Катиба Челеби, Найми и др. Он предлагал включить в хрестоматию также стихотворения Газали, Сабита и др. Академик Френ высоко ценил указанный труд М. Казем-Бека. В письме на имя конференции Академии наук Френ писал, что такая работа «могла бы сделаться истинным обогащением науки, приобрести навсегда существенное достоинство» (95, ф. 733, оп. 41, ед. хр. 195, л. 20).

М. Казем-Бека занимали также произведения Лятифа - турецкого поэта XVI в., Хасана Челеби - турецкого ученого-литературоведа конца XVI в., Фазли - автора поэтических произведений «Хума-е хумаюн» и «Гюль ве бюль-бюль», Баги Махмуда - поэта-лирика XVI в. и др.

Изданная М. Казем-Беком в 1845 г. поэма турецкого поэта XV в. Мухаммеда Челеби Язычы-заде (ум. в 1451 г.) является значительным вкладом в изучение турецкой литературы. При подготовке поэмы к изданию ученый использовал несколько известных ему рукописей, обработал и прокомментировал 9109 двустиший поэмы, обращался к комментариям к этой поэме известного турецкого поэта Исмаила Хагги Джилвети (ум. в 1724 г.). Труд выдержал несколько изданий в России и широко был распространен в странах Востока.

Наряду с исследованием проблем истории литературы народов Ближнего и Среднего Востока М. Казем-Бек пристальное внимание уделял вопросам литературного языка, утверждал необходимость сохранения чистоты языков, наряду с их взаимообогащением, взаимовлиянием. Ученый отмечал, что, несмотря на тяжелые испытания истории, которым подвергались персидский и турецкий языки, «они сохраняют свою образованность и чрезмерное богатство в метафорах, весьма часто резких и глубокомысленных»; однако, «к сожалению, никто не занимается критической их отделкой, и никто не старается, или по крайней мере до сих пор не старался, обогащать их словами и оборотами, свойственными каждому из них; напротив, всякий стремится увеличивать давнишний недостаток и как бы желает забыть язык своей родины» (9, с.

¹ Рукопись перевода «Гюлистана», осуществленного М. Казем-Беком находится в Архиве внешней политики России, ф. Учебное пособие восточных языков.

265). Ученого возмущало использование без надобности слов и выражений языка другого народа, что приводит, по его мнению, не к обогащению, а засорению языка чуждыми словами. «Персиянин, - писал он, - желая пощеголять высоким слогом, напишет целые страницы на своем языке, не употребляя вовсе персидских слов, на место которых наберет арабские с персидскими окончаниями, прибавлением вспомогательных глаголов и некоторых частиц.

Турок таким же образом составит для нас целую повесть из арабских и персидских слов» (9, с. 265).

Прибегая к методу сравнительного языкознания, М. Казем-Бек писал: «Вы не подумайте, что употребление арабских слов в персидском языке и арабских и персидских в турецком походит на употребление латинских во французском или латинских и саксонских в английском. Нет, в этом есть разница весьма ощутимая. Все слова арабские, принятые в персидском языке, или арабские и персидские, перешедшие в турецкий, сохраняют свою орфографию и даже в образованном кругу чистый свой выговор; их окончания только подвержены грамматическим переменам того языка, в котором они употребляются; напротив того, латинские и саксонские слова во французском и английском языках не удерживают ни орфографии, ни чистого выговора, и даже в иных словах мы не можем с первого раза заметить их настоящего корня. Итальянский язык также не может быть приведен примером, потому что он составлен из латинского, исключая немногих слов, оставшихся от других коренных наречий древнейших аборигенов, между тем как арабский, персидский и турецкий языки совершенно отличаются друг от друга в начале, видах и первоначальном устройстве своем. Но персияне, как уже я заметил, следуя за арабами в просвещении, заимствовали у них слова, а турки у обоих этих наций; наконец, такое заимствование слов дошло ныне до того, что оно составляет уже приятную часть занятий персиян и турок, и их испорченный слух восхищается словами чуждыми, между тем как многие слова собственного языка каждого постепенно забываются и хранятся только в лексиконах минувших веков. Это участь общая всем народам, следующим по стопам других в образовании» (9, с. 216 - 267).

В вопросах чистоты литературного языка идеалом М. Казем-Бека был литературный подвиг великого Фирдоуси, который «написал 120 тыс. стихов в то время, когда персидский язык, можно сказать, был совершенно потоплен в море арабского, сдержал свое обещание и не употреблял арабских слов...» (9, с. 259).

М. Казем-Бек и в дальнейшем поддерживал все начинания, направленные на очищение персидского языка от арабизмов. И частности, он приветствовал работу персидского историка Джалаладдина Мирзы, автора «Намее Хосрован». В своем письме Джалаладдину М. Казем-Бек писал: «Поистине, работа, которую Вы начали и вложили в нее столько труда, имеет большое значение. Автор „Шахнаме“ хотя и начинал такую работу, но не смог ее выполнить достойным образом, потому что в произведении этого великого мужа употреблялись более 900 арабских слов. Тысячи сожалений, что он жил 900 лет тому назад и иранцы не смогли как следует овладеть особенностями мастерства этого мудреца. Слава богу, что Вы взялись за эту работу и со свойственным Вам мастерством подходите к ее завершению и, надеюсь, успешно доведете до конца.

Написанная Вами эта часть очень примечательна и привлекательна. Я хотел написать Вам это письмо в таком же стиле, однако не смог. Верно говорят: „Чтобы выполнить хорошую работу, надо над ней много трудиться. Дай бог тебе силы, чтобы начатое тобою дело было принято другими и постепенно язык твоих предков был очищен от ржавчины языка чужеземцев“.

Вы заложили хорошую основу такой работы. Вы упорно трудитесь для ее продолжения. Но не думаю, что Ваши намерения были сразу поняты и вам оказали бы содействие. Что бы ни случилось, результаты сегодняшних дел оцениваются через 50 или 100 лет. Так что своей работой Вы увековечите свое имя» (Институт рукописей АН Азерб. ССР, Архив № 2, Г-3/37).

М. Казем-Бек до конца своей жизни сохранял чувство любви к Востоку, мечтал видеть его свободным, а народы Востока - освобожденными от оков фанатизма и деспотизма, шагающими рядом с прогрессивными и просвещенными народами Европы. Он выступал против политики английского правительства, политики порабощения народов Востока. «Англичане, - писал М. Казем-Бек, - свой собственный, домашний закон распространяют и там (в Иране. - А. Р.)... Это их политика, которая, впрочем, не мешает делать все, что им угодно в своих индийских владениях» (35, с. 247).

Но он твердо верил, что Восток проснется, просветится и самостоятельно пойдет по пути прогресса: «Они (европейцы. - А. Р.) будут удивляться усердию чужеземцев и благоговеть перед их подвигами» (9, с. 269).

Привязанность М. Казем-Бека к Востоку, его народам, литературе и поэзии, неразрывная идейная связь с его духовным миром, в частности с богатой и древней культурой родного азербайджанского народа, навсегда оставили неизгладимый отпечаток в мировоззрении ученого и сыграли решающую роль в формировании его как крупнейшего востоковеда, неустанно борového за сближение России с Востоком.

**М. Казем-Бек
и античная и немецкая
классическая философия**

Важнейшим, а в философском отношении определяющим источником мировоззрения М. Казем-Бека явились произведения дренегреческих философов, особенно Платона, Аристотеля, Эпикура, представителей Александрийской философской школы, и также немецкая классическая философия. Тонкий знаток греческой философии, М. Казем-Бек вникал в рассуждения атеистов и деистов, давал подробный анализ тайных и явных взаимовлияний греческих и восточных философов древности. Кстати, М. Казем-Бек ощущал влияние на персидскую литературу творчества великого Гомера. «Народные сказания персов о героях Пншладских, - писал он, - как видно, в самом деле имеют некоторые оттенки сходства с сказаниями Гомера. Мне кажется это-то сходство и заставило некоторых подозревать, что даже Гомер некогда был переведен на персидский язык» (70, л. 48 об.).

Огромное влияние на мировоззрение М. Казем-Бека оказала идеалистическая философия Платона. Ученый находил, что Платоновое учение сыграло роль в деле подкрепления религиозных чувств людей, особенно религиозного чувства восточных народов. «Философия древнего мира не только недостаточна была для самоуказательного достижения истины, - писал М. Казем-Бек, - но, напротив, некоторые из мудрецов его вселили размножением числа сект политеистов и огнепоклонников. Восточная философия в этом отношении была пагубнее своими результатами, чем греческая. О подробностях первой мы знаем очень мало. Нам остается только сожалеть, что греки, передавшие потомству элементы прежнего просвещения, в особенности познакомившие нас с историей древней философии, не брали на себя труд указать на разные системы философии Востока, которые господствовали вне Греции, когда процветали греческие школы и секты. Но рассматривая различные древние секты и их учения, сколько они отражаются в дошедших до нас документах, мы видим, что системы этой философии образовались позже, под влиянием греческих. По утверждению александрийских школ греческие и восточные философы имели между собой и тайные и явные сношения; позже, когда в царствование Птолемея Фисконь александрийские философы рассеялись и от преследования бежали в Азию, сношения их с восточными философами стали теснее и чаще. Потому-то мы и встречаем иногда в философии последних платонические начала и, наоборот, смесь восточных школ у греков» (40, с. 269 - 270).

Само возникновение гностицизма на Востоке М. Казем-Бек связывает с учением Платона: «В те времена, когда еще александрийские платонические философы посещали Восток, некоторые туземцы заимствовали у них греческое название гностик...» (40, с. 270).

Идеализм М. Казем-Бека проявляется и когда он обвиняет греческую философию в атеизме, и в том, что она была «помрачена учением эпикурейцев и академиков» (40, с. 270). Платоновское учение о божестве ученый считал идеей «блистательной». Он говорил с восхищением: «Платоновское учение между другими блистало и тогда, когда господствовало стоическое, начиная со времени заменитого афинского посольства (155 до р. х.). Хотя его управление демонов судьбою мира и ограничение понятий о божестве, лишенном атрибутов бесконечности, безмерности, вездесущности, всеведения, составляют небольшие недостатки платонической системы философии, но его учение о божестве как о верховном, высочайшем управителе вселенной, как о высочайшем разуме и могуществе, вовсе изолированном от физического мира; его учение о душе, истекающей из сего первобытного источника, а потому и бессмертной, - поддерживали всю славу древней философии и действовали постоянно в пользу религиозных чувств народа» (40, с. 271).

М. Казем-Бек полностью солидаризировался с идеалистическими основами философии Платона, видя ее положительное значение в подкреплении религиозных чувств. Вместе с тем, с любовью изучая философское наследие идеалиста Платона, он совершенно игнорировал дренегреческую философию классического периода - замечательные материалистические философские системы милетской школы Гераклита, элейцев, Эмпедокла и Демокрита. М. Казем-

Бека занимала лишь греческая философия эллинистического периода, да и то эпикурейскую школу он упоминал лишь мельком, не придавая ей значения.

Наряду с этим он считал прогрессивным явлением перевод произведений не только Платона, но и Аристотеля на восточные языки.

М. Казем-Бека интересовало лишь идеалистическое религиозно - философское течение, начиная с неопифагоризма, особенно Александрийская школа и затем неоплатонизм. Таким образом, сообщаемые им сведения о древнегреческой философии являются однобокими. Но в интересующей его области М. Казем-Бек обнаруживал большую эрудицию.

М. Казем-Бек связывал с учением Платона даже идею бабидского восстания. Он утверждал, что учение бабидов о том, что Бог есть высочайшее существо и что его атрибуты «всеведение, всезнание, всемилосердие» и т. п. не что иное, как учение, переходящее «к ним из рода в род, из уста в уста схоластиков, из платоновской философии» (45, с. 175).

Раскрывая философскую идею бабидского движения, М. Казем-Бек вновь проводит параллель между нею и Платоновым учением. В этом вопросе он целиком находится под влиянием Платонова учения и в точности излагает мысли древнегреческого мыслителя. «По смыслу Платоновой философии, - пишет М. Казем-Бек, - идеи (т. е. вечные типы, по которым получают формы все категории бытия) пребывают в высочайшем разуме – в божестве, из которого они истекают и который есть их общая субстанция.

По той же Платоновой системе идеи имеют единое только иное и абсолютное существование; предметы же индивидуальные не иное, что как тени, или, так сказать, копии с них. Наше же понятие об их равномерно не что иное, как только их бледное отражение; следствие, разные индивидуумы, по своему только соотношению с одной абсолютной существующей идеей, составляют целую, одну и ту же специю» (45, с. 175).

Сохранился список книг богатейшей библиотеки М. Казем-БЕКА, обладателя уникальных книг и рукописей западноевропейских ученых по востоковедению, истории, филологии, языковедению, этнографии, тригонометрии, геометрии, медицине, географии, космографии, экономике и другим отраслям наук. Были в библиотеке Казем-Бека и книги великих греческих поэтов древности Гомера, Гесиода, произведения Аристотеля, Платона, Евклида и многих других.

Политическая реакция в России в начале XIX в. породила разнообразные формы идеализма и мистицизма. В этот период велик был интерес к немецкой философии, особенно в русском дворянском обществе, в российских университетах.

На наш взгляд, на мировоззрение М. Казем-Бека особое влияние оказал умеренный либерализм Канта и Шеллинга. В философской работе «Об удовольствиях мира под названием „невинных“ и о влиянии их к достижению истинного счастья», написанной в 30-х годах, ярко проявился повышенный интерес М. Казем-Бека к творчеству Канта и Шеллинга. Философия М. Казем-Бека этого периода идеалистична, объектами его размышлений являются бог, природа, человек.

Повышенный интерес к немецкому идеализму не только М. Казем-Бека, но и части русской дворянской интеллигенции связан со значительными успехами в ряде отраслей науки. Диалектический взгляд ломал все прежние представления о мире, шла ожесточенная борьба между материализмом и идеализмом. С одной стороны, успехи естественных наук раскрывали бессилие метафизики в объяснении мира, порождали тенденцию к диалектическому пониманию процессов реального материального мира. С другой стороны, ученые, подобно М. Казем-Беку, под влиянием религиозной идеологии своей эпохи еще не могли освободиться от оков мистики и идеализма. «В изменившихся условиях метафизический подход к проблемам науки перестал удовлетворять многих ученых. Им казалось, что в шеллингианской натурфилософии, которая действительно явилась попыткой философского обобщения успехов естествознания, найден, наконец, всеобъемлющий взгляд на природу и человека, достигнуто преодоление разрыва между бытием и мышлением, эмпирией и умозрением» (130, с. 139).

Особые успехи в этот период были достигнуты в области физики, химии, космологии, геологии и др. Перечисляя выдающиеся открытия своего времени, М. Казем-Бек писал, что ученые раскрывают «чудесные описания жизни, тысячи одушевленных существ, всех величин и форм, видимых и невидимых, которые живут в земле, в воде и в воздухе... Физик и химик поразили бы новым изумлением. Они открыли бы таинственные законы природы, ее скрытые элементы и волшебные превращения. Они описали бы чудесные действия сил, прежде неизвестных: электричество, магнетизм, первичные токи, производящие жизнь. Потом геолог описал бы внутренность земного шара, исчислил бы его преобразования и наводнения, рассказал бы начало Альпийских гор... Другой из ученых открыл бы тайны организма человеческого тела... О! Как натура открывает нам свои тайны, как наш век богат открытиями...» (66, с. 9).

Положения М. Казем-Бека об органической связи физики и химии, о достижениях физиологии - эти черты его натурфилософии свидетельствуют о наличии в его гипотезах рационального зерна. Однако все открытия ума человеческого М. Казем-Бек связывает с именем бога, его силой, премудростью и разумом. Называя достижения науки божественными открытиями, ученый приходит к выводу, что найден правильный и разумный ответ, определен взгляд на природу и человека, преодолен разрыв между бытием и мышлением. Опираясь на достижения космологии, М. Казем-Бек подробно рассказывает о Солнечной системе, о ее беспредельности и бесконечности. Перечисляя и одобряя достижения науки о Солнечной системе, о мире звезд, об их «движении в строгом порядке», о беспредельном многообразии окружающей нас природы, о закономерной связи вещей и явлений, частей и целого, о величии человека, открывающего тайны природы, М. Казем-Бек ставит все это в прямую зависимость от бога.

Под влиянием немецкого идеализма М. Казем-Бек рассматривает развитие как духовный процесс. Отводя значительное место науке, ученый в то же время говорит о бессилии человека познать объективную реальность и тем самым принижает возможности человеческого знания.

Обращаясь к человеку, М. Казем-Бек писал: «Вперед! Вперед! Вперед по сим величественным и богатым путям». Однако понимание активности субъекта, человечества у М. Казем-Бека носит субъективно - идеалистический характер.

М. Казем-Бек делил природу на три отдельных мира - вещественный, нравственный и духовный и считал законы вещественного мира неизменными. Каждое внешнее и внутреннее влияние, порождающее у человека приятное ощущение, ученый называл удовольствием. К удовольствиям вещественного мира М. Казем-Бек относил удовольствие тела, утоление голода, успокоение физических чувств сном и т. п. Удовольствия нравственного мира (по Казем-Беку) заключаются в радостях ума и сердца, «эти удовольствия проявляются при развитии умственных способностей, увеличением круга познаний в науках и искусствах, они состоят в наслаждении ума при открытии неизвестных истин, в наслаждении изящного вкуса».

К удовольствиям ученый относил также ощущения от любви к богу, к отечеству, к родным, любовь, протекающую от симпатии и дружбы. М. Казем-Бек считал, что «человек велик, когда он живет в истинном удовольствии, и мал, когда живет в ложных удовольствиях».

Обязанности человека в нравственном мире М. Казем-Бек ограничивал гражданскими, общественными и семейными.

М. Казем-Бек и Россия. Общение с передовыми людьми и учеными России

В формировании мировоззрения М. Казем-Бека решающую роль, несомненно, сыграла российская действительность середины XIX в. После Астрахани, где он был тесно связан с шотландскими миссионерами и находился под влиянием их религиозных исканий, Казань открыла перед ним российскую действительность, атмосферу интенсивной общественной жизни, борьбу различных течений мысли. Описывая казанский период своей жизни, М. Казем-Бек говорил: «По вступлении на службу в университет я посвятил свои досуги изучению необходимых отраслей знаний. Знакомство мое ограничивалось весьма малым кругом...» (254, 1893, № 10, с. 224 - 225).

Первоначально взгляды М. Казем-Бека не отличались достаточной определенностью. Так, на него произвела впечатление встреча с реакционным историком М. П. Погодиным, одним из видных представителей официально - охранительного направления в русской исторической науке. В одном из писем к М. П. Погодину М. Казем-Бек писал: «Ваше посещение Казани никогда не изгладится из нашей памяти... Я очень дорожу часами и минутами своей жизни, проведенными с Вами в Казани. Мне утешительно мысль, что мы продолжим свое знакомство дружескими строками...» (111, с. 203). Однако большого следа эта встреча не оставила, и переписка между учеными вскоре прекратилась.

Тесные и прочные узы дружбы установились у Казем-Бека с выдающимся русским ученым, ректором Казанского университета Н. И. Лобачевским.

Развитие наук в России, в частности расширение научных исследований в Казанском университете, делало необходимым приход к руководству университетом выдающихся ученых, умелых организаторов науки и учебного процесса. Для Казанского университета руководителем такого ранга был великий ученый - математик Н. И. Лобачевский. Его выступление на торжественном заседании университета 5 июля 1828 г. «О важнейших предметах, воспитания»

стало программой университета. Лобачевский говорил о величайших умах человечества, об их вкладе в мировую науку: «Человек родился быть господином, повелителем, царем природы... но мудрость, с которой он должен править с наследственного своего престола, не дана ему от рождения: она приобретается учением... В каком состоянии, воображаю, должен бы находиться человек, отчужденный на волю одной дикой природы». Говоря о воспитании, ректор отмечал, что «оно начинается с колыбели, приобретается сперва одним подражанием, постепенно разворачивается ум, память, воображение, вкус к изящному, пробуждается любовь к себе, к ближнему, любовь славы, чувство чести, желание наслаждаться жизнью... Но одно образование умственное не довершает еще воспитание. Человек, обогащая свой ум познаниями, еще должен учиться уметь наслаждаться жизнью... Жить значит чувствовать, наслаждаться жизнью, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живем» (176, с. 93).

Приход Н. И. Лобачевского к руководству университетом быстро и незамедлительно сказался и на развитии преподавания восточных языков. В 1828 г. лектура татарского языка преобразуется в кафедру турецко-татарского языка, которую по представлению Н. И. Лобачевского в 1828 г. возглавил М. Казем-Бек. Широкий размах принимает движение за просвещение народных масс. Н. И. Лобачевский организует цикл публичных лекций для казанцев. Он сам выступает с лекциями перед народом, привлекает к этой работе профессоров и преподавателей университета: «Котельников, Казем-Бек, старый И. И. Запольский... Александр Попов, химик Зинин, ботаник Э. Эверсман, сын Мусина-Пушкина Николай - их не так уж мало, народных просветителей» (163, с. 203).

М. Казем-Бек оказывал посильную помощь Н. И. Лобачевскому в деле ознакомления его с восточными источниками по математике. Н. И. Лобачевского особо интересовали труды великого азербайджанского ученого - энциклопедиста XIII в. Насридина Туси. Внимание ученого привлекали труды Насридина Туси по вопросам теории параллельных линий. М. Казем-Бек внимательно и терпеливо переводил Н. И. Лобачевскому труды Туси по этим вопросам, а великий русский математик искал ответа на свой вопрос именно у азербайджанского математика, вспоминал восточную игру - нарды... и любил повторять: «Ведь и теория вероятности родилась из игры в кости» (163, с. 203).

М. Казем-Бек пользовался большой любовью и уважением семьи Н. И. Лобачевского, что видно из переписки членов семьи последнего. «А. Казем-Бек был одним из немногих близких Н. И. Лобачевскому профессоров Казанского университета, - писал Модзелевский, - П. А. Казем-Бек, как и ее муж, была в дружественных отношениях с Н. И. и В. А. Лобачевскими» (182, с. 736 - 737). А вот что пишет советский ученый М. С. Колесников: «... профессор по кафедре турецко-татарского языка - ближайший друг Николая Ивановича. С ним то они и сражаются в шахматы. Так уж заведено между ними. Лобачевский спрашивает по-татарски, Казем-Бек отвечает по-турецки или по-французски. Практика, доставляющая много веселых минут.

Иногда Александр Касимович читает что-нибудь из „Шах-намэ" Фирдоуси. Читает по-персидски. Николай Иванович внимательно вслушивается в чужую речь и думает о нетленности человеческой мысли. С Казем-Беким намного интереснее, чем со всем казанским дворянским обществом» (163, с. 201).

Н. И. Лобачевский проявлял большой интерес к вопросам востоковедения. Еще в марте 1824 г. он, совместно с профессором К. Ф. Фуксом, написал отзыв на перевод Ф. И. Эрдмана творения великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви «Сокровищница тайн».

В 1837 г. по предложению Н. И. Лобачевского Совет Казанского университета избрал отца М. Казем-Бека Гаджи Касима членом - корреспондентом университета, в связи с его возможностью поставлять университету рукописи на восточных языках и, как писал Н. И. Лобачевский, «сведения, какие в отношении к истории, литературе, статистике и географии собираются только на месте».

Гаджи Касиму было установлено жалованье 100 руб в год. Одновременно Н. И. Лобачевский от имени Совета университета обратился к главнокомандующему Грузии с просьбой, чтобы все сношения университета с Гаджи Касимом происходили беспрепятственно.

Эпидемия холеры, которая свирепствовала в Казани в 1831 г., еще ближе свела двух выдающихся ученых. В нелегкой и напряженной борьбе с эпидемией ректору Лобачевскому всевозможную помощь и содействие оказывал М. Казем-Бек. Речь идет не только о спасении профессорско-преподавательского состава университета, но и всего города от трагедии. Территория университета была превращена в неприступную крепость. В письме (28 июля 1831 г.) попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину, который для спасения жизни удалился в свое имение в с. Бездна, оставив все на попечение одного Лобачевского, ректор писал: «... лавки все заперты; город совсем опустел. Идешь, знакомых не встречаешь... слухи о холере в

Вашем крае и дожди, думаю, заставят ее переменить намерение.. За Казем-Бек и Н. А. Моисеевым (братом жены Лобачевского. - *А. Р.*) обещал приехать в Чиримышево, чтобы везти их вместе с собою в Бездну...» (182, с. 292).

В 1829 г. М. Казем-Бек приступил к работе над книгой под названием «История семи планет». В процессе исследования он натолкнулся на ряд фактов неправильного освещения истории России в трудах русских исследователей. М. Казем-Бек понимал, что уточнение этих обстоятельств имеет огромное значение для истории России и с этой целью обратился с большим письмом к ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому, в котором, в частности, говорилось: «Занимаясь составлением на английском языке полного содержания истории семи планет Сейд Мохаммед Ризы с примечаниями, я встретил сомнение и одним обстоятельством, коего важность заставляет меня беспокоить Вас моей покорнейшей просьбой и искать Вашего благосклонного содействия... Собирая сравнительные извлечения из разных авторов, для пояснения кратких, часто темных и сбивчивых повествований Сейд Ризы, я между происшествиями 1660 г. встретил обстоятельство, которого достоверность, за неимением ясных доказательств, еще остается для меня сомнительною, именно взятие Астрахани крымскими татарами в 1660 году... В открытии таких свидетельств Ваше содействие, милостивый государь, может быть, не останется без желаемого успеха. Я покорнейше прошу Вас предписать г. Матвееву (учителю при Астраханской гимназии. - *А. Р.*), дабы он при разборе архива обратил особенное внимание на сей предмет и об успехе своих исследований уведомил Вас в скорейшем времени. Отзыв его об этом деле, во всяком случае, будет нужен мне при продолжении моих занятий» (275, 1835, кн. 1, с. 139 - 141, 152).

Ввиду важности исследуемого М. Казем-Бек вопрос его письмо по указанию Н. И. Лобачевского полностью было опубликовано в «Ученых записках». При содействии Н. И. Лобачевского М. Казем-Бек собрал богатый научный материал для своей работы и написал обстоятельный исторический труд под названием «О взятии Астрахани в 1660 году». К опубликованию этого труда Н. И. Лобачевский приложил много усилий, добивался получения высококачественной бумаги, сам редактировал книгу, вносил поправки. В письме попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину он писал 21 сентября 1829 г.: «Бумагу в типографии мы получили, кроме веленовой, а потому и приступить к печатанию крымской истории не можем. К тому же ожидаем от фактора украшений и заглавный лист. Казем-Бек написал предисловие, которое я теперь исправлю» (182, с. 270).

Из любви к великому ученому М. Казем-Бек начал свой труд посвящением Н. И. Лобачевскому.

В кругу Н. И. Лобачевского М. Казем-Бек сближается с другом А. С. Пушкина поэтом В. А. Жуковским, который 21 - 22 июня 1837 г. заносит в свой дневник впечатления о приятных встречах с М. Казем-Бек (145, с. 390).

Знаменитый в то время писатель - романист И. И. Лажечников, восхищенный кругом Н. И. Лобачевского, писал: «Долгом почитаю оговорить, что в мое время, помимо бездарности, были достойные преподаватели и ученые, служившие науке с любовью и пользою, как-то: медики Фукс и Лентовский, естествоиспытатель и археолог Эйхвальд, ориенталисты Казем Бек и Эрдман, астроном Симонов, математик Брашман» (173, с. 324 - 325).

М. Казем-Бек начиная с 1835/36 учебного года, в течение ряда лет был преподавателем и наставником видного русского писателя XIX в. П. И. Мельникова, известного под псевдонимом Андрея Печерского. «Более половины нашего курса, - писал он, - занималась восточными языками... На университетских комьях мы хорошо ознакомились с древнею литературою и с литературою Востока...

Особенно хорош был факультет математический... в медицинском факультете были также замечательные профессора, а в нашем словесном факультете замечательные профессора восточных языков Казем-Бек, Ковалевский, Эрдман...» (184, с. 55, 61).

Некоторое влияние на формирование мировоззрения М. Казем-Бека в этот период, по-видимому, имело появление в Казанском университете большой группы революционно настроенных польских студентов. В 1839/40 учебном году в университете насчитывалось 46 студентов, высланных из Киева в Вильно в связи с делом польского революционера Шимона Конарского - участника восстания 1830 г., расстрелянного в Вильно 15 февраля 1839 г. Хотя мы не располагаем конкретными данными о связях М. Казем-Бека с этой группой студентов - поляков, однако наличие его портрета среди зарисовок одного из них (Франца Залевского) говорит о многом.

Интересны связи М. Казем-Бека с Л. Н. Толстым. В 1842 г. произошла их первая встреча.

Готовясь к поступлению в Казанский университет, Л. Н. Толстой под руководством М. Казем-Бека два года изучал турецкий и арабский языки. Из сохранившихся биографических данных видно, что занятия эти шли весьма успешно. Старшая сестра Льва Николаевича в своих воспоминаниях писала, что занимавшийся с братом профессор турецкого языка Казем-Бек удивлялся его необыкновенным способностям к усвоению восточных языков. В 1844 г. на вступительных экзаменах Л. Н. Толстой по обоим языкам получил пятерки и был зачислен студентом Казанского университета по разряду арабско-турецкой словесности.

В архиве Л. Н. Толстого, к сожалению, не сохранилось никаких данных, документальных материалов, тетрадей или других бумаг, из которых можно было бы получить сведения о деталях и подробностях изучения им восточных языков. Однако известно, что М. Казем-Бек сыграл весьма положительную роль в деле формирования молодого Толстого, сумел привить ему глубокую любовь к Востоку.

В 1910 г. Л. Н. Толстой отмечал в воспоминаниях: «Я ведь немножко знал арабский язык и интересовался им в университете больше других: это ведь классический язык Востока». О занятиях Л. Н. Толстого с М. Казем-Беком писали исследователи творчества Л. Толстого, А. Шифман и В. Шкловский (см. (224, с. 400; 225, с. 76)).

Связи М. Казем-Бека с Л. Н. Толстым сохранялись вплоть до отъезда Льва Николаевича из Казани. 19 апреля 1846 г. М. Казем-Бек и Л. Н. Толстой приняли участие в представлении живых картин, устроенном в актовом зале Казанского университета в пользу бедных воспитанниц женского института. Представление имело необыкновенный успех. «Казанские губернские ведомости» по этому поводу писали: «Еще задолго до дня представления носились разные слухи о постановке картин и подстрекали любопытство всех и каждого... Стечение публики было самое многочисленное, невиданное доселе; ни один концерт, даже волшебный смычок Серве, не привлекал столько посетителей, и обширная университетская зала не могла вместить в себе всех зрителей» (258, 21.04.1846). 25 апреля было повторение того же представления. В архиве Л. Н. Толстого сохранилась подробная афиша этого второго представления с именами всех участников. М. Казем-Бек участвовал в этом представлении в картинах - «Рауль Синяя борода», «Гюльнара» (сцена из поэмы лорда Байрона) и «Сцена из древних еврейских нравов». Последнюю сцену он исполнял вместе с братом Л. Н. Толстого Сергеем. Л. Н. Толстой участвовал в двух картинах - «Магазинщицы» и «Предложение жениха».

Примечательно, что идея создания повести «После бала» возникла у Л. Н. Толстого именно в этот вечер, который послужил материалом для его будущего произведения.

Переезд М. Казем-Бека из Казани в Петербург в 1849 г. еще больше связал его с Россией и ее передовыми людьми. В частности, здесь он познакомился с Н. Г. Чернышевским, что, по всей вероятности, было связано со стремлением последнего изучать Восток, восточные языки. 15 апреля 1850 г. Н. Г. Чернышевский писал в дневнике: «Экзамен Никитенки мерзко шел. Туда я переехал вместе с Казем-Беком и несколько говорил с ним» (222, т. 1, с. 318).

Необходимо отметить, что интерес Н. Г. Чернышевского к Востоку и к изучению восточных языков был неслучайным явлением. Еще 3 февраля 1844 г. в письме своему другу А. Ф. Раеву Н. Г. Чернышевский, в частности, указывал: «Если, однако, Вы спросите меня только о моем желании, то я поехал бы (в Петербург. - *А. Р.*) с величайшей радостью и именно на факультет восточных языков» (222, т. 14, с. 6). Позже, в письме известному русскому ориенталисту Г. А. Саблукову, он жаловался, что «обстоятельства, известные Вам, не допустили меня избрать восточный факультет...» (222, т. 14, с. 11).

Н. Г. Чернышевский продолжал, однако, заниматься изучением восточных языков, литературы, религии, истории, нравов. Он изучал Коран и пришел к мысли, что «в нем есть добрые мысли, честные мысли». Сравнивая Коран с произведениями арабской письменности домухаммеданского времени, он сделал выводы за и против Корана (222, т. 1). Но основное внимание Чернышевский, безусловно, уделял изучению языков. В фонде Чернышевского сохранились его рукописи с выписками из «Грамматики турецко-татарского языка» М. Казем-Бека, в объеме 22 листа (44 страницы), с пометкой Чернышевского: «из грамматики Казем-Бека» (93а, ф. 1).

Не без влияния М. Казем-Бека Н. Г. Чернышевский знакомится с творчеством азербайджанского революционного демократа М. Ф. Ахундова. На ряд работ М. Ф. Ахундова Чернышевский пишет рецензии и публикует их на страницах «Современника». В рецензии на закавказский альманах «Зурна», выпущенный в Тифлисе, Чернышевский писал: «... мы радуемся ее появлению, потому что она свидетельствует об усилении литературной деятельности или по крайней мере стремления к литературной деятельности за Кавказом, - служит проявлением факта,

- во всяком случае отрадного, каковы бы ни были на первый раз посильные произведения тифлиских писателей...

...Мирза Фет Али Ахундову мы не должны быть строгими. Все, что они напишут, заслуживает полного участия и одобрения, как зародыш и залог более удовлетворительного развития тифлисской литературы в будущем. Мы должны даже сказать, что их произведения и придают „Зурне" право на сочувствие критики... Пройдет еще несколько лет - и между ими некоторые будут писать гораздо лучше, иные, быть может, и в самом деле прекрасно» (272, 1855, т. III, № 7, с. 2, 7).

В период редактирования «Современника» Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и Н. А. Некрасовым Казем-Бек сотрудничал с редакцией, опубликовал на страницах журнала ряд научных статей (272, 1852, № 4, 12; 1853, № 3, 4), а журнал, в свою очередь, дал несколько положительных отзывов на труды М. Казем-Бека, на его деятельность ученого и организатора (см. (272, 1851, № 3, 4, 6, 12; 1853, № 3, 4, 5; 1855, № 4)).

В 1835 г., совершая путешествие по России, в Казани остановился А. С. Пушкин. Город только что пережил тяжелейшую трагедию - холера унесла много жизней. Н. И. Лобачевский представил Александру Сергеевичу членов Казанского общества любителей отечественной словесности - профессора Суровцева, профессора Фукса, профессора Перцова, поэта Рыбушкина, профессора Казем-Бека и других. Нет сомнений, что встреча с А. С. Пушкиным оставила глубокий след у азербайджанского мыслителя.

Общеизвестен интерес к Востоку А. С. Грибоедова. Первые свои уроки восточных языков А. С. Грибоедов получил в Петербурге у профессора университета Мирзы Джафара Топчибашева. Мы не располагаем данными о личном знакомстве А. С. Грибоедова с М. Казем-Бек, хотя ряд исследователей, скорее всего ошибочно, пишет об этом. Однако один обнаруженный документ проливает свет на интерес М. Казем-Бека к творчеству великого русского писателя.

В 4 и 5-м номерах журнала «Русское слово» за 1859 г. были опубликованы дневники А. С. Грибоедова под названием «Черновая тетрадь Грибоедова». Подготавливая ее к печати, составитель Д. Смирнов обращался за содействием к специалистам по Востоку, Кавказу и Крыму Мирзе Казем-Беку, М. К. Ломидзе, В. С. Четверикову. Составленные Смирновым при их содействии комментарии очень обширны и ценны; ими пользовались все последующие издатели и биографы Грибоедова (136, с. 285). Сам Д. Смирнов по этому поводу писал: «... мне встречались вопросы, разрешения которых я не мог найти и напрасно стал бы искать в печатных источниках, и потому я почитаю обязанностью засвидетельствовать здесь мою полную благодарность за оказанное мне содействие известному нашему ориенталисту г. профессору Мирзе Казем-Беку по разным вопросам, касавшимся Востока...» (267, 1859, № 4, с. 8).

Приведем несколько примеров из указанных комментариев.

Из дневника Грибоедова:

«Июля 11-го. Видим шахов стан круг его дворца. Приезжаем, разбиваем наши палатки. Луна не показывается, нет байрама» (267, 1859, № 4, с. 43).

Комментарий М. Казем-Бека:

«Луна - единственная указательница точного времени для начала праздника байрама, который по закону и обозначается появлением новолуния. Нужно, чтобы луну правоправные непременно видели, хотя в каком-нибудь месте, для того, чтобы начался праздник: без этого он не начнется, хотя бы все астрономы единогласно утверждали, что луна, как говорится, „народилась"» (267, 1859, № 4, с. 73).

Из дневника А. С. Грибоедова:

«26. Рано поднимаемся; жар ужасный. Рассказ Аббас-Кули, что елисаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами» (267, 1959, № 4, с. 41).

Комментарий М. Казем-Бека:

«Низами один из первых по достоинству поэтов восточной литературы. Родом он был из Гянджи (ныне Елисаветполь). Своим талантом и способностями он скоро занял первое место между поэтами. Низами писал много; его слог и вкус считаются образцовыми» (267, 1859, № 4, с. 112). Крепкие и неразрывные узы дружбы связывали М. Казем-Бека с русскими учеными, в первую очередь с замечательной плеядой русских востоковедов. Он высоко ценил значение трудов русских ученых Сеньковского, Дорна, Березина, Васильева, Попова, Бычкова, Соболевского, Коссовича, Шмидта, Шермуа, Френа, Захарова, Леонтьева, Хвольсона и других в деле развития ориентализма. Сравнивая ученых - ориенталистов России с ориенталистами Европы, он всегда отдавал предпочтение русским ученым. «Каждый из наших профессоров, - писал М. Казем-Бек, - известен Европе своею прошедшею деятельною жизнью; каждый из них имеет имя в истории современной науки» (31, с. 20).

М. Казем-Бек отметил большие заслуги русских ученых в составлении Каталога восточных рукописей, который назвал «первым в своем роде литературным явлением в Европе» (27, с. 33), находя, что он лучше, чем Каталог Парижской библиотеки. Он писал: «Не отнимая ученых достоинств и отличных библиографических познаний у Альбрехта Крафта, составившего Каталог Венской восточной Академии, мы не сомневаемся, что он сам уступил бы в знании восточных языков по крайней мере многим из ориенталистов, участвовавших в составлении нашего Каталога; одни имена славного Френа, Мирзы Джафара, Шермуа и Дорна могут быть верными ручателями в этом» (31, с. 32).

Когда в 1852 г. в печати появилась статья о том, что якобы в вопросах языкознания, особенно в деле определения истоков чувашского языка, русский ученый-востоковед Сеньковский опирается на теорию западноевропейского ученого Клапрота, М. Казем-Бек возразил: «Что же касается... до нашего известного ориенталиста Сеньковского, то он вовсе не считал Клапрота таким авторитетом, чтобы обработать его идею без собственного своего сознания» (28, с. 293).

М. Казем-Бек высоко ценил выдающиеся заслуги русского ученого-китаеведа и крупного специалиста по буддизму В. П. Васильева.

С глубоким уважением относился он и к научной деятельности видного русского арабиста Х. Д. Френа, сыгравшего большую роль в создании русской востоковедческой школы. Отдавая должное глубоким познаниям Френа, создавшего ряд важных произведений, посвященных изучению Востока, в частности восточной нумизматике, и его заслугам как хранителю Восточного кабинета, преобразованного впоследствии в Азиатский музей, М. Казем-Бек указывал, что «труды г. Френа, этого первостепенного ориенталиста Европы, известного глубокими познаниями, уважаются ученым советом. Его исследования открыли много весьма важного по части истории Востока и истории России. Нумизматика восточная обязана ему своими успехами. Россия до этого времени почти не была знакома с этим любопытным предметом, чрезвычайно полезным для ее истории» (9, с. 254).

Слова М. Казем-Бека о величии русской науки, его характеристики ее передовых представителей и сегодня не утратили своего значения. Задушевные, глубоко сердечные высказывания М. Казем-Бека о Б. А. Дорне, видном русском специалисте по иранской и семитской филологии, о крупном академике - издателе памятников русской истории и литературы А. Ф. Бычкове, о А. Н. Попове, авторе книги «Последняя судьба папской политики в России 1845 - 1867 гг.», в которой разоблачался агрессивный характер политики католической церкви, о крупном русском ученом - китаеведе А. Л. Леонтьеве и многих других и сегодня наполняют нас чувством гордости за передовых представителей русской науки.

Любовь к России, русскому народу и русскому языку

М. Казем-Бек хорошо знал и высоко ценил русский народ его историю, нравы, быт, самоотверженность и упорство, стремление к науке и просвещению. Всю свою сознательную жизнь связал он с Россией. Не случайно, встретившись в апреле 1860 г. с одним из мюридов Шамиля Мохаммедом Амином, М. Казем-Бек первым делом спросил, «как ему нравится Петербург, Россия, каковы дальние пути, ее пространство, сами русские, их гостеприимство» (42, с. 228). Он, как представитель передовых прогрессивных ученых, предпринимал все зависящие от него меры для подготовки кадров из соотечественников. Высокую и заслуженную оценку дал патриотизму М. Казем-Бека известный историк русского востоковедения Н. И. Веселовский, который писал в 70-е годы прошлого века: «Не иностранцы привили у нас изучение Востока, и если изучение это пустило наконец глубокие корни, то тем обязаны мы прежде всего Сеньковскому и Петербургу и Казем-Беку в Казани, которые дали целый ряд замечательных ориенталистов из своих учеников» (126, с. 110).

М. Казем-Бек до конца своей жизни не переставал заниматься изучением России. Достаточно указать, что, работая над сбором материалов по вопросам истории, культуры, литературы, изучая наречия, этнографию, нумизматику России, он с 1855 г. - 1870 г. посетил Московскую, Новгородскую, Казанскую, Вятскую, Орловскую, Тамбовскую, Самарскую и Виленскую губернии России. Здесь М. Казем-Бек знакомился с народом, его нравами, языком, вопросами народонаселения и торговли.

«Ординарный профессор М. Казем-Бек, - писал ректор Казанского университета 18 июня 1846 г., - в бытность свою в прошлом году в Нижнем Новгороде, заметил: 1) что до сих пор не

приведено в точную известность, до чего увеличивается народонаселение Нижнего Новгорода во время ярмарки» (211, с. 279 - 280).

Указывая на неверность и примитивность статистических данных о народонаселении, М. Казем-Бек писал: «Хотя местное начальство ежегодно приблизительно вычисляет его, соображаясь с разными обстоятельствами, довольно неверными; однако справедливость этого вычисления всегда остается довольно сомнительною, по шаткости его основания. Так, например, в прошлом году полицейское ежедневное вычисление народонаселения было преимущественно основано на ежедневной продаже количества хлеба... Но средство это едва ли может быть принято за основательное» (211, с. 280).

В целях поднятия экономики России, повышения курса русской монеты, установления равноправия и взаимовыгодности в торговле с иностранцами М. Казем-Бек считал необходимым точное определение количества всех товаров, поступающих на русские ярмарки из-за границы. Он считал совершенно ненормальным явление, когда иностранцы «взамен своих товаров не вывозят из России ничего, кроме звонкой монеты (по большей части золота), и что главная причина этой, невыгодной для России торговли скрывается в разрешении иностранцам вывозить из России звонкую монету» (211, с. 281).

Подводя итоги своим наблюдениям о невыгодности для экономики России такой торговли, М. Казем-Бек указывал, что иностранцы, «вывозя золото из России, имеют возможность получить в годовом обороте от 40 до 50 процентов на рубль... Купец, вывозя один русский полуимпериал в Бухарию, сбывает его в казну или в другие руки почти за два тимо (около 7 руб. серебром); на эту сумму покупает товар, который сбывает в России уже за 8 руб. серебром, и потому, за всеми расходами, у него из рубля остается от 40 до 50 процентов. Очень желательно и весьма полезно было бы, если бы статистическое общество сооблаговолило, между прочими исследованиями, обратить особое внимание и на это важное обстоятельство» (211, с. 281).

Каждый новый успех России в области науки и просвещения наполнял радостью М. Казем-Бека, который верил в великую будущность России. Выступая с речью на торжественном заседании Казанского университета 1 июля 1836 г., он с гордостью отмечал: «Пусть просвещение в России стремится вперед вместе с ее славой, пусть общее учение делается господствующей отраслью у русского юношества... Могучая Россия скоро может соперничать с просвещенными соседними ей державами» (9, 8).

Эти идеи М. Казем-Бека созвучны с идеями В. Г. Белинского, который также был уверен в великой будущности России. Ему принадлежат известные слова: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году - стоящую во главе образованного мира, дающего законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества» (115, с. 224).

Следует особо остановиться на вопросе отношения М. Казем-Бека к русскому языку. Взгляды ученого на язык вообще на русский в частности были обусловлены его мировоззрением. Всю деятельность М. Казем-Бека пронизывает стремление подчинить проблемы совершенствования языка задачам развития науки. Его борьба за чистоту русского языка была наполнена чувством любви к России. М. Казем-Бек, отстаивая идею национальной самобытности русского языка, выступал против пренебрежения современного ему дворянского общества к родному языку.

Особенности строя русского языка, его своеобразие вызывали восхищение М. Казем-Бека. С первых дней пребывания в Казани он настойчиво изучал русский и, как уже говорилось, к 1829 г. свободно владел им. В 1831 г., приступая к переводу «Ас-сиде-ссейяр» («Семь планет»), он писал: «Крымская история меня издавна интересовала и я даже взялся за перевод... За три года работы над переводом я усовершенствовал свои знания в русском языке и нахожу, что это абсолютно красноречивый, многообразный, выразительный язык!» (83, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 1).

М. Казем-Бек возмущался теми из «просвещенных» людей, кто пренебрегал русской речью: «... мало ли и ныне таких, которые предпочитают форму - виду, конструкцию - устройству, коммуникацию - сообщению, коллекцию - собранию и проч.! и даже таких, которые из одного педантизма оставляют слова родного языка и прибегают к французским, не умея даже правила но выговорить или употребить их кстати?» (9, с. 267). Будучи членом этнографического отделения Русского географического общества, он призывал всех членов отделения «своими средствами защищать отечественный язык, очищая его от ошибок некоторых филологов» (23, с. 4).

Языковой пуризм М. Казем-Бека был близок к той позиции, какую занимали в этом вопросе великие русские революционные демократы. Уместно напомнить, с каким возмущением В. Г. Белинский писал о русских дворянах, которые настолько увлеклись всем заграничным, что, забыв родной язык, перестали говорить и писать по-русски.

Настойчивую борьбу за чистоту русского языка М. Казем-Бек продолжал до последних дней своей жизни. Характерна, с этой точки зрения, его оценка роли тюркизмов в русском языке. Касаясь суждений филологов, по мнению которых «русский язык своим образованием, между прочим, обязан и влиянию татарского ига, что в продолжение этого тяжкого периода по необходимости вкоренилось в русский язык множество татарских и вообще восточных слов», М. Казем-Бек замечал: «Живя в России более 25 лет, я хорошо познакомился с русским языком. Он так же разнообразен, многосторонен, можно сказать, радушен и гостеприимен, богат источниками, обилен витийством, вообще великолепен и, наконец, самостоятелен, как народ русский, как вся Россия. В нем много разных начал, разных элементов, каков и весь состав России» (23, с. 2).

Здесь же, проследив судьбу заимствований, вошедших в русский язык, М. Казем-Бек высказывал свой пиетет: «Если позволительно фантастически выражаться, чем и нельзя не увлечься, говоря о языке русском, то я скажу, что язык этот, дав науке место в своих чертогах, разместил и свиту ее в лучших своих храминах. Пригласив под гостеприимный свой покров иностранных гостей, он не отказал в убежище эмигрантам, искавшим уголка в его просторной и всевмещающей области. Но это отнюдь не значит, что он образовался под влиянием чужого. Дух русского языка никогда не подчинял себя управлению; напротив, доказал и всюду нам доказывает, как он берег, сохранил и сбережет до конца свою неизменную и ничем непоколебимую самобытность при впадении в него многообразных, чуждых слов, невольно подчинившихся его всепокоряющему духу, как нерушимой скале. Он, как море, поглощает в себе все и, как невмещаемое вместилище, претворяет все в свою стихию, что падает в него» (23, с. 2).

Статья М. Казем-Бека привлекла внимание крупнейшего русского педагога К. Д. Ушинского, который выступил с отзывом на нее на страницах журнала «Современник». К. Д. Ушинский писал: «... статья известного нашего ориенталиста Казем-Бека замечательна не только по содержанию (автор доказывает в план этнографической работы, могущей обогатить науку ими важнейшими данными), но особенно по форме, по прекрасному и оригинальному языку, которым она написана, - языку, носящему отпечаток восточной кудреватости и восточного воображения, весьма удачно примененных в русской речи» (Архив К. Д. Ушинского, т. IV. М., 1962, с. 45).

В другой статье, опубликованной в том же году, М. Казем-Бек определяет место русского языка среди других языков. «Язык народа, - напоминал он, - растет вместе с ним, развивается вместе с его понятиями, обогащается обстоятельствами внутренней и внешней его жизни; совершенствуется его собственными успехами на пути просвещения» (255, т. I, с. 125). И далее: «Русский язык богат, самобытен и уже занимает важное место между образованными языками Европы. Его богатство принадлежит его собственным началам; его самобытность составляет историческое достояние его жизни» (255, т. I, с. 125).

Особо надо отметить заслугу М. Казем-Бека в деле создания «Словаря русских слов, сходных со словами восточных языков», включенного в «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий». М. Казем-Бек - первый азербайджанец, который в 1852 - 1853 гг. занимался этой важной проблемой.

«Русский язык, - писал он, - образуясь под влиянием науки и внешних обстоятельств, само собою разумеется, почерпнул на пути своих успехов достаточный запас слов и у языков иноплемennых своих соседей, имеющих с ним историческое, географическое и этнографическое соотношение, живущих с давних времен в Руси и частью незаметно входивших в состав русского народа... Желая содействовать успехам II отделения Академии наук в объяснении простонародных областных русских слов, заимствованных из восточных языков, я не отклоняюсь от сделанного мне предложения к занятию по этому предмету и готов служить по мере сил своих для общей пользы» (83, ф. 216, оп. 3, № 197, л. 1об., 2).

Созданию «Словаря» предшествовала обычная для ученого большая подготовительная работа. Казем-Бек писал свою часть и одновременно делал замечания по другим частям «Словаря». Так, 4 февраля 1852 г. он писал И. И. Срезневскому: «Посылаю Вам продолжение моих замечаний и прошу прощения за отлагательство. Вы очень хорошо поймете, отчего это происходит: у меня, так же как и у Вас, много срочных дел, так что едва успеваю кончить два или три, как поступают пять или шесть других. Однако же это не мешает нам отказаться от дела; хотя и медленно, но все-таки будем трудиться. Первые 2 листа были готовы давно, к ним присовокупили еще 3-й, по крайней мере у Вас на 2 или 3 столбца будет материал» (93а, ф. 436, л. 9).

11 февраля того же года М. Казем-Бек вновь писал И. И. Срезневскому: «Имею честь препроводить к Вам „введение“ к моему труду... Если во введении Вам угодно будет изменить что-нибудь, то я предоставляю Вам полное право: знаю убежденно, что это будет к лучшему» (93а, ф. 436, л. 2).

Относясь в высшей степени ответственно к своей работе и «Словаре», М. Казем-Бек просил И. И. Срезневского о таком же отношении к его разделам: «Я не хочу иметь никакие недостатки в отношении к языку или лучше сказать к слогу, не худо бы Вам полировать их по своему, не отходя, впрочем, от главного смысла» (93а, ф. 436, л. 10), - писал он И. И. Срезневскому 18 марта 1852 г.

М. Казем-Бек предлагал вовлечь в работу над «Словарем» большое количество востоковедов. По этому поводу 27 июля 1852 г. он писал И. И. Срезневскому: «Просить всех ориенталистов, живущих в губерниях, населенных мусульманами в разное время, по мере появления в „Известиях“ статей об областных великорусских словах восточного или финского происхождения сообщить в Отделение или на имя Ваше свои замечания об них. Эти замечания должны послужить материалами для дальнейшей обработки нашего труда и поэтому должны быть составлены и написаны основательно с филологической точки зрения. Стало быть, собственные наши Замечания должны быть нами же проверены и дополнены... Между тем может быть и представятся нам случаи извлечь из них идеи, полезные для наших филологических исследований» (93а, ф. 436, л. 3 об.).

«Словарь» М. Казем-Бека значительно отличается от других словарей подобного рода. Перед каждым восточным словом, вошедшим в русский язык, автор приводит соответствующий азербайджанский вариант. Это обстоятельство имеет неоценимое значение для изучения истории азербайджанского языкознания. В «Словаре» широко использованы и подробно охарактеризованы также диалектизмы. Ученый дал подробное разъяснение, в каком диалекте русского языка встречается то или иное СЛОВО и в какой губернии России оно распространено. При этом автор ссылается на диалекты Иркутской, Курской, Смоленской, Орловской, Рязанской, Владимирской, Пензенской, Симбирской, Архангельской, Ростовской и Саратовской губерний России.

Исследование М. Казем-Бека получило достойную оценку. Как подчеркивалось в отчетах Академии наук России за 1852 - 1862 гг., М. Казем-Бек в своей „Записке“ «предварительно изложил мысли свои о различии образования языков, разделив их на самобытные и подчиненные. Поставив русский, наравне с латинским и немецким, по способу его образования в числе самобытных, он представляет любопытные переходы слов из одного языка и другой и на этом основании приводит сравнение слов, перешедших из языков восточных в русский» (194, с. 38).

С исследованием по сравнительному языкознанию М. Казем-Бек впервые выступил в 1829 г., поместив в «Казанском вестнике» «Истолкование некоторых слов, вошедших в русские летописи, заимствованное из Крымской истории» (259, 1829, ч. 25а) (имеется в виду переведенный М. Казем-Беком «Ас-Саб ус-Сеййар, или Семь планет»).

По просьбе академика Востокова М. Казем-Бек занимался также объяснением слов, вошедших в русский язык из восточных языков, использованных в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. «Казем-Бек сообщил академику Востокову свои объяснения восточных фраз и слов в известном путешествии в Индию Афанасия» (121, с. 127). Автор предисловия к «Хождению», напечатанному «по Троицкому и Архивному спискам, которых текст, сравнительно со списком г. Ундольского, как древнейший, ближе подходит к утраченному подлиннику», академик Востоков писал, что «составлением примечаний к переводам слов и выражений на восточных языках, встречающихся в путешествии Афанасия Тверитина в Индию, Археологическая Коммиссия обязана известному ориенталисту, профессору С.-Петербургского университета А. К. Казем-Беку» (30, с. 354 - 358).

Примечания М. Казем-Бека «Хождению» содержат объяснения 82 восточных слов и выражений.

Примечания М. Казем-Бека дают возможность проанализировать восточные лексические элементы «Хождения», освещают исторические условия, в которых происходило взаимодействие древнерусского языка с языками восточных племен. Эта работа наряду с другими трудами русских ученых, имеет большое значение для анализа связей между народами, взаимодействий и взаимовлияний.

Как отмечают специалисты, это был первый опыт исследования восточных элементов в «Хождении» А. Никитина (146, с. 222). Заслуги в этом М. Казем-Бека были, в частности, высоко оценены А. Н. Кононовым. «Изучение труда Афанасия Никитина „Хождение за три моря“, - пишет ученый, - не могло быть достаточно полным без регистрации и исследования представленных в нем ориентализмов. Первый опыт объяснения восточных элементов в „Хождении“ А. Никитина принадлежит Х. Д. Френу, его ученику Я. О. Ярцеву и А. К. Казем-Беку» (166, с. 367 - 368).

Заслуги М. Казем-Бека в области ориентализмов в русском языке отмечал также А. А. Котляровский (166).

М. Казем-Бек высоко ценил работы отечественных ученых - исследователей областных говоров России и сам принимал участие в этом важном деле. «Всякому русскому, - писал он, - это может быть легко понятно, когда он представит себе возможность собрать вместе все слова и выражения одних и тех же идей, употребляемых в областных говорах его отечества, - какой бы величественный океан составил из полного областного словаря» (43, с. 156). В своих диалектологических разысканиях М. Казем-Бек пришел к твердому убеждению, что русский язык является самым монолитным языком в мире: «В России, благодаря господству просвещения, каково оно ни есть у нас, не существует такого разноречия, какое мы замечаем, как, например, в Германии, при всей ее огромной цивилизации» (43, с. 156 - 157).

М. Казем-Бек призывал ученых - лингвистов России наряду с исследованиями по проблемам русского языка вплотную заняться изучением восточных языков, их обработкой, в особенности языками мусульманских народов России, не имеющими своей письменности. Данный вопрос он ставил принципиально: «... живой язык какого бы то ни было народа или народца, необразованного и, положим, даже не имеющего письменности, заслуживает ли поддержки, обработки и исследования? Или ему погибнуть в волнах чужеземных потоков и переродиться в новые формы чужого элемента?.. Многие народы оставили нам свое громкое имя, но тысячелетия поглотили их общественный и государственный быт, унесли и изгладили даже и следы их жизни нравственной и политической... Гораздо полезнее и благодательнее образовать их, дать им средства к обработке своих языков, и там, где есть письменность - как, например, между мусульманскими нашими соотечественниками, - поощрять их к литературной разработке их языка, чтобы через это приспособить его к восприятию богатых даров науки и просвещения» (35, с. 245).

М. Казем-Бек решительно отвергал идею о покорности и пассивности русского народа. Он высоко ценил этот народ за его самостоятельный, самобытный путь развития, за его талант. «В Европе, - писал М. Казем-Бек, - гремит слава русских. Журналы образованнейших стран, недавно почитавших их варварами и полудикими, ныне хвалят их деятельность и таланты» (9, с. 248). Он подверг резкой, уничтожающей критике тех «историков» России, которые утверждали, что своим развитием и сплоченностью она якобы обязана татаро-монгольскому игу, указывал на вредные последствия этого нашествия для развития России, назвав этот период «тяжким периодом».

Борьба М. Казем-Бека за сближение России с Востоком

Большую и неутомимую работу вел М. Казем-Бек по развитию востоковедения в России. Он считал, что современная ему наука еще очень мало делает для изучения Востока, его истории и литературы. «Россия, - писал М. Казем-Бек, - на исполинском пути своем мало еще срывала цветов из прелестного сада восточной литературы» (9, с. 247). Но он прекрасно понимал, что востоковедение найдет в России достойное место среди других наук: «... всякое русское сердце может утолить жажду к познанию на собственном, изобильнейшем и уже образованном языке почти по всем отраслям науки... и восточная словесность скоро станет наряду с прочими науками, так успешно процветающими ныне в России» (9, с. 248).

М. Казем-Бек призывал к объединению усилий русских и восточных ученых в деле развития востоковедения во имя прогресса науки в России. Он хорошо понимал, какие плоды может принести такое объединение. В 1853 г., на открытии факультета «восточных языков» в Петербургском университете М. Казем-Бек, первый декан этого факультета, уже мог с гордостью заявить: «...нигде еще не бывало такого числа природных туземных пред-гавителей восточной науки и русских ученых, исследовавших истоки на самом месте... как у нас» (31, с. 20).

Он высоко оценивал роль Петербургского и Казанского университетов в деле развития востоковедческой науки в России: «Если одно отделение восточных языков - в губернском городе (Казани. - Л. Р.), далеко от столицы, могло пользоваться европейскою известностью и считаться наряду с первыми европейскими заведениями, то чего вправе ожидать от нашего новоучрежденного факультета... Россия и целая Европа» (31, с. 20).

Вместе с тем М. Казем-Бек подвергал критике царское Министерство просвещения за равнодушие к изучению восточных языков. «Министерство по сие время, - писал он 20 января 1864 г., - не могло предпринять никаких действительных мер к его окончательному разрешению. Между тем нужда России в специальном познании восточных языков несомненна. Нужда та увеличивается ежегодно, по мере распространения цивилизации в нашем отечестве, по мере нашего сознания в наших экономических нуждах, в наших торговых интересах» (183, с. 484).

Большой научный и политический интерес представляет статья М. Казем-Бека «Необходимое объяснение», опубликованная в 1860 г. в газете «Северная пчела». Статья эта от начала до конца пропитана идеей дружбы народов - русского и восточных, верой в великую миссию русского народа в деле освобождения поработанных народов Востока. М. Казем-Бек считал, что история русского народа неразрывно связана с историей народов Востока. Как настоящий патриот, он писал, что Россия, «будучи поставлена историей, природою и всемирными экономическими интересами в такие близкие отношения к Востоку, должна преимущественно перед другими странами нести на своих могучих плечах великое дело просвещения восточных народов... Многие века заставляли Россию родниться с Востоком... одни и те же светлые дни и дни невзгод вложили одну и ту же думу в сердце русских и восточных людей, которых в России многие миллионы и которые, будучи таким образом связаны жизнью с Россией, связаны в то же время и с дальним, не русским Востоком, связаны происхождением, историческими преданиями и теми многочисленными взаимными интересами...» (39, с. 20).

М. Казем-Бек был горячим сторонником сближения России с Востоком. В 1836 г. в речи на торжественном заседании Казанского университета «О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии» он отмечал, что ни одно государство в Европе не имеет такой тесной внутренней связи с Азией и азиатцами, как Россия.

Что же связывает Россию с Востоком? Этот вопрос стоял в центре внимания М. Казем-Бека. По его мнению, таких мотивов много, и первым и основным из них является «история, которая все наше тысячелетнее сознательное существование связывает непрерывно более или менее тесными узами с судьбами Востока» (39, с. 280). В качестве второго фактора, связывающего Россию с Востоком, Казем-Бек называл географию, «которая, поставляя нашу страну в такое близкое соседство с целым Востоком, от Амура до Дуная, связывает ее самым неразрывным и тесным образом со всею Азией посредством многочисленных морей, рек, степей».

Третьей, не менее важной причиной близости России и Востока Казем-Бек считал экономические связи: «В разных коммерческих новейших предположениях, касающихся соединения Запада с Востоком дорогами и телеграфами через Россию, уже ясно высказывается взгляд, которым европейские умы уже давно смотрели на Россию, на ее удивительное положение в отношении коммерческом, которое делает ее неизбежною и самую выгодную посредницею между Западом и Востоком» (39, с. 279). Вся деятельность М. Казем-Бека была насыщена борьбой за сближение России с Востоком. Он ратовал за укрепление дружбы русского народа с народами, населяющими не только Россию, но и живущими с нею по соседству. В 1853 г. он выражает твердую уверенность в том, что Россия может и должна стоять во главе движения за сближение русского и восточных народов. «Никакое европейское государство, - писал М. Казем-Бек, - так тесно не соединено с Азией в географическом, торговом и даже этнографическом отношении, как Россия. В недрах России ее же подданными употребляется более 20 азиатских языков и отдельных наречий, - не говоря о многоразличных чужеземных языках, употребляемых, с одной стороны, в Кавказских горах и ущельях, с другой - в Сибирских лесах и равнинах и, с третьей - в значительной полосе государства, усеянной финскими и финно-монгольскими или финно-тюркскими племенами. Сверх того, с Маньджурией, с Китаем, со Средне-Азиатскими независимыми племенами, с Персией и с Турцией мы находимся в ближайшем соседстве» (31, с. 16).

Интересен предложенный М. Казем-Беким план исследования русских слов, усвоенных местными тюркскими наречиями в России. Этим планом, в частности, предусматривал он: «Исследовать местные тюркские наречия в России, как-то: в губерниях Сибирской, Оренбургской, Казанской, Симбирской, Саратовской, Астраханской, Самарской, Вятской и Таврической, и составить собрание слов, заимствованных мусульманскими жителями тюркского происхождения у русских, их соседей... Весь труд называется: „Этнографическое исследование русских слов, вошедших в местные тюркские наречия с древнейших времен в России“» (23, с. 5 - 6). План был одобрен и утвержден этнографическим отделением Русского географического общества.

М. Казем-Бек понимал прогрессивную роль приобщения народов Востока к русской культуре. Когда один из журналистов, выступая на страницах «Северной пчелы», назвал статьи М. Казем-Бека, посвященные Востоку, статьями временного интереса и интересными далеко не для всех, М. Казем-Бек выступил с резкой отповедью, указав, что журналист этот «грешит против интересов, занимающих ныне общество» (39, с. 281). Ученый заявлял, что взаимные интересы России и Востока сроднили их на века. Для развития крепкой и неразрывной дружбы народов России и Востока он предлагал глубокое, всестороннее изучение Востока. Он говорил о необходимости для русских исследователей «самого тщательного изучения Востока, со всех сторон его прошедшей и настоящей жизни». «Почему, - спрашивал он, - никто не напишет

историю персов, арабов, тюркских племен? Никто не ознакомит нас сколько-нибудь полно с произведениями восточных поэтов?» (39, с. 281).

Неутомимая деятельность М. Казем-Бека в деле сближения русского и восточных народов получала все большее признание в России. Примечательно, что когда в 1867 г. Иосиф Эряк перевел «Бахчисарайский фонтан» и «Талисман» А. С. Пушкина на турецкий язык, свой труд, как было указано на титульных листах выпущенных в Петербурге переводов, он посвятил «Его Превосходительству, господину Мирзе Александру Касимовичу Казем-Беку, заслуженному профессору Имп. С.-Петербургского университета и декану факультета восточных языков» (256, 1899, т. 76, № 5, с. 675 - 676).

Научная общественность России высоко оценила заслуги М. Казем-Бека. Учитывая огромные достижения Казем-Бека в области востоковедения, филологии, истории, философии, языковедения, этнографии, в день его сорокалетней неутомимой деятельности факультет восточных языков Петербургского университета обратился в Совет университета с письмом. В нем, в частности, говорилось: «... факультет восточных языков, так и почтенные члены его в отдельности могут гордиться таким профессором, как Александр Касимович Казем-Бек. Такое счастливое соединение в одном ученом стольких способностей и притом такой силы встречается весьма редко... Такого знатока ислама и мусульманского законовещения, как профессор Казем-Бек, по нашему убеждению, Западная Европа не имеет...» (89, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4926, св. 96). В конце записки выражалась уверенность, что университет «не откажется признать в нем патриарха русского ориентализма и воздаст должное высоким его заслугам» (89, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4926, св. 96).

М. Казем-Бек и западное востоковедение

Александр Касимович М. Казем-Бек был одним из признанных в Западной Европе и США российских востоковедов.

Сразу после появления в русской печати первых работ Казем-Бека научная деятельность его начала освещаться в востоковедческих журналах Западной Европы. Затем один за другим в журналах Франции, Англии и Германии публикуются труды М. Казем-Бека. Некоторые его работы выпускаются отдельными изданиями. Печатаются рецензии на исследования ученого и делаются первые попытки определить его место и роль в развитии мировой ориенталистики. Имя Казем-Бека заняло достойное место почти во всех энциклопедиях, научных справочниках и сборниках названных стран.

В Англии работа М. Казем-Бека впервые была опубликована в 1829 г. (в «Журналь Азиатик»). Это была подготовленная на английском языке самим автором «История семи планет». Позднее, в 1833 г., эта работа была передана Казем-Беком в дар Королевскому Азиатскому обществу в Лондоне. По этому поводу секретарь общества писал 27 ноября 1933 г. в Петербург Казем-Беку: «Сэр! Имею честь сообщить Вам, что на недавней встрече в Комитете ориенталистики по переводам мне выпала возможность представить его членам Ваш трактат об арабской литературе и Вашу работу по истории крымских ханов.

Меня уполномочили передать Вам самую глубокую благодарность Комитета за то, что Вы передали ему в дар эти ценные работы, и в то же время мне хочется выразить то удовлетворение, с которым были восприняты в Комитете Ваши достойные похвалы усилия по развитию восточной литературы» (93а, ф. 1339, л. 20).

В том же году эта работа в переводе на французский язык была опубликована в Париже в «Журналь Азиатик». В 1935 г. в этом журнале были опубликованы статьи Казем-Бека «О взятии Астрахани в 1660 г.» и «Критический разбор многотомной истории Турции востоковеда Хаммера». Отмечая большой вклад Хаммера в развитие востоковедения, М. Казем-Бек писал: «Заслуга г-на Хаммера в создании истории Турецкой империи неоспорима, также как его знания ученого и блестящего востоковеда. Свидетельством тому являются его ценные труды по восточной литературе и тот интерес, с которым ученый мир принял эту превосходную работу» (58а, с. 155). Наряду с этим Казем-Бек обращал внимание Хамера на ряд серьезных «ошибок, явившихся результатов того, что он не уделил должного внимания анализу произведений, служивших источниками...» (58а, с. 155).

Казем-Бек обратил внимание на то, что Хаммер при изучении первоисточников упустил из внимания тот факт, что «употребление или выпадение диакритических знаков, ставящихся под или над буквами, а также схожесть некоторых букв являются основными причинами сложностей,

возникающих при чтении турецких, арабских, персидских и татарских рукописей» (58а, с. 156), и что «неверно поставленная точка может изменить смысл предложения и, в особенности, исказить имя собственное... как схожесть букв и множественность точек приводят к ошибкам» (58а, с. 156).

В 1843 г. «Журнал Азиатик» вновь обратился к творчеству М. Казем-Бека, опубликовав его работу под названием «Научно-критический разбор М. Казем-Бекон неизвестной главы Корана, опубликованный и переведенный господином Гарсеном де Тасси в „Journal Asiatique“ в мае 1842 г.» (52). В этой большой статье М. Казем-Бек подробно останавливается на истории создания первых вариантов Корана, прослеживает историю исламизации после смерти Мухаммада до появления шиизма, излагает свои взгляды на использование устных версий Корана, обращает внимание на его разночтения, последовательность изменения некоторых его фрагментов, факты искажения ряда слов и выражений.

В своем ответе, опубликованном в том же номере журнала, Гарсен де Тасси благодарил М. Казем-Бека за внесение ясности в ряд важных вопросов. Он писал: «Я рад, что привлек внимание востоковедов к неизвестной главе Корана еще до появления ее первой публикации. Благодаря Мирзе Александру Казем-Беку мы имеем в своем распоряжении скорректированный текст суры с диакритическими и другими орфографическими знаками, свойственными Корану. Ученый Мирза транскрибировал эту главу и послал ее в двух экземплярах: один для библиотеки Азиатского общества, другой для моей личной коллекции» (52, с. 427).

Появление в 1846 г. в Казани фундаментального труда М. Казем-Бека «Общая грамматика турецко-татарского языка» явилось большим событием и стимулом для изучения тюркских языков также и в странах Западной Европы. К этой грамматике первыми обратились немецкие востоковеды. В 1848 г. перевел и издал «Грамматику» Казем-Бека в Лейпциге, снабдив ее подробным предисловием, немецкий востоковед Ценкер (231).

Ценкер писал, что предыдущие грамматики этих языков «были исключительно выполнены только по наблюдениям лингвистов над западноевропейскими языками... Первые вышедшие работы занимались описанием языков немного уже знакомых и, конечно, на европейской основе» (231, с. 5).

В 1850 г. французский «Журнал Азиатик» поместил подробный материал о труде М. Казем-Бека «Мюхтесерюль вигкает», а также статью «О движении и прогрессе мусульманской юриспруденции у ортодоксальных сект» (53, с. 158 - 214).

В 1853 г. в июльском номере «Журнал Азиатик» было опубликовано «Письмо Гарсену де Тасси по поводу персидской грамматики М. А. Ходзько», в котором М. Казем-Бек излагал свои замечания (указывая серьезные ошибки) по грамматике. В 1854 г., в январском номере журнала, было опубликовано продолжение этого письма под названием «Замечания М. Казем-Бека по поводу персидской грамматики А. Ходзько».

Придавая большое значение статье М. Казем-Бека «Объяснение некоторых восточных надписей», ее опубликовал в 1855 г. «Ревю де л'Орьян» (54). Это был ответ академику Броссе. В 1856 г. отрывки из «Дербент-наме» М. Казем-Бека начал печатать «Журнал Азиатик». В 1858 г. на страницах «Ревю де л'Орьян» появилась новая работа Казем-Бека «Начало просвещения в нынешней Индии», переведенная на французский язык самим автором.

После выхода в Петербурге в 1865 г. книги «Баб и бабиды» «Журнал Азиатик» в 1866 г. частями опубликовал ее на французском языке. Для печати «Баб и бабиды» была подготовлена известным французским ученым Гарсеном де Тасси, с которым Казем-Бек связывали тесные узы дружбы. Переписка между этими двумя востоковедами создает картину творческой связи выдающихся ученых Франции и России. Казем-Бек делился с де Тасси научными планами, писал о перспективах развития востоковедения в России. В одном из номеров «Сборника мемуаров, выдержек и заметок, относящихся к истории, философии, языкам и литературе восточных народов» за 1860 г. Гарсен де Тасси опубликовал письмо Казем-Бека от 13(25) декабря 1859 г. (58), в котором ученый, в частности, сообщал: «... после того как закончились мои исследования Корана, я предпринял две большие работы: по истории исламизма и биографии всех писателей и политических деятелей Востока. Эти две работы будут написаны на русском языке, последняя работа будет не менее чем 100 печатных листов». Далее в письме Казем-Бек излагал свои планы издания в России востоковедческого журнала: «Действительно, вопрос об издании в Петербурге азиатского журнала назрел и это дело весьма желательно. Мы имеем много материалов, и мы обладаем очень знающими востоковедами... Удивительно, что повсюду в мире существуют азиатские общества, журналы и полезные издания по вопросам Востока, тогда как в Санкт-Петербурге мы не имеем ничего подобного» (58, с. 269 - 271).

Направляя Гарсену де Тасси свою последнюю работу «Мюридизм и Шамиль», опубликованную в журнале «Русское слово» в 1859 г., Казем-Бек описал ему свои встречи с

Шамилем. Кстати, говоря о письмах Казем-Бека, Гарсен де Тасси указывал, что русский ученый писал свои письма на английском языке, который знал в совершенстве» (58, с. 269 - 271).

В свою очередь, М. Казем-Бек высоко отзывался об исследованиях французского ученого по проблемам Востока. Особенно высоко Казем-Бек ценил разыскания де Тасси в деле изучения Индии, ее истории и литературы. Он писал, в частности: «Почетный академик Гарсен де Тасси, член института Франции и Имп. С.-Петербургской Академии наук, уже несколько лет среди многочисленных своих занятий добровольно и безвозмездно читает публичные лекции о литературе индустанской. Этот предмет составляет обширную сферу академической его деятельности в Париже, - кто не знает многочисленных трудов его, которыми он, почти ежегодно, дарит ученую и просвещенную публику? Следовательно, в индустани Гарсен де Тасси может быть несомненным авторитетом» (35, с. 248).

М. Казем-Бек писал также о большой работе Гарсена де Тасси по собиранию, систематизации и составлению библиографии по индийской литературе. Кропотливые разыскания дали де Тасси возможность найти, писал Казем-Бек, «довольно значительное число названий замечательных по своему содержанию книг: по богословию и философии, литературе и словесности, истории и биографии, библиографии и даже земледелию» (35, с. 250).

Большой популярностью во Франции пользовались работы, Казем-Бека «Дербент-наме», «Мюридизм и Шамиль», «Общая грамматика турецко-татарского языка» и др. Публикации его работ в зарубежной печати сделали имя ученого популярным среди западноевропейских востоковедов.

К этому времени научная деятельность М. Казем-Бека широко представлялась в английской печати. В 1836 г. лондонский журнал «Кипсэйк Кристиан» опубликовал подробный материал о научной деятельности Казем-Бека об астраханском периоде жизни ученого. Значительный интерес к М. Казем-Беку проявлял великий немецкий ученый А. Гумбольдт, поместивший в своем капитальном труде «Центральная Азия» статью Казем-Бека «Об озере Ала-Кёл». А. Гумбольдт писал: «Я обратил внимание на дословный перевод заметки господина Казем-Бека... ибо он... очень непринужденно сообщал свои мысли на английском языке...» (237, с. 217).

На страницах мировой прессы стали появляться статьи, посвященные роли ученого в развитии мирового востоковедения и преподавания востоковедческих дисциплин в высших учебных заведениях.

В 1841 г. английский ученый и путешественник Э. Турнарелли в книге «Казань и ее обитатели» писал: «Продолжительное и утомительное путешествие из Петербурга до Казани удалось мне совершить с Мирзой Казем-Бекем... человеком, о котором уже было довольно хорошо известно в Англии по многим сведениям о нем... Он говорил в совершенстве по-английски, а умный и занимательный его разговор немало содействовал оживлению моего духа, утраченного тяжелым путешествием... Считаю долгом своим обрисовать эту замечательную личность, пользуясь случаем к тому тем охотнее, что при описании Казани нельзя не упомянуть об одном из самых замечательных „львов" ее. Мирза Казем-Бек столь выдающаяся личность, что описание общества, среди которого занимал он весьма видное положение, было бы неполным без воспоминания о нем. Представьте себе, читатель, Мирзу, выдающего мысли свои в равном совершенстве на языках турецком, татарском, арабском, персидском, английском, русском; к тому же мог он выражаться несколько по-французски и по-немецки. Могла ли Казань не хвалиться столь даровитым человеком?... Казем-Бека при том отличали его высокий рост, благородная осанка, изящные черты лица, черная и густая борода, глаза черные и полные такой огненности, что, по словам одной петербургской дамы, трудно было смотреть на него прямо, по магнетизму его взора. В салонном разговоре был он изящен, в беседе с дамами остроумен и эффектен, на балах из лучших танцоров, словом, был он вполне совершенным кавалером. И понятно, что одаренный столь богато человек сделался предметом особого внимания и что всякое общество желало привлечь его... Наконец, замечательное влияние его личности вполне объясняется благородным и щедрым характером его, которым отличался он и среди ученых, и среди светских людей» (218, с. 27).

В 1854 г. выходивший в Лейпциге журнал «Цайтшрифт дер Дойчен Моргенландишен Гезелльшафт» опубликовал большой материал, посвященный М. Казем-Беку. «Имя Мирзы Казем-Бека, - говорилось в публикации, - в востоковедческой литературе было очень давно известно также и за пределами России... Его образование в детстве и изучение восточных языков дали ему признание превосходного преподавателя в этой области и его предпочтение и значение становились все большими, и принимая во внимание научные его знания, Запад принес ему признание. Копия „Семи планет" - очень элегантной книги для истории России имеет большое

значение, но в Европе она была малоизвестна, пока в 1829 г. не попала в руки Казем-Бека» (280, 1854, с. 300).

Известный финский ученый Кастрен высоко ценил педагогическую деятельность М. Казем-Бека в Казанском университете. Он писал: «Едва ли есть в целом мире хотя один такой университет, где бы так ревностно изучали восточную литературу, как в Казани. Здесь много кафедр, посвященных языкознанию Востока, как-то: арабскому языку, армянскому, персидскому, санскритскому... и в числе учителей этих языков есть несколько природных восточников, например Мирза Абдулсаттар Казем-Бек, Александр Казем-Бек.

Я вполне убежден, что в близком будущем именно здесь найдут свое решение важнейшие научные проблемы касательно Востока» (236, с. 21).

В 1854 г. «Журнал немецкого востоковедного общества» посвятил М. Казем-Беку целый раздел в номере. Автор материала дал подробную биографию ученого и анализ его трудов по востоковедению. В статье, в частности, говорилось: «Его умное, живое преподавание, с детства полученное хорошее знание восточного языка и его широкая начитанность во всех областях восточной литературы сделали его одним из превосходных ученых в этой области и его вклад в этом отношении такой большой, что его можно считать одним из тех немногих восточных людей, который смог соединить науку и научный образ мыслей Запада Востоком» (280, 1854, с. 376).

В 1868 г. в Париже под редакцией известного французского востоковеда Густава Дюга была издана книга «История ориентализма в Европе». Автор статьи о Казем-Беке Ноэль де Верже много внимания уделил научным поискам ученого. Он писал: «Мы утверждаем, что цитаты, которые мы привели здесь (из „Баб и бабиды" М. Казем-Бека. - А. Р.), являются очень высокой оценкой Казем-Бека. Здесь чувствуется высокая мысль, истинная, чрезвычайная справедливость... По своим непрерывным исследованиям этот человек Востока - Казем-Бек занял место весьма почетное среди европейцев наиболее образованных и наиболее передовых нашей эпохи. Казем-Беку свойственно прекрасное знание языков персидского и турецкого и знакомство с арабской литературой.

Он сделал глубокие исследования в области мусульманской юриспруденции, о религиях, и то, что весьма замечательно у Востоковеда, он не был чужд вопросам высокой философии. Его идеи были изумительно широкими, и его произведения отражали глубокую любовь к прогрессу. Россия должна гордиться, имея таких людей среди своих ученых и людей,двигающих вперед востоковедческую науку; мы желаем, чтобы она привлекла к изучению Востока многих ученых, подобных Казем-Беку, заслуживающему самой высокой оценки» (233, с. 184 - 185).

Ноэль де Верже высоко ценил грамматические исследования М. Казем-Бека и особо отмечал синтаксическую часть его «Грамматики». Характерными для его научной деятельности де Верже считал труды по вопросам истории ислама.

В «Большом универсальном энциклопедическом словаре XIX в.», изданном во Франции, отмечалось, что М. Казем-Бек «представлял собой исключительный пример представителя Востока, соперничающего в науках с главнейшими учеными Европы... Его деятельность и его глубокие знания Востока содействовали... ценным начинаниям в России». Автор статьи, перечислял все всемирно известные научные общества, членами которых был избран М. Казем-Бек, указывал, что ученый «пользовался огромной известностью во многих научных обществах Европы, которые восхищались глубокими его знаниями» (25, с. 1173). Далее в энциклопедическом словаре отмечались заслуги М. Казем-Бека в деле развития востоковедения в Европе, и в частности во Франции, подчеркивалось, что произведения ученого, опубликованные во французских журналах, оказали известное влияние на французских востоковедов.

В 1910 г. ученые - востоковеды Франции опубликовали работу «Изучение восточных языков в России», где вновь напомнили читателям о той большой роли, которую сыграл М. Казем-Бек в деле развития востоковедческой науки в России. «Все его кафедры, - писали авторы, - были заняты людьми, которые делали или уже совершили большое дело в мире ориенталистики. Это были: Шейх Мухаммед Тантави для арабского, Мирза Александр Касимович Казем-Бек для персидского... языков» (234, с. 360).

Значительное внимание творчеству М. Казем-Бека уделяли польские востоковеды. Польская энциклопедия писала в 1903 г., что «за время более двадцатипятилетнего преподавания в Казани Казем-Бек процветал как первоклассный ученый и знаток Востока... Опубликованные его работы освещают историю культуры Востока и языкознания» (242, с. 93).

Значительное внимание жизни и научной деятельности М. Казем-Бека уделяет и современная печать зарубежных стран.

Высокую оценку деятельности М. Казем-Бека в области филологических исследований дают научные журналы ФРГ. Ученые этой страны особо отмечают его заслуги в области изучения

заимствований из тюркских, арабского и персидского языков в русском языке. Один из научных сборников ФРГ отмечает, что «список слов, предложенный Казем-Бекем, является важным источником по тюркским заимствованиям в русских диалектах» (240, с. 3).

Польский исследователь А. Дубинский опубликовал в 1974 г. большую статью, посвященную 250-летию АН России, в которой, в частности, перечисляет огромные заслуги М. Казем-Бека в деле развития отечественного и мирового востоковедения. Дубинский пишет: «Это была незаурядная личность и потому он заслуживает, чтобы на нем остановиться подробнее» (232, с. 294 - 295). «Казем-Бек, - продолжает он, - оставил заметный след в истории российского востоковедения не только как преподаватель и организатор науки, но и как автор научных трудов, и в первую очередь турецкой грамматики и истории крымских ханов» (232, с. 294 - 295).

Что касается отношения М. Казем-Бека к европейским ученым, то он широко использовал их исследования, стремился определить их вклад в развитие науки, порою давал критический анализ их конкретных работ. Здесь уместно отметить, что в начале научной деятельности Казем-Бека на его мировоззрение сильное влияние оказал умеренный либерализм немецких идеалистов Канта и Шеллинга. В философской работе «Об удовольствиях мира под названием „невинных“ и о влиянии их к достижению истинного счастья», написанной Казем-Бекем в 30-х годах, ярко проявился его повышенный интерес к творчеству этих ученых.

Под влиянием Шеллинга понятие природы в философии Казем-Бека приобретает самостоятельное значение и включает в себя все достижения естествознания того времени. На передний план выдвигается субъективизм. Вместе с тем натурфилософия Казем-Бека представляет собой существенный шаг вперед в разработке диалектического осмысления природы, ученый делает попытку выявления места человека в историческом процессе.

Сам будучи крупным ученым, М. Казем-Бек отдавал должное видным деятелям зарубежной науки, в частности в области востоковедения. Он восхищался научным подвигом немецкого ученого-гуманиста А. Гумбольдта, высоко оценивал деятельность выдающегося французского ориенталиста Гарсена де Тасси, радовался тому, что французский востоковед Жобер «гремит своими подвигами на поприще восточной литературы» (9, с. 252).

Среди английских ориенталистов М. Казем-Бек отдавал предпочтение Росту - этому, как он писал, «превосходному знатоку индийских языков и наречий, который с отличным успехом до сего времени занимался описанием индийских манускриптов» (27, с. 29). С глубоким уважением относился он к ученым трудам крупного французского ориенталиста, первого президента Азиатского общества Сильвестра де Саси (1758 - 1838), называл его «достойным патриархом ориенталистов Европы» (9, с. 252). Высоко оценивал он и научные достижения английского синолога Моррисона Роберта (1782 - 1834); немецких ученых А. Л. Шлецера (1735 - 1800), специалиста в области всеобщей истории, и Вильгельма Шотта, крупного знатока языков, культуры, поэзии, мифологии и истории народов Восточной и Северной Азии; французских ориенталистов - знатока Китая и его населения Амио Жозефа (1718 - 1794), историка, близкого друга Дидро, занимавшегося русской историей, Пьера Шарля Левека (1737 - 1812), профессора китайского и маньчжурского языков и президента Азиатского общества в Париже Абея Ремюза (1788 - 1832) и др. В своих исследованиях он нередко ссылался на труды этих ученых.

При исследовании языка и литературы народов Ирана доисламского периода, особенно древнеперсидской клинописи, М. Казем-Бек широко использовал труды известного французского путешественника и ученого, первого переводчика «Авесты» на французский язык Анкетиль-Дюперрона (1731 - 1805); немецкого филолога Георга Фридриха Гротефенда (1775 - 1853), положившего начало дешифровке древнеперсидской клинописи; датского путешественника и исследователя, участника научных экспедиций в страны Ближнего Востока Карстена Нибура (1733 - 1815) и др. При исследовании вопросов литературы и языка Турции М. Казем-Бек опирался на труды известного австрийского ученого - востоковеда, президента Венской Академии наук, автора исследований по истории народов Ближнего и Среднего Востока, в частности четырехтомной «Истории турецкого поэтического искусства до нашего времени», Гаммера Пургштраля (1774 - 1856) и др.

В то же время М. Казем-Бек критически подходил к произведениям западноевропейских ученых, выявлял ошибочные положения и выводы, обращал внимание на искажения исторических источников и пр. Так, говоря о проблемах народонаселения Китая, М. Казем-Бек подверг критике ошибочные предположения западноевропейских ученых Оттона, Макартнея, Стонтонна, Гутри, Амио, Галлерштейна, Био и других, вскрыл разноречивость в их теоретических предпосылках и показал их методологическую слабость.

Исследуя историю уйгур, М. Казем-Бек обращался к трудам П. Карпини и Г. Рубрука и Абель Ремюза, анализируя как положительные, так и отрицательные стороны работ этих ученых-

путешественников. «Никакое имя, - писал он, - в истории северных народов в Центральной Азии не представляется нам столь занимательным в отношении к древним памятникам словесности и вместе столь неопределенным по своему значению, как название уйгур» (11, с. 37).

Над своим капитальным трудом «Дербент-наме» М. Казем-Бек работал долго и кропотливо, изучая и исследуя не только известные ему рукописи, но также труды западноевропейских ученых. При этом его внимание особенно привлекли труды Байера и Клапрота.

М. Казем-Бек особое внимание уделял усилиям западноевропейских ученых по созданию фундаментальных научных библиотек, в частности мерам по образованию и систематизации их восточных фондов. Ученый дал высокую оценку фондам следующих библиотек: Мальябекинской во Флоренции, Амвросианской в Милане, Борбонского музея в Неаполе, Арсенальной, Пантеонской и Королевской в Париже, Венской, Пражской, Королевской в Берлине, Бреславской, Мюнхенской, Дрезденской, Штутгартской, Геттенской, Копенгагенской, Британского Музея, Оксфордской, Мадридской, Лейденской и др.

«Какими несметными богатствами наполнены храмы науки в Европе, - писал М. Казем-Бек, - какие драгоценные памятники ума и искусства минувшего исторического мира вызывают наше почтительное внимание и, наконец, какие следы торжества науки уцелели на Западе от нашествия варваров, от влияния невежества» (27, с. 14).

Высоко оценивал М. Казем-Бек усилия западноевропейских ученых по составлению каталогов манускриптов, этих «важнейших памятников современной Европы» (27, с. 206). В частности, ученый особо отметил первые попытки в этом направлении, предпринятые Ламбецием в Венской библиотеке в 1665 - 1679 гг. (в восьми томах), а также Дензанстом и Бонджавани в 1740 - 1741 гг.

Привлекает внимание план поездки М. Казем-Бека по научным центрам Италии и Австралии, составленный ученым 9 ноября 1870 г. План предусматривал:

«1. В Вене осмотреть богатое собрание восточных рукописей, которые для ориенталиста представляют богатое пособие для исторических и филологических работ. Особенно обильные материалы собраны в Вене для истории Турции, и нет сомнения, что турецкие рукописи заключают в себе немало сведений об отношениях Турции к России; разработка этого отдела прямо относится к отечественной истории, была бы немалой заслугой.

2. В Венеции в архиве библиотеки *Cairo ai Trari*, в отделении *Canrelleria sexreta* разработать коллекцию дипломатических писем на персидском и турецком языках, которые были присылаемы с 14 по 17 вв. персидскими шахами и турецкими султанами к Венецианским дожам. Письма эти могут уяснить взаимные отношения Персии и Турции, а равно и отношения этих государств к Венецианской республике и отчасти к Европе.

3. Во Флоренции, в библиотеке *S. Lorenzo*, в Риме, в Ватиканской библиотеке находится большое число манускриптов арабских, персидских и турецких, каталоги которых до сего времени не изданы, но имеются только в рукописях в означенных библиотеках» (89, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4926, св. 96, л. 188 об., и 189).

Роль Казем-Бека в развитии востоковедения и его вклад в мировую ориенталистику были высоко оценены русскими и советскими учеными. Научные заслуги М. Казем-Бека были признаны всеми основными научными обществами Западной Европы. Он был избран действительным членом Британского и Ирландского Королевского Азиатского общества в Лондоне (1829 г.), членом Копенгагенского Королевского общества Северных антиквариев (1843 г.), ординарным членом Азиатского общества в Париже (1850 г.), членом-корреспондентом Американского общества ориенталистов в Бостоне (1851 г.), членом Германского общества ориенталистов в Берлине (1866 г.).

В 1862 г. М. Казем-Бек был избран членом Американского философского общества, организованного выдающимся американским ученым Бенджамином Франклином и долгое время считавшегося американской Академией наук. Начиная с 1773 г. членами этого общества были избраны 35 русских, а затем советских ученых. Среди избранных - С. Н. Никитин, академик, геолог и палеонтолог (1897 г.), А. П. Карпинский, выдающийся представитель русской географической школы, первый избранный президент Российской Академии наук (1897 г.), выдающиеся русские химики В. В. Марковников (1901 г.) и Д. И. Менделеев (1906 г.), великий физиолог И. П. Павлов (1932 г.) и др.

17 января 1862 г. Общество, изменив традиции, избрало своими членами представителей гуманитарной науки М. Казем-Бека и ординарного академика Петербургской Академии наук, специалиста в области санскрита Отто Бетлинга.

Е. Двойченко-Маркова опубликовала в «Ученых записках Американского общества» статью «Американское философское общество и ранние русско-американские отношения», основанную на изучении неопубликованных материалов из архивов этого общества. Документы эти относятся к переписке Общества с Россией и по большей части состоят из писем, полученных Обществом от Российской Академии наук и других российских ученых обществ, а также от отдельных видных русских ученых и научных деятелей.

М. Казем-Бек с благодарностью принял весть о своем избрании. В ответном письме от 3(15) марта 1862 г. на имя секретаря Американского философского общества Дж. П. Лесли он писал: «Я имел честь получить Ваше любезное письмо, датированное 17 января, в котором Вы уведомляете меня, что Американское философское общество соблаговолило оказать мне честь избранием меня в тот же день членом своей высокой корпорации. Прославленное имя этого первоначально Американского учреждения вынуждает меня трепетать, что я никогда не буду в состоянии оправдать доверие, оказанное мне этим признанием; но я приложу свои все силы, чтобы быть достойным в меру возможности звания, которым я имею честь быть облеченным.

Прошу Вас принять мою самую сердечную благодарность за Ваше любезное письмо и засвидетельствовать мою глубокую признательность перед достопочтимым Советом Общества за оказанное мне внимание» (231a, с. 31).

М. Казем-Бек и Азербайджан

М. Казем-Бек уехал из Азербайджана в 1821 г., в возрасте 19 лет. Если не считать кратковременного посещения им Дербента с целью розыска рукописей «Дербент-наме», он не бывал больше на своей родине. Дальнейшая богатая, но сложная пятидесятилетняя жизнь ученого протекала в Астрахани, Казани и Петербурге. Как писал М. Казем-Бек из Казани друзьям в Петербург, жизнь его прошла в семье гостеприимного русского народа, принявшего его в ряды своих сыновей.

Азербайджан, однако, сыграл немаловажную роль в формировании мировоззрения М. Казем-Бека. Здесь Казем-Бек впервые приобщился к науке, изучал философию, логику, ораторское искусство, мусульманское законоведение, восточную литературу и языки. Здесь он познал красоту родного края, мудрость и талант своего народа, его богатое и героическое прошлое, изящество и богатство родного азербайджанского языка.

Пятидесятилетняя разлука с родиной не оторвала ученого от насущных проблем Азербайджана. Мысли о судьбе родины, ее будущем и людях, о науке, культуре, истории, о деятельности выдающихся сынов Азербайджана, их борьбе за свободу родины и ее прогресс, о судьбе созданных ими трудов, идеях прогресса никогда не покидали М. Казем-Бека.

Вспоминая детские годы, проведенные в Дербенте, М. Казем-Бек много лет спустя в (1851 г.) писал: «Я хорошо помню, что когда я был мальчиком лет 14, коллективное чтение „Дербент-наме" с пояснительными иллюстрациями и примечаниями захватило на несколько дней внимание того небольшого круга любознательных и полувцивилизованных юношей Дербента, которые - и это делает им честь - проводили утомительные часы зимних вечеров, собираясь вместе и развлекаясь тем, что из старинных рукописей вычитывали народные рассказы, легенды и истории, касающиеся древностей Азии, подвигов ее древних героев и деяний известных авантюристов» (22, с. XV).

План ученого путешествия по Востоку говорит о превосходном знании Казем-Беком истории, истории архитектуры и памятников культуры родного края. В Плане подробно говорится о путях, проходящих через Азербайджан, его достопримечательностях, истории памятников старины: «В Дербенте представит им случай видеть все достопримечательности этой древней крепости. Особенно заслуживает там внимания антиквария: кладбище, заключающее в себе сорок памятников, воздвигнутых в честь мусульман, убиенных, как говорит придание, во время похода Сулеймана, или Сельмана Багили, против хазаров, во второй половине VII столетия. Тут же следует посетить памятник Фатх Алихана. В Баку, Шемахе и других городах будут посещать древние остатки, лежащие около этих мест и по дороге; в особенности из них примечательны храм индийцев или индийские огни (атешхеде), около 15 верст к с. в. от Баку, почти на самом конце Апшеронского полуострова; и в Карабахском округе остатки древнего Барда, под которым иные разумели древнейший город Амозонов, некогда населяющих эту страну, а другие театр войны

Александра Великого с руссами. Между этими остатками упоминаются развалины мечети, обязанной началом Гарун-юр-Решиду, архитектуры сходной с мечетью, им же выстроенной в Багдаде; здесь же следы древних храмов огнепоклонников» (12, с. 15 - 16).

М. Казем-Бек был поклонником великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. В своих исследованиях восточной литературы он неоднократно возвращался к его творчеству. В богатой редкими книгами и рукописями личной библиотеке ученого имелись «Хамса» Низами парижского издания 1819 г., Калькуттского издания 1812 г. и Лондонского издания 1844 г., а также несколько изданий «Искендер-наме», «Лейли и Меджнун» и «Сокровищница тайн».

Величие Низами заключается в том, указывал М. Казем-Бек, что его творчество оказало сильное воздействие не только на развитие литературы, особенно поэзии, своего народа, но и на всю восточную литературу. Ученый ставил имя Низами в один ряд с именем великого персидского поэта Фирдоуси. Выдвигая на передний план особенности поэтического мастерства Низами, М. Казем-Бек писал: «В том, что Фирдоуси был поэт высшего достоинства, никто не сомневался и не сомневается: Анверы, Хагани, Низами, Саади, Имами - эти знаменитые столпы новоперсидской литературы, каждый, в свою очередь, приносили лепту невыразимого уважения» (70, с. 62об.). М. Казем-Бек причисляет Низами к плеяде видных представителей романтизма Востока. Труды поэта «Лейли и Меджнун» и «Семь красавиц» он считал прекрасными образцами этого направления.

В процессе подготовки комментария к «Черновым тетрадам Грибоедова» (267, 1859, № 5) М. Казем-Бек вновь возвращается к творчеству Низами. «Низами, - писал он, - один из первых по достоинству поэтов восточной литературы. Своим талантом и способностями он скоро занял первое место между поэтами... Он начал свое поприще в 549 - 1154 г. и умер в 576 - 1180 г. Низами писал много; его слог и вкус считаются образцовыми» (267, 1859, № 5, с. 112).

Говоря о влиянии Низами на последующее поколение поэтов Востока, М. Казем-Бек указывал, что Амир Хосров и Амир Али Шир очень много подражали ему, даже в названии своих сочинений (33, с. 15 - 16).

Достойное место в истории восточной литературы М. Казем-Бек отводил и великому азербайджанскому поэту Хагани Ширвани - «султану поэтов», одному из лучших, величественных поэтов Востока.

Как отмечает ученый, несмотря на скитания по чужим странам, вдалеке от родного Ширвана, Хагани создал произведения классического стиля и вошел в могучий отряд лучших восточных поэтов. Величие Хагани заключалось, писал Казем-Бек, еще и в том, что он, «обогадивший своими прекрасными трудами литературу... украшал свои произведения материалами из мифологии» (19, с. 12). «Его слог труден и пышен» (33, с. 8), - писал М. Казем-Бек.

В своих произведениях дает М. Казем-Бек сведения также о видном азербайджанском поэте Камал ад-Дине Нахичевани, современнике Хагани, Зульфагара Ширвани, Захира Фариаби.

Выдающийся азербайджанский поэт Физули также был в центре исследований М. Казем-Бека, который высоко ценил поэтическое мастерство поэта и неоднократно возвращался к его богатому наследию; используя стихи поэта для критики ислама, высказывая мысль о необходимости замены арабского алфавита, М. Казем-Бек приводит строки Физули (см., например, (11, с. 58)).

В «Учебном пособии для временного курса турецкого языка» М. Казем-Бек поместил значительную часть поэмы «Лейли и Меджнун» Физули, «столь любимого на Востоке поэта», отметив высокую художественную ценность произведения (33, с. VI).

Творческие и идейные взаимоотношения Казем-Бека с выдающимся азербайджанским ученым-материалистом, революционным демократом, основоположником азербайджанской драматургии Мирза Фатали Ахундовым составляют яркую страницу истории азербайджанской общественной мысли.

М. Ф. Ахундов (1812 - 1878) сыграл исключительно большую роль в культурном развитии народа, в формировании материалистической философии, реалистической литературы и искусства Азербайджана. Ахундов вел неустанную борьбу за замену арабского алфавита, видя в нем серьезный тормоз в деле просвещения народов всего Востока. В философском трактате «Три письма индийского принца Кемал уд-Довле к персидскому принцу Джелал уд-Довле и ответ сего последнего» Ахундов дал критику ислама, деспотизма, средневековых пережитков, угнетения и эксплуатации народных масс. М. Казем-Бек с большим уважением и интересом относился к творчеству М. Ф. Ахундова, сочувствовал его борьбе за новый алфавит, поддерживал многие положения, изложенные мыслителем в его политико-философском трактате.

Заочное знакомство М. Казем-Бека с М. Ф. Ахундовым произошло в середине 50-х годов. В июле 1858 г. М. Ф. Ахундов писал М. Казем-Беку в Петербург: «Хотя я не встречался и не знаком с Вами, человеком знаменитым, однако неоднократно слышал хвалу о Вас и лично знаком с Вашей ученостью, видел некоторые Ваши произведения. Особенно о Вашем характере и доброжелательности несколько лет тому назад слышал от Вашего студента из Казани Мирзы Гафара. В последнее время консул Ирана в Тифлисе Мирза Гусейн хан хвалил Вас после возвращения из Петербурга. По этим причинам я заочно испытываю к Вам любовь и искренность. Бог даст случай, чтобы я мог встретиться с Вами» (105, с. 92).

В лице М. Казем-Бека М. Ф. Ахундов видел единомышленника в вопросе замены арабского алфавита. В 1858 г. он обратился к Казем-Беку с письмом, в котором просил поддержать составленный им новый алфавит, посланный на рассмотрение петербургских ученых. В письме говорилось: «Других знаменитостей в Петербурге, которые были бы посвящены в достаточной степени в мои сокровенные мысли и понимающие результаты этих нововведений, кроме Вас, нет. Я убежден, что эту книжонку передадут на Ваше усмотрение» (105, с. 93).

Рассмотрение алфавита, составленного М. Ф. Ахундовым, затянулось. В 1869 г. он вновь обращается к Казем-Беку по данному вопросу. В этом отношении характерно письмо иранского посла в Париже Мирза Юсиф-хана М. Ф. Ахундову от 6 октября 1869 г. Посол писал: «Господин Мирза Казем-Бек приезжал из Петербурга в Париж. Я заочно ознакомил Вас с ним. Дал ему Ваш алфавит. Взял и обещал, что напишет хорошую статью. В посольстве, где он останавливался, за день и ночь прочел Кемал уд-Довле и очень одобрил» (105, с. 444). Далее в письме указывалось, что М. Казем-Бек посоветовал М. Ф. Ахундову изменить в трактате ряд положений. Таким образом, мы имеем прямое свидетельство сочувственного отношения М. Казем-Бека как к новому алфавиту, так и к идейному содержанию философского трактата Ахундова. На титульном листе философского трактата «Три письма...» рукой М. Ф. Ахундова по этому поводу написано следующее: «Автор ряда ценных работ, ученый знаток восточных и западных языков Мирза Казем-Бек в 1870 году, прочитав своим близким друзьям „Письма Кемал-уд-Довле" с самого начала до конца, написал своей рукой на одной из страниц „Писем" следующие слова: „Браво, Кемалуддовле, браво, Кемалуддовле!» (93, ин. № 99, Г-7 (99)).

В июне 1870 г. М. Ф. Ахундов писал своему другу в Иран Мирза Мелкум-хану: «Казем-Бек подтверждает мнение о замене алфавита: его надо считать настоящим ученым, обладателем здоровой мысли и человеком, заслуживающим уважения» (105, с. 208).

В дальнейшем М. Казем-Бек неоднократно возвращался к проблеме арабского алфавита, подвергая в своих работах критике отрицательные его стороны. Например, в предисловии к книге «Семь планет» он писал: «Иногда с одним словом бился часа два, чтобы отгадать значение, потому что буквы... с изменением точек получают до 54 различных произношений, из которых многим принадлежат известные значения» (5, с. V). В другом своем труде, называя арабский алфавит главнейшим затруднением, он писал: «Главнейшее затруднение, встречающееся ориенталистам при разборе восточных рукописей, проистекает от множества букв, различающихся между собой одними только точками... или сходных в начертании. Малейшая неосторожность со стороны писца может удалить читателя от настоящей мысли автора и совершенно переиначить имена собственные...» (8, с. 364).

Разнообразие версий (списков) восточных рукописей ученый также объяснял сложностью арабского алфавита. «Восприимчивость арабского алфавита к различным изменениям, - писал он, - пренебрегалась и игнорировалась копиистами (переписчиками). Я могу решительно утверждать, что почти не существует в какой-либо из магометанских стран единственной скопированной рукописи, будь то на арабском, персидском или турецком языках, чтобы эта рукопись не страдала этим недостатком» (22, с. XVI),

В подтверждение своих мыслей М. Казем-Бек следующим образом комментирует известное четверостишие М. Физули: «Может быть, что рука такого переписчика срежет произведение, изменит орфографию и заменит слово „радость" на „горечь". Иногда пропуск (упущение) только одной буквы и слово fire (огонь) будет принято за воду, и в другой раз нацарапает „черное пятнышко" как „слепой глаз"» («Дербент-наме». Предисловие).

Выступая сторонником замены арабского алфавита, М. Казем-Бек вместе с тем был противником насильственного внедрения на Востоке латинского алфавита, считая необходимым творческий подход к этой трудной проблеме. Весьма показательно его высказывание по поводу навязывания английскими колонизаторами народам Индии европейской письменности: «Не надо забывать, что вселять мысль в туземцев - без особой нужды принять в свое семейство и усвоить чужой элемент, им вовсе незнакомый, и противоположный их обычаю, их вкусу, когда у них есть, родной, - значило бы оскорблять их самолюбие, тревожить их дух предложением бросить и забыть

свое детище и усыновить чужое, более красивое и милое. Всякое свое мило, свое хорошо. Трудно индийцев и мусульман уверить, что европейские письма лучше их. Но есть на все время, есть интересы, которые управляют всем. Кажется, легко бы вводить какое-либо письмо в язык, который не имеет своей письменности, но и это довольно трудно» (35, с. 262).

Привлекает внимание удивительное совпадение взглядов М. Ф. Ахундова и М. Казем-Бека по проблемам, изложенным в философском трактате М. Ф. Ахундова, особенно относящимся к исламу. Говоря о месте ислама в жизни народов Востока, М. Казем-Бек писал: «Народы, исповедующие ислам, управлялись с духовной стороны фанатизмом, а с светской - деспотизмом. Оба эти бремена изнурили их силы, притупили их способности и остановили их умственное развитие, которое с тех пор уже не могло подняться с первых своих ступенек» (45, с. 161). Эта мысль М. Казем-Бека очень созвучна словам М. Ф. Ахундова, обращенным к народам Востока: «Сынов твоих, находящихся как бы сжатыми в тисках, с одной стороны давит необузданный деспотизм государей, а с другой - грубый невежественный фанатизм духовенства» (104, с. 57).

Большой интерес вызывает письмо М. Казем-Бека иранскому консулу в Тифлисе Мирзе Юсиф-хану, обнаруженное недавно в личном архиве М. Ф. Ахундова, хранящемся в республиканском рукописном фонде. История этого письма такова. 12 января 1866 г. Мирза Юсиф-хан написал М. Казем-Беку в Петербург: «После повторного изучения перевода части Вашей книги о бабидах я прочел такие фразы, что в действительности эти неправдоподобные документы в Вашем сочинении относительно пророка и его халифов показались мне странными. Содержание перевода было таково: „Не только шариат, но и политика Мухаммеда и его халифов была направлена на то, чтобы навсегда сохранились тупость и невежество среди арабов и покоренных ими племен, так как они знали, что фанатизм без тупости и невежества не сможет совершать великие дела... „Что послужило причиной тому, что Вы так снисходительно отнеслись к столь бесспорной истине и „погрузили" своих друзей в море изумления...»

М. Казем-Бек ответил Юсиф-хану письмом, в котором, в частности, говорилось: «Книгу по истории бабидов я написал не из подобострастия или благосклонности кого-либо, не в память об исламских муллах и не из-за уважения к современным муджтехидам, не ради дружбы... Вы знаете, что в Европе тот, кто занимается в эту эпоху летописанием, должен совершать свое дело с полным вниманием и беспристрастностью. Он должен быть чужд своим привязанностям и личным корыстным целям и не останавливаться в поисках истины, чтобы отдалиться от лицемерия, притворства и сомнения... Историк должен отстраниться от неуверенности и сомнений и изложить истину. И это условие критики. Если рассмотреть мою книгу с этой точки зрения, то существующие возражения должны быть сняты, т. к., если разобраться внимательней, в ней кроме изложения правды не содержится ничего другого...

Из истории человечества известно, что ученые мужи каждого народа с древнейших времен до наших дней, рассматривая науку как исключительно свое дело, оставляют народ в невежестве, чтобы, не дай бог, устранение невежества народа не стало причиной раскрытия их положения и выявления их тайны. Индийские брахманы и персидские мобеда, христианские попы и улемы ислама - все действовали одним способом и знание сводили к религиозной традиции... Разве улемы не держат народ в полном невежестве, разве они кроме Корана и дисциплин шариата признают за науку то, что строится на основе познания, и разве в их действиях нет ереси... Вы изволили сказать, что существуют великолепные хадисы и аяты о преимуществе знания и порицания невежества. Должен сказать, что я знаком со всеми хадисами и аятами... Мы все-таки должны уточнить, что имеется в виду под знанием и невежеством... Улемы ислама считают за знания только то, что относится к Корану и хадисам, все остальные отрасли знания, которые не входят в них, такие, как история, астрология, геометрия, география, астрономия, медицина, математика и др.; все это бесполезные знания, от которых следует воздержаться... Улемы ислама, приводя в доказательство хадисы, говорят, что наука есть наука благочестия, наука «познания бога, наука веры; получается, что остальные науки не являются таковыми, что они излишни... Воины ислама перевернули весь мир, достигли Европы и все что имело отношение к другим наукам сожгли или выбросили в воду... Сожжение знаменитой египетской библиотеки имело место в конце халифата... И так поступали во всех завоеванных странах до конца второго столетия... И такой запрет относительно других наук... является следствием невежества...

Вражда между суннитами и шиитами... является следствием фанатизма, и если невежество не было бы инструментом в руках поджигателей, то огонь вражды не достиг бы такого размаха... Несколько страниц моей книги повествуют о фанатизме среди французов, русских, поляков. Суть дела в порицании фанатизма где бы ни было...

Фанатизм без невежества не может вершить великие дела...» (93, инв. № 6-III, Г-1/6) (перевод письма с персидского на русский язык М. Д. Кязимова).

Поместив эту длинную цитату из неопубликованного письма М. Казем-Бека, мы имели целью показать созвучие идей М. Казем-Бека и М. Ф. Ахундова, сходство в отношении двух великих ученых к исламу и к религиям вообще. Не случайно, что это письмо, адресованное Казем-Беком Мирзе Юсиф-хану, оказалось в личном архиве М. Ф. Ахундова.

М. Казем-Бек высоко оценил научные искания и другого азербайджанского ученого-просветителя Абас Кули Ага Бакиханова. В своем отзыве на «Краткую грамматику персидского языка» («Кануни-Кудси») А. Бакиханов Казем-Бек рассматривает ее как новое явление, которое делает честь автору (936, ф. 92, оп. 1, д. 5373, л. 2 - 3). В свою очередь, А. Бакиханов восхищался талантом и ученым подвигом М. Казем-Бека, посылал ему свои выходящие из печати книги. Свою работу «Айн ал-мизан» («Существо весов (разума)»), написанную в 1835 - 1836 гг. (книга коротко излагает систему формальной логики на Ближнем Востоке), Бакиханов сопроводил следующей дарственной надписью: «Это есть подарок от ничтожного автора любимому, благородному, славному, почтенному ученому господину Мирза Мухаммед Али, известному именем Казем-Заде. 30 марта 1256, Куба» (108, с. 299).

История Азербайджана также входила в круг научных интересов М. Казем-Бека. Здесь надо особо отметить его неопубликованные труды «О языке и литературе персов до исламизма», «Известия из Закавказья», «Водопровод в г. Куба», «Очерки истории мусульманского Кавказа», «Персидская литература» и др., в которых он в той или иной степени затрагивал вопросы азербайджанской истории.

Казем-Бек неоднократно возвращался к вопросу о происхождении наименования «Азербайджан», обращаясь ко всем известным ему источникам. По его мнению, слово это образовалось от «азар» - «огонь», из него персы сделали «озар», новоперсы - «аташ». «Азербайджан - значит отечество огня» (70, с. 26).

Изучая корни слова «Азербайджан», М. Казем-Бек обращался также к персидским источникам. Он обращал внимание исследователей, историков и читателей на слова «Аириен-ваиджой» или «Аириен-воджо» - название страны, созданной Ормуздом: «Мы не можем оставить без внимания сходства Аирине-веджд и Азербиджана, хотя филологи разбирают последнее слово иначе: Азер - огонь и байчан - место изобилия» (70, с. 27).

М. Казем-Бек придерживался мнения, что Азербайджан в VII - VI вв. до н. э. входил в состав Мидии - ее северной части. Под этим именем (Аириен-воджо. - *А. Р.*), - писал М. Казем-Бек, - они (иранцы. - *А. Р.*) понимают Иран - Азербиджан, т. е. Северную Мидию, начинавшуюся с горы Арарата» (70, с. 27).

Основываясь на исторических фактах и проверенных источниках, М. Казем-Бек совершенно правильно определил, что Кавказский перешеек, с тех пор как древний мир помнит себя, был постоянным театром политических событий; народы разных рас и разной смеси постоянно делали свои вторжения то с юга и юго-востока к северу и северо-западу, то с севера к югу и юго-востоку: следственно, проходы между Каспием и Черным морями не знали отдыха от народных передвижений, и теперешние лингвистические смеси по всему протяжению Кавказских гор, равно как и исторические названия „ворот Кавказские, Каспийские, Албанские" и прочее, вполне свидетельствуют о несомненности изложенного. Северная же Мидия лежала у подошвы Кавказа; народные потоки должны были в этих приливах и отливах впервые наводнить ее.

Вот от чего часто приходилось жителям Северной Мидии с исторических времен не говорить на своем народном языке, а заменять его господствующим, принесенным туда победителями. Разумеется, мы говорим не о доисторических периодах, когда древняя Мидия, заключавшая в себе весь Азербиджан, Гилян, Табаристан и часть Ирака, Аджема, говорила на своем собственном языке» (70, с. 27, 28об.).

Последнее высказывание М. Казем-Бека об Азербайджане относится к 1854 г. Подводя итог сказанному ранее, ученый писал: «Азербайджан, или Азербиджан, обширная страна между Арменией, Ирак-Аджомом и Курдистаном; Ширван, Гилян и Мазандаран лежат на восточных и южных ее границах, примыкая к Каспийскому морю.

Главный город страны - Табриз» (33, с. 2).

Призывая исследователей глубже заняться вопросом изучения языка древнего Азербайджана, упрекая иранское правительство за безразличие к исследованиям древних языков Азербайджана, М. Казем-Бек писал: «Очень интересно было бы сделать усердные исследования местных наречий Азербиджана, не сомневаюсь, что там можно найти много остатков древнего языка этой страны... К сожалению, персидское правительство не обращает на это внимания, там принципы патриотизма совершенно затерялись в принципах религии» (70, с. 29).

М. Казем-Бек серьезно занимался также вопросами религии и распространения зороастризма в Азербайджане. В связи с этим ученым затронуты вопросы бабекидского восстания. Он отмечает чисто религиозный характер восстания, обходя молчанием его антифеодальный характер. Называя участников восстания фанатиками, М. Казем-Бек не указал, что это была борьба против феодальной эксплуатации и ислама.

М. Казем-Бек дает отрывочные сведения о личности Бабека. «Успехи его были так велики, - писал он, - что в продолжение двадцати лет он угрожал власти халифов»: (37, с. 184). Он отмечал и «многократные победы его во главе отчаянных приверженцев над войсками Мутасима» (37, с. 185). М. Казем-Бек видел в Бабеке человека твердых убеждений и характера.

Бабека и Муканну Казем-Бек называл в числе многих других исторических личностей, «которые являлись на сцену истории и пролитием крови невинных жертв пролагали путь к славе или бесславию» (36, с. 4). Вместе с тем он высоко оценивал личные качества Бабека. Описывая его казнь, М. Казем-Бек восхищался его мужеством и стойкостью. Он с душевной болью говорит об издевательствах палачей над Бабеком, осуждает власти за жестокость и бесчеловечность наказания. «Для слуха европейца, - писал М. Казем-Бек, - был бы противен рассказ обо всем том, что делали с Бабеком его ожесточенные палачи, например, сперва мучили и разрывали на куски перед его глазами членов его семейства, его детей; потом отрезали один за другим члены его тела и терзали его всевозможными способами, какие только могли внушить бесчеловечие... а он до конца не изменил своему характеру, и все говорил, что он умирает ради истины» (37, с. 185).

Показывая мужество Бабека, Казем-Бек давал понять читателям, что только высокие и чистые идеи, стремление служить народу способны породить такую непреклонную стойкость.

Осуждение движений, возглавлявшихся Бабеком и Муканной, как будто говорит о безусловно отрицательном отношении М. Казем-Бека к революции, к движению народных масс. Однако характеризуя эти движения как «непобедимое зло», как параксизмы опасной болезни, М. Казем-Бек все же отмечает, что в них проявилось и разумное начало, которое он видит в стремлении преодолеть все трудности ради достижения свободы, составляющей назначение человека. Говоря о движении бабидов, ученый замечает: «Недавно мы видели явные попытки этого стремления и их результаты в бывших там смутах и волнениях» (45, с. IV).

Интересны исследования М. Казем-Бека о Кубе. В неопубликованных статьях «Водопровод в г. Кубе» и «Известия из Закавказья» ученый затрагивает ряд вопросов истории Кубинского ханства, расположенного между быстротечным и красивым Самуром с севера, Каспийским морем с востока, бакинскими и ширванскими землями с юга, «наконец, Шекинскими границами с Запада» (64). Он описывает земли Кубы как богатейшие во всем Закавказье, на исторических фактах показывает страдания города Кубы от войн между Ираном и Турцией. Строительство Шабранкалы он относит ко времени Шаха Аббаса I, а Худата - к началу второй половины XVII столетия. «Шабран, - писал М. Казем-Бек, - имя древнего города, от которого взял свое название целый округ в Кубинском уезде. Мы находим много монет Тохтамыш хана, вычеканенных в Шабране» (33, с. 9).

К значительным работам М. Казем-Бека относится изданный им в 1851 г. в Петербурге исторический труд «Дербент-наме», к которому он написал обстоятельное предисловие на английском языке¹. Обработке и изданию Дербент-наме ученый посвятил почти 12 лет. Детально изучая известные версии этого исторического труда, сравнивая имеющиеся варианты, он делал извлечения, давал подробные примечания и научные комментарии.

М. Казем-Бек познакомил нас с пятью списками (версиями) «Дербент-наме»: списком Берлинской Кайзеровской библиотеки, списком Королевской библиотеки в Париже, двумя списками Императорской публичной библиотеки в Петербурге и с собственным списком, полученным им из Дербента в 1839 г. от некоего Мирзы Керима, секретаря Ибрагим-Бека. Этот свой список М. Казем-Бек называет элегантным и великолепным.

Работе М. Казем-Бека над изданием «Дербент-наме» предшествовало кропотливое исследование им этого труда как исторического произведения. Ученый провел большую работу по изучению диалекта, на котором написан «Дербент-наме». Он отмечает, что все пять известных им вариантов «Дербент-наме» написаны на азербайджанском языке, причем в собственном варианте он пишет: «Стиль нашей версии значительно отличается как от той, так и от другой, написан на новейшем разговорном диалекте северных частей Азербиджана» («Дербент-наме». Предисловие).

¹ В одном из своих писем М. Казем-Бек писал: «Вы спрашиваете, почему я решил написать „Дербент-наме“ на английском языке. Я думал, что это будет лучше в отношении издания моей работы. Я озабочен всегда тем, как издать мои работы. Что касается перевода на русский или другие языки, то это всегда возможно сделать, если будет обеспечено издание» [83, ф. 776, оп. 2, № 104, л. 13, 13об.].

По его версии «Дербент-наме» впервые был переведен с азербайджанского на персидский в 1805 г. неким Алияром.

М. Казем-Бек тщательно изучил и труды Байера и Клапрота, работавших над «Дербент-наме» до него.

Как известно, вопрос об авторстве «Дербент-наме», о времени составления этого труда и о том, на каком языке он был впервые написан, долгое время являлся спорным. М. Казем-Бек на этот вопрос не дает прямого ответа.

По мнению Байера, «Дербент-наме» составлен Мухаммедом Аваби Акташи по указанию Гирей-хана. Такого же мнения придерживался и Клапрот. Идя дальше своих предшественников, М. Казем-Бек дает обстоятельное разъяснение, тщательно старается установить личность Семиз-Мухаммед Гирея, или Газы-Гирея, по инициативе которого Мухаммед Аваби составлял трактат о Дербенте.

Мухаммед Аваби написал свое произведение по указанию не крымского Гирей-хана, а местного хана Чобан-Бека, сына Шам-хала - потомка Гирей-хана, бывшего правителя Дагестана (их упоминают в «Гюлистан-Ирем» А. Бакиханов и в «Асари-Даге-стан» Гасан Эфенди Алкадари). Во всех пяти вариантах «Дербент-наме», которыми пользовался М. Казем-Бек, нет упоминания об авторе рукописи или о лице, по поручению которого она была составлена. Только по завершении работы М. Казем-Бек случайно обнаружил в Румянцевском музее рукопись «Дербент-наме» с предисловием автора. Но было уже поздно, М. Казем-Бек не успел воспользоваться этой рукописью и потому допустил ряд неточностей как в предисловии, так и в комментарии к «Дербент-наме».

Критический подход М. Казем-Бека к исследованиям Байера и Клапрота дал ему возможность выявить их ошибки и показать, к каким грубым недоразумениям может привести в исторической науке недостаточное изучение материала источников. В частности, М. Казем-Бек категорически отверг версии Байера и Клапрота о том, что в 1570 г. крымскими ханами якобы были завоеваны Эндери и Дербент. «Мы не находим в истории того, - писал М. Казем-Бек, - что такие-то ханы Крыма завоевали Эндери и Дербент. Это верно, что некоторые из этих ханов, в различные периоды и во главе своих храбрых татар, сопровождали оттоманские (турецкие) войска в Персии и более чем один раз посетили многие районы Дагестана на своем пути; но это все всегда без всякого чувства враждебности и без кровопролития, начиная от самих ханов и более ранним периодом, при котором это общение между Крымом и Дагестаном началось и было завершено в XVI столетии (1578 - 1583)». Однако, критикуя названных ученых, Казем-Бек сам допускает серьезную ошибку: во всех походах Османской Турции крымские ханы принимали активное участие не в качестве проводников турецких войск, а как самые деятельные союзники турецкого султана. Так было во время военных действий между Турцией и Россией в 1569, 1637 - 1642, 1677 - 1678 гг., в которых крымские ханы принимали непосредственное участие (213, с. 4), так было и во время походов турецких завоевателей на Азербайджан.

В 1554 г., когда турецкие войска под командованием Санан-паши ворвались в Ширван, крымский хан по указанию султана Селима принимал деятельное участие в ограблении и опустошении страны. В 1578 г. турки воспользовались внутренним ослаблением Сефевидского государства и вновь вторглись в Азербайджан. Стотысячная армия Мустафы Лала-паши заняла большую территорию Закавказья. В сражении у р. Ахсу на стороне Осман-паши участвовали войска Адиль-Гирея, брата крымского хана Мухаммед-Гирея, который потерпел поражение и сдался в плен (223, ч. II, с. 258 - 259).

В 1584 - 1588 гг. турецкие войска совершили несколько походов на Азербайджан, и во всех этих походах участвовали сыновья крымского хана Мухаммед-Гирея - Газы Гирей-Султан и Сефи Гирей-Султан (106, с. 86), из которых первый в битве под Шобераном попал в плен, а второй потерпел поражение и укрылся в Дагестане.

Отметим большую работу, проведенную ученым по установлению времени создания «Дербент-наме» и проникновения его в Европу и Россию. «Первый манускрипт Дербент-наме, или история Дербента, - писал М. Казем-Бек 23 ноября 1850 г. - известный европейским ученым, был поднесен императору Петру I в бытность его в Дербенте 23 августа 1722 г. Рукопись сия была отослана его величеством в Коллегию Иностранных Дел и первое известие о ней и о части ее содержания было сообщено ученому свету тогдашним академиком Байером» (89, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15510, св. 1078, с. 181).

Сообщение М. Казем-Бека по данному вопросу также требует уточнения. Факт о том, что рукопись «Дербент-наме» была поднесена Петру I 23 августа 1722 г. дербентским наибом Имам-Гулиханом, подтверждается официальными источниками. Сохранилось письмо Петра I от 2 июля 1722 г., адресованное казанскому наместнику, где было приказано распорядиться о снятии копии с

татарских (адербайджанских. - *А. Р.*) и армянских подписей и о переводе их на русский язык. Это приказание было выполнено Кадырмаметом Сюнгалиевым, Юсупом Игибулатовым и Иваном Васильевым. Кроме того, при Петре I находился со своей походной типографией молдавский князь Дмитрий Кантемир, который владел персидским, турецким и другими языками. Он составил обращение (манифест) Петра I к населению Закавказья на трех языках, принимал активное участие в деле собирания восточных рукописей; которыми лично интересовался Петр I. Тот же Кантемир перевел указанную рукопись на латинский язык. Все эти материалы, а также петровский вариант «Дербент-наме», по-видимому, после смерти Кантемира (21 августа 1723 г.) попали в Коллегию Иностранных Дел, где ими мог воспользоваться академик Байер.

Что касается М. Казем-Бека, то он, очевидно, не знал даже о существовании латинского перевода «Дербент-наме» и потому вынужден был ограничиться сообщениями Байера.

Автор перевода «Дербент-наме» на французский язык Юлий Клапрот в 1829 г. сделал извлечение из рукописи не только по списку Берлинской библиотеки, как указывает М. Казем-Бек, но и по парижскому списку этой рукописи. Из воспоминаний самого Клапрота, совершившего в 1807 - 1809 гг. кавказское путешествие, видно, что он был знаком с «Дербент-наме» по бумагам Байера и содержанием другой рукописи «Дербент-наме», принадлежавшей немецкому востоковеду Дицу. Академик В. В. Бартольд предполагает, что варианты рукописей Байера и Дица остались у Клапрота и, по-видимому, исчезли после его смерти в 1835 г. (112, с. 49).

Работа над «Дербент-наме» принесла М. Казем-Беку заслуженную славу. Английский вариант истории получил мировую известность. В сентябре 1851 г., вскоре после выхода книги из печати, ученый был награжден золотой медалью королевы Британии. В том же году журнал «Современник», придавая большое значение изданию «Дербент-наме», писал: «Так как ориенталисты давно желают иметь хорошее тюркское издание Дербент-наме, то Академия приняла с большим удовольствием предложение своего корреспондента г. Казем-Бека напечатать... приготовленное им издание этой поэмы с английским переводом и критическими замечаниями» (272, 1851, т. XXVI, с. 201).

Особое значение М. Казем-Бек придавал изучению и исследованию ориенталистами России азербайджанского языка. В «Общей грамматике турецко-татарского языка» он отмечал особое изящество азербайджанского литературного языка.

«Журнал Министерства народного просвещения» в 1843 г. писал, что «татарско-дагестанское наречие по грубости словопроизведения и по неправильности изменения форм очень приближается к северным татарским диалектам и далеко не имеет той гибкости и благозвучия, которыми отличается наречие адербиджанское» (251, 1843, ч. 40, с. 86 - 87). Стиль изложения, а также то, что до М. Казем-Бека никто не упоминал об азербайджанском языке в русской литературе, дает нам возможность определить, что цитата, опубликованная без указания автора, принадлежит М. Казем-Беку.

М. Казем-Бек категорически выступал против смешивания турецкого и азербайджанского литературных языков в учебниках по литературе. В отзыве на «Хрестоматию и словарь» Будагова он вновь обратил внимание на этот вопрос: «Каждая часть хрестоматии должна быть, по моему мнению, разделена на два отделения: первое, содержащее в себе статьи чисто адербиджанского наречия, второе - заключающее в себе статьи турецкого языка, с соблюдением строгой постепенности в переходе с одного в другой...» (89, ф. 14, оп. 1, д. 4681, л. 123).

В «Плане ученого путешествия», уделяя особое внимание изучению магистрами азербайджанского языка, он писал, что, посетив сперва Адербиджан, молодые путешественники могут упражняться в адербиджанском турецком наречии, и тем обогатить свои сведения, уже приобретенные в Казанском университете, в наречиях тюркских, более приспособят себя к скорейшему изучению чистого и высокого турецкого идиома» (12, с. 6).

Особая заслуга принадлежит М. Казем-Беку в деле организации преподавания азербайджанского языка в Казанском, а затем Петербургском университетах. Будучи руководителем кафедры турецко-татарского языка, он 22 сентября 1849 г. внес следующее предложение в Совет Казанского университета: «Учреждение кафедры турецко-татарского языка при Казанском университете, в центре татарского народонаселения России, безусловно, принадлежит к числу замечательнейших улучшений... но опыт доныне не успел еще получить надлежащего развития, и кафедра турецко-татарского языка остается не вполне удовлетворяющей потребности как науки, так и практического приложения... Определило иметь в Казанском университете воспитанников Закавказского края для занятия восточными языками. Этим слушателям, предназначенным к службе в Закавказье, необходимо знание местного адербиджанского наречия, составляющего единственный общий народный язык Закавказья, а следовательно, и необходимо преподавание этого наречия в Казанском университете» (936, № 977, д.

9295). Предложение М. Казем-Бека было поддержано ректором университета Н. И. Лобачевским и Советом университета (936, д. 586).

Такое же предложение было внесено ученым и в Совет Петербургского университета. При составлении проекта устава предполагаемого Азиатского института М. Казем-Бек также внес свои предложения о необходимости преподавания азербайджанского языка (183, т. I, с. 46).

М. Казем-Бек является издателем первой научной грамматики азербайджанского языка. А изданные им «Грамматика турецко-татарского языка» (1839) и «Общая грамматика турецко-татарского языка» (1846) стали настоящим явлением в науке, составив важный этап в истории грамматической разработки турецкого языка в России (165, с. 206). На этой «Грамматике» воспитывалась блестящая плеяда как русских, так и западноевропейских востоковедов, преподавателей и лекторов восточных языков.

Академик Дорн, отмечая роль М. Казем-Бека в деле популяризации азербайджанского языка, писал, что «Грамматика... была для России давно ощутительною потребностью, и надобно было именно желать, чтобы труд сей был предпринят уроженцем Востока, который соединяет в себе европейское образование с природным знанием языка, был, так сказать, с колыбели посвящен во многие тонкости языка, ускользающие и от самого прилежного и внимательного европейца» (148, с. 84 - 85).

Продолжая свои мысли о «Грамматике» и вкладе ее автора в развитие тюркских языков, Дорн писал: «... он не только знал совершенно потребности своих слушателей, но еще, по положению своему, мог скорее других пополнить пропуски прежних издателей турецких и татарских грамматик, исправить в них погрешности, проверить и ближе определить разные в них неверности или неточности в определениях, собирать справки и дать новые важные пояснения касательно различных наречий татарского языка. От него-то именно можно было ожидать турецко-татарской грамматики в надлежащем виде ее» (148, с. 85).

Особое внимание Дорн обратил на исследования М. Казем Беком азербайджанского языка. Отмечая эту заслугу М. Казем Бека, Дорн писал: «Особенной признательности знатоков заслуживают поучения о дербентском, а еще более о доселе почти вовсе неизвестном, но теперь выясненном Мирзою Казем-Беком, азербиджанском наречии, потому что оба имеют довольно особенностей, поощряющих к дальнейшим изысканиям, и преимущественно азербиджанский, весьма важный для наших кавказских училищ. Можно даже по справедливости сказать, что одни замечания, сообщаемые Казем-Беком об этом наречии, уже придают его книге особенное достоинство... Мы получили здесь турецко-татарскую грамматику, которой не колеблясь даем преимущество перед всеми доселе изданными грамматиками». Эта грамматика, по заключению Дорна, «есть важное явление на поприще азиатской литературы в России» (148, с. 86, 87).

М. Казем-Бек своей «Грамматикой» дал мощный толчок к дальнейшим исследованиям в области изучения грамматики азербайджанского языка. Все авторы последующих работ по научной грамматике азербайджанского языка придерживались метода изложения М. Казем-Бека.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ

Ученики и последователи М. Казем-Бека

М. Казем-Бек является видным представителем отечественной педагогической мысли. Его мысли о воспитании, учебном процессе, особенно об организации высшего университетского образования, составили яркую страницу в прогрессивной педагогической науке XIX в. Многие его мысли по педагогике по своей оригинальности и жизненности и сегодня не утратили своего научного значения.

Главным в педагогической деятельности и педагогических идеях М. Казем-Бека было его отношение к вопросам образования и воспитания, подготовки высококвалифицированных специалистов. Он подходил к ним не узковедомственно, а считал делом большой государственной важности. Ученый ясно понимал, что одним из основных стимулов дальнейшего развития науки является стремление не развивать ее односторонне, не готовить кадры по узким специальностям, а вести наступление широким фронтом, готовить кадры широкого профиля для всех отраслей, людей смелых, всесторонне развитых.

Вопросы науки, просвещения, воспитания, образования, особенно университетского, М. Казем-Бек рассматривал не только как сугубо учебный процесс, замкнутый в университетских стенах; он неразрывно связывал эти вопросы с дальнейшим развитием экономических, социальных, культурных отношений России.

Развитие в России педагогических идей, их прогрессивная направленность, глубокие и неизгладимые черты ломоносовской традиции оказали положительное влияние на развитие и эволюцию педагогических идей М. Казем-Бека. Особенно глубокие следы в его мировоззрении оставило прогрессивное и демократическое педагогическое движение 60-х годов, которое было частью общественного движения России.

Во всех трудах и выступлениях М. Казем-Бека красной нитью проходит мысль о том, что Россия в вопросах науки и просвещения должна стоять в одном ряду с передовыми странами Западной Европы. В качестве первоочередной задачи он выдвигал необходимость подготовки высококвалифицированных кадров, особо оценивая роль в этом Петербургского и Казанского университетов. «С.-Петербургский и Казанский университеты, писал он, - в своих восточных отделениях с 1835 года производили молодых ориенталистов с отличными познаниями по всем отраслям восточных наук, что ясно видно из реестра профессоров, магистров и докторов, которых имена делают честь не только этим заведениям, но и нашему отечеству» (183, т. I, с. 481).

Вопросы подготовки кадров М. Казем-Бек тесно связывал с жизнью и будущностью России. «Нужда эта (в кадрах. - *А. Р.*) увеличивается ежегодно, - писал он, - по мере распространения цивилизации в нашем отечестве, по мере нашего сознания в наших экономических нуждах, в наших торговых интересах» (183, т. I, с. 484). В других своих докладных записках на имя ректора Петербургского университета и министра народного просвещения М. Казем-Бек высказывался за прием в вузы абитуриентов не по званиям и чинам, а по их даровитости, талантливости.

Он пошел в этом вопросе еще дальше, указав, что стипендиаты должны выбираться из числа самых отличных и преимущественно бедных слушателей (183, т. I, с. 492), а позже он выдвигал и идею подготовки специалистов из других национальностей.

В одной из своих записок М. Казем-Бек ходатайствовал, как декан факультета восточных языков Петербургского университета, чтобы административные и судебные должности в Сибири, Закавказье, Оренбургском, Туркестанском и Астраханском краях были постепенно замещены выпускниками факультета (193, т. 2, с. 57 - 58).

План научного путешествия, составленный М. Казем-Беком для трехлетнего путешествия по странам Ближнего и Среднего Востока для магистров Казанского университета Березина и Диттеля, является примером рационального научно-педагогического подхода к подготовке высококвалифицированных востоковедов и заботы о будущности отечественного востоковедения. План предусматривал посещение магистрами Ирана, Сирии, Палестины, Египта и Турции. Казем-Бек привлекал внимание путешественников наряду с усовершенствованием в языках к изучению исторических памятников - развалин «Вавилона, Ктезифона, Пальмиры, Персеполиса. Казеруна и Шанура, памятников времени фараонов». На путешественников возлагалась обязанность посещать медресе и академии, публичные и частные библиотеки, составлять аннотированные каталоги

литературы, а из наиболее ценной делать выписки, по возможности снимать копии, производить лингвистические розыски о разных наречиях. Особое внимание обращалось на восточные источники, содержащие сведения об истории, географии и этнографии России. Магистрам предписывалось заниматься изучением религии и сект. Им поручалось приобретение важных рукописей, книг, монет и других редкостей, могущих иметь какое-либо отношение к археологии, истории, статистики и нумизматике Востока, снятие копий или оттисков с надгробных камней знаменитых лиц, для проверки темных фактов хронологии, а также собирание семян растений, особенно свойственных разным климатам и полосам Азии (12, с. 37).

Научное путешествие магистров прошло успешно. Впоследствии И. Н. Березин в отчете о поездке с благодарностью упоминал данные ему М. Казем-Бекем наставления и рекомендательные письма на имя авторитетных восточных ученых, избавляющие путешественников от необходимости блуждать на удачу и ощупью отыскивать предметы (251, 1847, т. LV, с. 23).

Характерной чертой педагогических идей и педагогической практики М. Казем-Бека является их демократическая направленность, оставившая глубокий след в деле организации университетского образования.

Изучая педагогическое наследие М. Казем-Бека, его вклад в подготовку востоковедов широкого профиля, отметим, что составленные ученым учебные программы, учебники, учебные пособия, организационная четкость его педагогического и методического стиля, поощрение самостоятельной научной работы и занятий студентов, высокие требования к профессорам и всем преподавателям в организации учебного процесса, направленность, целеустремленность, плановость, научность преподавания, осознание роли материальной базы в развитии образования и, наконец, правильное и рациональное использование выпускников высших учебных заведений наряду со многими другими важнейшими вопросами педагогики, разработанными М. Казем-Бекем, сыграли большую роль и до сих пор не потеряли своей актуальности.

Учитывая богатый опыт М. Казем-Бека в составлении научно обоснованных учебных планов и его навыки в разработке методик преподавания восточных языков, М. Казем-Беку и Ф. Эрдману было поручено составить методические пособия и программы для преподавателей арабского, персидского и турецко-татарского языков. Представленные обоими учеными проекты преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии были направлены в Академию наук. О. И. Сенковский в своем отзыве писал, что проект Эрдмана «слишком общий, нуждается в приличном развитии... О плане М. Казем-Бека нельзя, по моему мнению, сказать ничего другого, кроме полной похвалы, которой он заслуживает во всех отношениях» (94, ф. 733, т. 38, арх. № 29, л. 45 - 47).

Представленный М. Казем-Бекем проект в дальнейшем был одобрен министром народного просвещения и издан в качестве учебной программы и методического пособия под названием «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков в Первой Казанской гимназии, составленное адъюнкт-профессором Мирзою Александром Казем-Бекем». Аналогичное методическое пособие и программа М. Казем-Бека были составлены для Астраханской и Тифлисской гимназий. По «Распределению» К. Казем-Бека восточные языки в Казанской гимназии преподавались в течение 15 лет.

М. Казем-Бек с первого курса привлекал студентов к составлению грамматик, хрестоматий и словарей. О трех своих одаренных студентах - В. Михайлове, М. Навроцком и А. Смирнове он писал: «Заметив их способности и многократными опытами заранее убежденный в будущих их заслугах ученому свету, я со времени поступления их в университет упражнял в разных отраслях знаний, относящихся к предметам, ими избранными для изучения. В 1842 г. я предложил им заниматься во время досугов составлением словаря персидско-арабско-турецко-русского, в котором нужда отечественного юношества до сих пор так ощутительна. Для достижений этой цели я снабдил их всеми нужными пособиями» (93б, ф. 977, ед. хр. 505, л. 1). Впоследствии студенты включили в словарь также и французский язык.

Будучи деканом факультета восточных языков Петербургского университета, М. Казем-Бек требовал от всего профессорско-преподавательского состава составления конкретных планов лекций, с тем чтобы студенты смогли получить максимум пользы от пройденного материала и могли применить полученные знания в жизни. В вопросе составления планов М. Казем-Бек был примером для всего педагогического коллектива факультета.

Пристальное внимание уделял он и научной работе студентов, требовал подготовки глубоко научных рефератов и дипломных работ, заботливо работал над научными трудами студентов, внимательно исправлял ошибки, писал отзывы, давал советы, выступал за проведение конкурсов на лучшую студенческую работу. Характерным является отзыв М. Казем-Бека на

научный отчет Спасского-Автономова, служившего в 1865 г. в Тегеране, в Русском посольстве. Отзыв был строгий и содержал требование к автору пересмотреть свое отношение к разрабатываемому им вопросу.

Спасский-Автономов, не зная имени строгого рецензента, выразил несогласие с рецензией, однако, узнав его имя, он направил в Петербургский университет письмо следующего содержания: «... допустил себя сделать против неизвестного, показавшегося мне несколько строгим рецензентом моих отчетов, который был не кто иной, как глубоко мною уважаемый бывший мой наставник Александр Касимович Казем-Бек, имя которого пользуется справедливою репутациею лучшего авторитета во всем, касающемся мусульманского Востока и Персии преимущественно. Я еще не успел сделать ничего достаточного на этом поприще, чтобы вступать в полемику с таким опытным бойцом...» (89, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15503, св. 1078, л. 231).

10 января 1870 г. М. Казем-Бек подготовил разбор двух диссертаций, поступивших по кафедре персидской словесности, на заданную тему: «Полная оценка Шах-наме знаменитого Фирдоуси в литературном и историческом отношениях». Высоко оценивая рецензируемые работы, М. Казем-Бек заключил, что эти труды могут быть «после исправленного издания... отличным руководством для исследователей персидской словесности» (89, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15535, св. 1079) и ходатайствовал перед факультетом восточных языков о награждении авторов золотую медалью.

Значительный интерес для педагогики представляют подготовленные М. Казем-Бекон темы студенческих работ и кандидатских диссертаций, в частности предложенная им 5 февраля 1863 г. «Тема для диссертации на получение медали по персидской словесности» (89, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15449, св. 1077).

Много волнений вызывали у М. Казем-Бека заботы об оканчивающих высшие учебные заведения. «Многие наши кандидаты-магистры и даже доктора, - писал он, - по необходимости должны были предать забвению приобретенные ими познания и искать себе круг деятельности по другим дорогам» (183, т. 1, с. 473). 20 января 1864 г. он пишет записку министру народного просвещения «О затруднительном положении многих молодых людей, оканчивающих с успехом курс в восточном факультете здешнего (Петербургского. - *А. Р.*) университета и не имеющих случая применять к делу приобретенные знания» (183, т. 1, с. 456). Безответственное отношение властей приводило к тому, что «познания их, а иногда и замечательные способности пропадали без всякой пользы» (183, т. 1, с. 461).

М. Казем-Бек опасался, что такое бездушное отношение к кадрам поведет за собой закрытие высших учебных заведений, и еще в 1858 г. сообщал Министерству народного просвещения об этом своем опасении: «... одна из главных причин подачи мною, в качестве декана факультета восточных языков, в июле 1858 г. записки, из которой я имел честь представить выше выписку, было опасение, что пренебрежение этим вопросом поведет наш факультет к такому же упадку, который мы испытали в судьбе отделения восточных языков при Казанском университете» (183, т. 1, с. 487 - 488).

М. Казем-Бек обвинял правительство в неправильном использовании выпускников высших учебных заведений, ставил ему в вину беспечность, бездушность и бездеятельность. «Меры, предуказанные правительством, - писал он, - для достижения предназначенной цели, оставались безуспешными. Мера сия заключается... в употреблении... молодых ориенталистов, приобретших хорошие и отличные познания, по Министерством: народного просвещения, иностранных дел, внутренних дел и финансов (к сему мы должны прибавить еще и Министерство государственных имуществ и Министерство юстиции...). Но оно существовало до сих пор только на бумаге: Министерство ни одного успешного шага не сделало в этом деле» (183, т. 1, с. 460 - 461).

В этой же записке Казем-Бек вновь напоминал, что «потребность государства в успешном и стройном развитии знаний по части восточных языков и стран, особенно при нынешнем положении вещей и при нынешнем значении России, быстро возрастает» (94, ф. 733, оп. 147, ед. хр. 205, л. 49 об.). Ученый напоминал, что развитие и размах изучения восточных языков тесно связаны с общим развитием наук и цивилизации в России, что развитие востоковедения неразрывно связано с экономическими нуждами и торговыми интересами самой России. Он требовал, чтобы вопрос правильного распределения специалистов был рассмотрен безотлагательно и не как частный вопрос, а как вопрос государственной важности. Бросая прямой вызов руководству министерства, обвиняя его в бездеятельности в деле правильного распределения молодых специалистов, наносящей ощутимый удар делу подготовки специалистов-востоковедов, М. Казем-Бек называл эти действия предрассудком, суевием и несознательным

деспотизмом¹.

Идеи М. Казем-Бека о подготовке высококвалифицированных востоковедов наряду с изданием учебников и учебных пособий неразрывно были связаны с организацией библиотечного дела, с подготовкой и изданием библиографий и каталогов по Востоку. Проблемам создания и деятельности библиотек, пополнению и обработке их фондов, составлению библиографий и каталогов, квалификации библиографов посвящены две статьи М. Казем-Бека в журналах «Современник» и «Отечественные записки». Обе работы представляют определенный интерес. Изучение их не только позволяет раскрыть ряд неизвестных страниц творчества М. Казем-Бека, но проливает свет на ряд неизвестных страниц истории русских библиотек, на заслуги ряда видных ученых, заложивших основу русского библиотечного дела и русской библиографии, прослеживает этапы развития российского библиотековедения в течение длительного периода русской истории, закономерность развития библиотечного дела, выявляет прогрессивные черты и тенденции библиотековедения в России. Характеристики М. Казем-Бека отличаются детальностью и точностью. Его сведения об основных библиотеках Западной Европы, истории их создания и комплектования поражают обилием фактического материала.

Названные статьи М. Казем-Бека являются своего рода библиографическим обобщением с конкретными выводами. Особенно ценны эти статьи в части освещения пройденного пути, в деле создания восточных фондов библиотек Западной Европы и России. Цель ученого в обеих работах - не только изучение, исследование библиотечного дела, но и (более важная) - пропаганда на страницах популярных русских журналов идей о важности и необходимости для России изучения Востока, его истории, литературы, культуры и тесных связей с Россией, в ознакомлении русского читателя с шедеврами Востока, классиками восточной литературы, в возбуждении интереса к сокровищницам Востока.

М. Казем-Бек четко определяет свое отношение к книгам, книгопечатанию, их сохранности, к внешнему оформлению и систематизации в библиотеках. Ученый прослеживает влияние книги на просвещение и развитие науки, смотрит на книгу как на зеркало культурной, научной и общественной жизни страны, уделяет внимание вопросам статистики произведений печати, истории русского и западноевропейского книгопечатания. Издание и обнародование книги, в частности через библиотеки, М. Казем-Бек тесно связывает с растущей потребностью развития просвещения и науки в России в середине XIX в.

Особого внимания заслуживает отношение М. Казем-Бека к рукописным книгам, «этим богатым сокровищницам ума человечества, которые передавались из рода в род, из колена в колена, из государства в государство, наконец, из века в век...» (260, 1852, т. XXXI, № 3, с. 3).

Определяя отношение народа к рукописным книгам, Казем-Бек писал: «... рукописные книги всегда составляли драгоценность во всяком периоде истории народного образования, любовь к этой драгоценности заставляла людей, в разные периоды, собирать книги, сберегать их с самой утонченной осторожностью и находить в них предметы душевных наслаждений, пищу для сердца и ума, врачевание для душевных болезней» (260, 1852, т. XXXI, № 3, с. 3).

В связи с развитием книгопечатания и увеличением количества периодических изданий остро ощущалась необходимость научной организации библиотечного дела, систематизации, составления библиографий и каталогов для этих библиотек. М. Казем-Бек рассматривал библиотеку как драгоценный храм науки, как первое хранилище богатства народного просвещения (27, с. 1). Он гордился величиной, богатством, разнообразием Петербургской публичной библиотеки и, сравнивая ее с библиотеками подобного рода в мире, отдавал предпочтение Петербургской, которая «заставит всякого просвещенного русского чтить ее и гордиться ею», этой сокровищницей народного образования (27, с. 1, 3).

Казем-Бек особо высоко ценил Петербургскую библиотеку за богатство ее рукописного фонда - «редких книг, рукописей и инкунабулов, который ни в чем не уступает коллекциям других в Европе библиотек, а, напротив, во многом превышает их... По каллиграфическим достоинствам (что составляет главнейшее условие ценности рукописей на Востоке) она имеет перевес над всеми другими собраниями рукописей в Европе» (27, с. 6).

¹ Вызывает сожаление тот факт, что предложение М. Казем-Бека об обязательном распределении специалистов-востоковедов, выпускников факультета восточных языков, по ведомствам не нашло поддержки со стороны известного востоковеда Н. Ханькова, который писал, что «мнение покойного Л. Г. Сеньявина (чиновника МИД России. - А. Р.), что определение этих ориенталистов на службу не должно быть ни для какого ведомства обязательным, мне вовсе не кажется так чудовищным, как г. Казем-Беку, и, отдавая полную справедливость благородному источнику его заботливости о молодых людях, посвящающих себя тому поприщу, на котором он сам снискал уважение и известность, я должен сказать, что требовать от правительства, чтобы оно и учило молодых людей, и по окончании учения обеспечивало их карьеру, неосуществимо в действительности» [183, т. 1, с. 513].

В связи с растущими фондами библиотек Казем-Бек на передний план выдвигал проблему составления научно обоснованных библиографий и каталогов. Он рассматривал библиографию не абстрактно, не в отрыве от истории ее развития как в России, так и в Западной Европе, но в связи с обобщением исторического опыта и фактического материала. Ученый выдвигал идею составления идеальной библиографии, которой должна быть присуща полнота, точность, объективность и удобства пользования.

М. Казем-Бека в первую очередь, безусловно, интересовали вопросы составления и издания каталогов по Востоку. «Каталог... - писал он, - необходимый ключ к библиотеке» (27, с. 10). «Каталог, по настоящему своему значению, есть ключ к сокровищам науки, указатель ее сокровенных тайн. Следовательно, библиотека без каталога с пользой существовать не может: она была бы похожа на немое, не имеющего способа передать свои мысли его окружающим, на богатый цветник в темную ночь» (27, с. 18).

Продолжая эту мысль, М. Казем-Бек писал, что если «неизвестность умственных произведений, хранящихся в стенах библиотек, лишает ученый свет возможности знать их содержание, достоинство и даже заглавие, то издание каталога делается уже важной необходимостью» (27, с. 27).

Ученый категорически отвергал ошибочное мнение о техническом характере каталогов, обосновывал творческий характер каталожного дела и необходимость научного подхода к этой сложной и довольно трудоемкой работе, требующей усилий многих ученых, работающих в конкретных областях науки. Для Казем-Бека составление и издание библиотечных каталогов было научно-исследовательской работой. Он ставил вопрос о придании каталогу «общего ученого характера и единства системы» (27, с. 12), с тем чтобы «сделать его сообразным с современным движением науки» (27, с. 13), однозначно утверждал, что «каталог есть принадлежность семейства науки - книгохранилища, библиотек» (27, с. 20).

Каталоги хороши, когда их составлением занимаются ученые, знатоки своего дела. «Это академическое занятие, - писал М. Казем-Бек, - которое требует долговременного труда... много терпения и усидчивости... подвиг, который, конечно, может быть понятен только истинно ученому....» (27, с. 26).

Какие требования к составителям каталогов по Востоку предъявлял М. Казем-Бек? Он считал необходимым, «чтобы участники в труде были отличные ориенталисты, сведущие в библиографии Востока, чтобы они были знакомы с делом библиогнозии. Эта наука довольно важна в наше время для внутреннего и внешнего устройства богатых книгохранилищ... чтобы деятели такого ученого поприща принадлежали к самой библиотеке» (27, с. 30). Одним из главных требований к составителям М. Казем-Бек считал необходимость «придумать все средства к облегчению при отыскании сочинений» (27, с. 14).

Значительное внимание ученый уделял вопросу о необходимости выступления ученых в периодической печати по проблемам библиографии, с библиографическими сведениями, которые могут «послужить прекрасным руководством ко многим полезным источникам...» (27, с. 26). Наиболее важным считал Казем-Бек издание систематических сборников, календарей по библиографии: «Для науки было бы значительным приобретением составление и издание вроде ежегодного календаря или реестра выходящих каталогов вообще, так, чтобы в каждое десятилетие издан был свод всех вышедших изданий» (27, с. 26).

Ценность рассмотренных нами двух статей М. Казем-Бека заключается еще в том, что они были написаны тогда, когда в России не было ни одного методического руководства по вопросам составления каталогов, отсутствовали руководящие принципы научной библиографии. Эти работы являются весомым вкладом в историю русской библиографии.

Ведущую роль М. Казем-Бека в деле подготовки замечательной плеяды русских востоковедов, его умение подбирать молодых талантливых людей, заранее предвидя их преданность науке, кропотливую и терпеливую работу с ними отмечали все историки востоковедной науки. «Журнал Министерства народного просвещения» еще в 1869 г. отмечал, что «декан факультета восточных языков С.-Петербургского университета А. К. Казем-Бек, по ученым трудам своим и по числу своих учеников, приобрел право считаться патриархом ориентализма в нашем Отечестве» (251, 1869, март 1869, ч. 142, с. 22). А один из первых и талантливых учеников Казем-Бека, И. Н. Березин, писал, что «для любознательного слушателя этот профессор составлял неистощимый запас знания по всем отраслям востоковедения с точным и верным ответом на всякий запрос. Не только студенты, но и известные ученые - академики и профессора обращались

к Казем-Беку за разъяснениями своих недоразумений; доказательство этому можно найти в разных статьях Дорна, профессоров Хвольсона, Васильева и других» (121, с. 127).

Другой современник М. Казем-Бека, В. В. Григорьев, который также считал себя учеником Казем-Бека, писал, что «никто из профессоров восточных языков в России не имел удовольствия видеть стольких учеников своих деятелями на том и на другом поприще (научном и дипломатическом. - *А. Р.*)» (138, с. 257).

Заслуги М. Казем-Бека в подготовке высококвалифицированных востоковедов отмечало и последующее поколение историков науки. В. В. Бартольд писал, например, что «Сенковский и Казем-Бек своими лекциями создали русское востоковедение; почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками одного из этих двух ученых или учениками их учеников» (114, т. IX, с. 467 - 468). Еще более высокую оценку педагогической деятельности Казем-Бека в части умения подбора и подготовки востоковедов дал академик А. Н. Кононов: «Научная и организационная деятельность Казем-Бека и его учеников, среди которых были такие известные впоследствии востоковеды, как, например, И. Н. Березин, И. Н. Холмогоров, М. Т. Навроцкий, К. Ф. Голстунский, во многом содействовала созданию той новой русской школы, которая во второй половине прошлого века прочно заняла ведущее место в мировом востоковедении» (165, с. 232). Выдающийся советский арабист И. Ю. Крачковский отмечал, что «количество его (Казем-Бека. - *А. Р.*) учеников по факультету и разным курсам восточных языков было велико...» (170, с. 127).

Среди воспитанников М. Казем-Бека И. Н. Березин называет известных русских востоковедов профессоров К. К. Фойгта, О. М. Ковалевского, А. В. Попова, А. М. Иванова, В. Ф. Диттеля, В. П. Васильева, И. Н. Березина, М. Т. Навроцкого, И. П. Холмогорова, Н. И. Ильминского, В. Ф. Гиргаса, Д. Митчеля и др. (121, с. 127). Каждый из перечисленных ученых внес значительный вклад в развитие востоковедения в России, именами их по праву гордится отечественное востоковедение.

Говоря о русских востоковедах, воспитанных М. Казем-Беком, необходимо отметить, что «едва ли не наиболее крупной фигурой из его казанских учеников, вошедших в состав нового факультета (Петербургского университета. - *А. Р.*), был тюрколог И. Н. Березин... Он не только хорошо владел арабским языком, но и оставил несколько научных работ по арабистике. Типичный представитель героического периода нашего востоковедения, когда можно было объединить специальные знания по меньшей мере в трех областях тюркологии, арабистики, иранистики, а частично и монголоведения, он внес из первой половины XIX в. романтическую настроенность нашего раннего ориентализма и очень широкую литературную образованность» (170, с. 127). Другой видный историк востоковедения - А. Ю. Якубовский отмечал, что «И. Н. Березин как востоковед вышел из казанской школы, был учеником... азербайджанца, ираниста А. К. Казем-Бека, который был своеобразной и интересной фигурой» (230, с. 56).

Илья Николаевич Березин (1818 - 1896) был востоковедом широкого профиля, он не замыкался в узких рамках одной отрасли науки, как и его учитель. «Ориенталист того поколения, к которому принадлежал И. Н. Березин, не мог быть только специалистом, не мог тоже ограничиться чисто филологическими и лингвистическими задачами; предметом его интереса был Восток в целом, настоящее и прошлое восточных народов...» (114, т. IX, с. 737).

После окончания факультета восточных языков Казанского университета И. Н. Березин по «Плану ученого путешествия по Востоку», составленному М. Казем-Беком, совершил вместе с магистром Диттелем трехлетнее путешествие по странам Востока. В 1840 г. под научным руководством своего учителя он защитил магистерскую диссертацию. В Казанском университете читал историю тюркских племен и историю турецкой литературы. В 1855 г., с открытием факультета восточных языков в Петербургском университете, по предложению М. Казем-Бека был переведен туда, где кроме турецкого языка читал курс «Введение в историю турецкой литературы». Будучи специалистом широкого профиля, И. Н. Березин занимался также вопросами арабской диалектологии. Он оставил богатое научное наследие, являясь также издателем (и переводчиком) «Библиотеки восточных историков», «Сборника летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина», «Истории Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины», 16-томного «Русского энциклопедического словаря», «Турецкой хрестоматии» и многого другого. Значительная роль принадлежит Березину в деле изучения и опубликования документов золотоордынских и крымских ханов, описания турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках Петербурга.

Большой заслугой И. Н. Березина является то, что он первым в России привел в печати слова из «Коммунистического манифеста». И. Н. Березин поддерживал тесные связи с прогрессивными деятелями русского народа, был другом Н. Г. Чернышевского, который считал его одним из лучших профессоров Петербургского университета (171, с. 37). По свидетельству М. А. Ан-

токольского, И. Н. Березин поручил кому-то предупредить Н. Г. Чернышевского, что ему угрожает арест (101, с. 90).

И. Н. Березин был учителем Н. Я. Марра, Н. Ф. Катанова и В. Л. Смирнова.

Среди учеников и воспитанников М. Казем-Бека «подавал надежды перекочевавший из Казани ученик Казем-Бека В. Ф. Диттель» (170, с. 112).

Вильям Францевич Диттель (1815 - 1848) после успешного завершения обучения на факультете восточных языков и защиты магистерской диссертации (1840) вместе с И. Н. Березиным совершил трехлетнее путешествие по странам Востока. По возвращении исполнял должность экстраординарного профессора Петербургского университета по кафедре турецкого, а с 1847 г. и арабского языков. Несмотря на раннюю смерть, В. Ф. Диттель оставил ряд ценных работ по вопросам востоковедения. Итоги его путешествия были опубликованы в журнале «Библиотека для чтения» (№ 5 - 6). Интересны и оригинальны его работы о курдах, а также перевод статьи «Состояние литературы в Турции с начала XIX столетия» (251, 1837, ч. XIII, № 4).

Заметный след в русском востоковедении оставил Михаил Тимофеевич Навроцкий (1823 - 1871), заметная фигура в петербургской арабистике (170, с. 134), который прошел курс Первой Казанской гимназии (1835 - 1842), где преподавались восточные языки, и университета (1842 - 1846), где его главным учителем был Казем-Бек. В 1848 г. явился частично преемником Казем-Бека, назначенный преподавателем в родную ему гимназию (170, с. 132). После открытия факультета восточных языков Петербургского университета в 1855 г. М. Т. Навроцкий работал под непосредственным руководством М. Казем-Бека. В течение 1855 - 1858 гг. он преподавал на первых трех курсах грамматику арабского языка. Составленный и изданный М. Т. Навроцким «Опыт грамматики арабского языка» (1867) явился «первым и единственным опытом систематического научного изложения свойств арабского языка... до появления грамматики Н. В. Юшманова (1928)» (170, с. 203, 134).

Один из учеников М. Казем-Бека, Василий Павлович Васильев (1818 - 1900), русский китаевед, крупный специалист по буддизму, в 1834 - 1837 гг., будучи студентом, «в Казани приобрел познания в языках монгольском, татарском и санскритском, следовательно, был учеником Казем-Бека и Ковалевского» (114, т. IX, с. 76). После получения в 1839 г. степени магистра восточной словесности с 1840 по 1850 г. работал в Китае, в составе русской миссии. По возвращении из Китая по предложению М. Казем-Бека в 1855 г. был переведен в Петербургский университет на должность профессора. Он считается основателем русской синологии. По его инициативе в начале 70-х годов и вновь в конце 80-х годов был поднят вопрос о необходимости расширения преподавания языков, литературы и истории Дальнего Востока и Индии, преподавания японского языка и санскрита. С 1878 г. в течение 15 лет В. П. Васильев стоял во главе факультета восточных языков Петербургского университета, являясь преемником своего учителя и наставника. По мнению В. В. Бартольда, Васильев «в большей степени, чем Березин, примыкал к взглядам Казем-Бека и Казанской школы ориенталистов» (114, т. IX, с. 173).

М. Казем-Бек высоко ценил заслуги своего ученика в развитии русского востоковедения. «Профессор Казанского университета г. Васильев, - писал М. Казем-Бек, - отличный знаток китайского, тибетского и, без сомнения, также манджурского языков, ныне исключительно сосредотачивает в себе знание ученого синоведа... Зная лично г. Васильева, при этом случае не могу заранее не поздравить русское ученое общество с таким прекрасным талантом. Он, конечно, немногословен, но основательный знаток своего дела. Мы ожидаем от него много полезного для науки» (272, 1853, № 3, с. 201).

Надежды М. Казем-Бека оправдались. Многочисленные труды В. П. Васильева выдвинули его имя в первые ряды русского востоковедения, а в 1886 г. он был избран действительным членом Петербургской Академии наук.

Русский востоковед Владимир Федорович Гиргас (1835 - 1887) под непосредственным руководством М. Казем-Бека в 1858 г. окончил факультет восточных языков Петербургского университета, а затем в течение двух лет занимался усовершенствованием в арабском языке в Париже. В 1861 - 1864 гг. по рекомендации своего учителя находился в научной командировке в Сирии, Палестине, Египте и Ливане. В 1865 г., по возвращении из-за рубежа, под руководством М. Казем-Бека завершил и защитил магистерскую диссертацию на тему «Права христиан на Востоке по мусульманским законам». М. Казем-Бек писал: «Я считаю диссертацию г. Гиргаса совершенно удовлетворительной для искомой степени и долгом считаю просить факультет обратить на нее свое достойное внимание и ходатайствовать о напечатании ее в количестве 600 экз. в пользу автора» (89, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15503, св. 1075, л. 107об.).

После кончины своего наставника в 1873 - 1886 гг., будучи профессором Петербургского университета, В. Ф. Гиргас основные исследования направил в сторону изучения восточной ну-

мизматики, принимал активное участие в создании указателей к классическому многотомному своду X в. «Книга песен» (1900), издал работы «Арабская хрестоматия», «Очерки арабской литературы» и др. Последние восемь лет своей жизни В. Ф. Гиргас читал курс мусульманского законоведения в Петербургском университете.

Иван Николаевич Холмогоров (1818 - 1891) был питомцем М. Казем-Бека по Казанскому университету (1837 - 1841). По окончании университета преподавал в Астраханской гимназии. В 1848 г. И. Н. Холмогоров перешел в Казанский университет и до 1852 г. преподавал там арабский язык. В 1852 - 1854 гг. был профессором Одесского Ришельевского лицея. Ученый широкого профиля, Холмогоров в дальнейшем уделял внимание также исследованиям персидской литературы. В 1865 г. им была представлена на защиту магистерская диссертация на тему «Шейх Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы». Работа получила высокую оценку М. Казем-Бека (89, ф. 14, ед. хр. 15510, св. 1078, л. 170). В дальнейшем И. Н. Холмогоров был известен как переводчик арабской литературы, в частности «Книги аль-Фахри», истории халифата, памятника начального периода монгольского завоевания. В 80-е годы вернулся вновь к творчеству Саади, перевел с персидского и издал в 1882 г. «Гюлистан».

Николай Иванович Ильминский (1822 - 1891) еще в 1845 г., обучаясь в Казанской духовной академии, под непосредственным руководством М. Казем-Бека изучал азербайджанский и арабский языки. Историк русской церкви, профессор Казанской духовной академии П. В. Знаменский писал об этих занятиях: «В годичном отчете о своих занятиях он, Ильминский, писал, что, несмотря на разнообразные занятия г. Казем-Бека, последний все время от половины октября (1845 г. - *А. Р.*) до конца мая (1846 г. - *А. Р.*) уделял ему по несколько часов каждую неделю, и под опытным его руководством он старался ознакомиться преимущественно с внутренней жизнью мусульман, их вероучением, практикой, поверьями и обычаями и с этой целью занимался преимущественно арабским языком и разными сочинениями богословско-мухамедданского содержания, которыми профессор снабжал его из своей богатой библиотеки, для домашних занятий; в заключение отчета он высказывал Казем-Беку свою искреннюю благодарность за поручительное знакомство, пользу живых бесед и обязательную любезность» (цит. по (110, с. 223)).

В октябре 1846 г., по окончании обучения у М. Казем-Бека, Н. И. Ильминский руководил кафедрой турецко-татарского языка духовной академии. В 1851 - 1854 гг. был командирован в страны Востока - Египет и Сирию. Ученый-просветитель, он ставил перед собой цель - способствовать «прочному сближению инородцев с коренным русским населением путем просвещения». Для просвещения мусульманского населения России на базе русской графики составил алфавит чувашского, татарского, удмуртского и марийского языков. Как тюрколог Н. И. Ильминский впервые издал классический памятник староузбекского языка «Бабур-намэ» (1857), «Материалы к изучению киргизского (казахского) наречия» (1860), «Кысас-и Рабгузи» (сказания о пророках, или история пророков, XIV в., 1859). Он был пионером изучения грамматического строя «Бабур-намэ», опубликовав «Материалы для джагатайского спряжения из „Бабур-намэ“» (1865). Определяя место Н. И. Ильминского в арабистике, И. Ю. Крачковский писал: «... в России не было другого арабиста, который обладал бы такой подготовкой в данной области и в такой мере был знаком с живым арабским Востоком» (170, с. 180).

В заключение необходимо добавить, что описание, издание и изучение памятников арабского письма в России академик А. Н. Кононов наряду с другими именами связывает в первую очередь с именами М. Казем-Бека, Н. И. Ильминского и И. Н. Березина (165, с. 315).

Ощутимый вклад в дальнейшее развитие русского востоковедения внесли также ученики и последователи М. Казем-Бека - известный монголовед О. М. Ковалевский, один из историков науки востоковедения К. К. Фойгт, специалист по монгольской словесности А. В. Попов, автор первой хрестоматии и сравнительной грамматики татарского языка М. И. Иванов, исследователь персидской литературы Ю. Богушевич, специалист по восточной каллиграфии М. Г. Махмудов и др.

Мирзе Казем-Беку заслуженно принадлежит одно из почетных мест среди видных представителей передовой прогрессивной педагогической мысли России XIX в. в области высшего образования. Его творческие педагогические искания в области высшего образования, в частности в деле преподавания восточных языков в высшей школе, поставили его имя в один ряд с именами видных ученых-педагогов за рубежом.

Неутомимый труд, интересные и доходчивые по содержанию лекции, глубочайшая любовь к предмету сделали имя М. Казем-Бека популярнейшим среди студенчества Казанского, а затем Петербургского университета.

М. Казем-Бек вошел в историю высшего образования России также как умелый и талантливый организатор учебно-воспитательного процесса. Он смело ввел в преподавание восточных языков элементы новаторства, дал преподаваемым им предметам педагогическую направленность. В составленных им программах и докладных записках, а также в выступлениях и докладах красной нитью проходит мысль о том, что педагогика тесно связана с историей, философией, психологией и другими науками.

Хотя М. Казем-Бек склонен был переоценивать роль образования и просвещения, видя в них основу в деле коренного переустройства общества и дальнейший путь России, он остается видным представителем русской педагогической науки, оставившим глубокий след в истории отечественного просвещения XIX в.

М. КАЗЕМ-БЕК И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

М. Казем-Бек о методах исследования в исторической науке

Важное место в системе воззрений М. Казем-Бека занимают его исторические взгляды. Нет почти ни одного произведения М. Казем-Бека, в котором он в той или иной степени не затрагивал бы вопросов истории, не выражал своего отношения к ней.

На основе добытых им достоверных материалов и данных М. Казем-Бек объективно и по возможности подробно освещал ход исторических событий, стремился основывать свои выводы на базе глубокого изучения и обобщения первоисточников, исключительно ревностно и добросовестно относился к собиранию материалов для своих будущих исторических произведений. В период подготовки материалов для труда «Баб и бабиды», например, он ездил в Иран, побывал в Тебризе и Мазандеране, лично встречался с участниками бабидского движения, добывал о них сведения. Не ограничившись собранными материалами, М. Казем-Бек критически использовал записки Севрюгина - своего ученика, жившего в то время в Иране, использовал и материалы известного востоковеда Н. В. Ханькова, а также А. Н. Мошнина. Ценными источниками для ученого послужили рукописи о бабидах, полученные у академика Б. А. Дорна. Не оставил он без внимания также консульские донесения и материалы, собранные дипломатическими чиновниками России, работавшими в то время в Иране.

Показательной является работа М. Казем-Бека над историческим произведением «Ас-Сабус-Сеййар, или Семь планет», содержащим историю крымских ханов. Упорство М. Казем-Бека в собирании и обобщении материалов «Семи планет» видно из высказывания самого автора. В предисловии к этому произведению он писал: «К крайнему моему сожалению и несмотря на все мои усилия, я не мог нигде отыскать сведений о Сейд Мухаммед-Ризе (авторе „Семи планет“. - А. Р.). С этой целью вошел было я в переписку с Уфимским Муфтием, со всеми Казанскими и Астраханскими ахундами. Писал я также к Таврическому Муфтию и, чтобы вернее получить ответ, просил г. Попечителя прибегнуть в сем к посредству Таврического гражданского губернатора» (5, с. II).

Далее, описывая свою работу над исправлением ошибок рукописи, он сообщал: «... я несколько раз ее перечитывал прежде, ежели решился поправлять. Иногда с одним словом бился часа два, чтобы отгадать значение... В истории Джан Бек-Хана в одном месте прерывается смысл и, как я догадываюсь, недостает двух страниц. В письме моем к Таврическому Муфтию я обозначил, между какими словами нет связи, и просил, если у него есть История Ризы, списать опущенное место и переслать ко мне. Услышав также, что История Ризы находилась в библиотеке покойного Италинского и отсюда перешла в Азиатский институт при Иностранной Коллегии, я писал к Мирзе Джафару, Экстраординарному профессору при Санкт-Петербургском университете, чтобы для меня это место выписали» (5, с. 5 - 6).

Как видно, М. Казем-Бек, используя письменные источники, критически относился не только к содержанию рукописей, но изучал вопросы их сохранности, а также полноты изложенных исторических фактов. В данном случае заслуживает внимания его стремление к наибольшей полноте собирания материалов. Он привлекал не только официальные, но и частные рукописные источники.

Над рукописными материалами «Дербент-наме» ученый трудился почти 12 лет, приложив много труда для розыска автора истории. Он тщательно, всесторонне занимался изучением источников, среди которых особо ценил летописные, критиковал их односторонность, упрекал восточных историков за многословие, за ненужное восхваление отдельных личностей. Здесь же надо отметить прекрасный стиль изложения ученого, его красочность и образность. Выступая за критическое использование источников, М. Казем-Бек большое значение придавал народным преданиям, сказаниям, легендам. Несмотря на возможные искажения в них исторических событий, как отмечал ученый, они при критическом к ним подходе могут служить ценными источниками для истории народов, особенно народов, не имеющих своей письменности. В 1841 г., работая над историческим произведением «Исследования об уйгурах», М. Казем-Бек писал: «Предания необразованной страны составляют ее историю; они переходят от поколения к поколению, от племени к племени и живут вместе с памятью народа. Предания часто остаются без всякого изменения, часто являются или передаются в разных формах, в пленительных красках, исполненные чудес; но

главный характер их почти всегда неизменен, и критик может извлечь из них много истинного и полезного... Мы обязаны извлечь из них то, что сообразно со здравым понятием...» (11, с. 56 - 57).

М. Казем-Бек призывал рассматривать вопросы истории и излагать исторические события с научной точки зрения, не делать скороспелые выводы. «Надо, - писал он, - с хладнокровием рассмотреть все обстоятельства, сопряженные с этими предметами, и после всего вывести из них свои заключения» (11, с. 42). Освещаемые и толкуемые в исторических трудах вопросы должны быть, по его мнению, изложены научно, без прикрас, с глубоким знанием дела, на основе критического анализа «актов и фактов».

Подвергая критике китайских историков, допускающих искажения исторических фактов, он писал: «Китайские историки, передавая потомству акты и факты своего отечества, не только не смотрели на избранный ими предмет с критической точки, с которою они никогда не были знакомы, но даже не выражали своего сомнения о невероятности и баснословных указаниях, на которых основали они систему своей науки» (32, с. 48).

Необходимо отметить критическое отношение М. Казем-Бекл и к китайским источникам. По мнению ученого, истинная историческая критика в Китае никогда не имела веса. Это можно видеть, как указывал М. Казем-Бек, из всех исторических произведений Китая, переведенных на русский язык. Ученый считал это достаточным доводом, чтобы слепо и беспрекословно не верить всему, что уцелело в китайской истории (26, т. 9, с. 14).

Для подтверждения этого М. Казем-Бек приводит факты разительного противоречия в историческом сочинении Вэй-Шу и Вэй-Ши, искажающие подлинную историю среднеазиатских народов. М. Казем-Бек был твердо убежден в том, что особенно неверны сведения китайских историков о народах, не живущих в Китае: «Географические и статистические сведения древних китайцев об иностранных государствах, описания о нравах и обычаях других народов не могут быть верны только потому, что китайские законы запрещали китайцам оставлять свою родину и свободно путешествовать... Следовательно, все, что могло быть по этим отраслям известно китайцам, неполно, неправильно и поверхностно. Притом, если мы так строго разборчивы в отношении сведений, сообщаемых нам современными путешественниками, добровольно жертвующими своим здоровьем и достоянием на пользу науки, то из этого еще не следует нам слепо верить рассказам китайским...» (26, т. 9, с. 15).

М. Казем-Бек, отдавая некоторую дань историческим произведениям китайского историка Юн-Шу, отмечал, однако, что «в исторических повествованиях мудрого Юн-Шу о судьбе Персии, хотя через тщательные исследования дела можно узнать некоторые истины, но они так затемнены неисправными ошибками автора, что даже трудно привести их в совершенную ясность» (26, т. 9, с. 20).

В 1853 г. М. Казем-Бек вновь затронул вопрос о достоверности китайских исторических источников в рецензии на книгу «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Оставившись на сведениях китайских историков о народах Средней Азии, ученый писал: «Взгляните на любую историческую книгу о народах Средней Азии - повсюду вы найдете совершенно сходные мифические вымыслы о начале и происхождении знаменитых героев или славных народов. Если даже нам и верить поклонникам китайской премудрости, безусловно убежденным в верности всего того, что китайские историки передали нам как самих себе, так и о своих соседях, то и тогда мы убедимся, что главное направление описательного или исторического их произведения - чисто сказочное, основанное на мистицизме и чудолюбии. Таков был характер изустных сказок всех туземных варваров китайской истории, таков был характер и самих китайских рассказов до позднейших времен» (32, с. 19).

В этом отношении заслуживает внимания критика им книги Иакинфа «История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». М. Казем-Бек писал: «Труд автора ни в каком случае не может быть назван историею; по новейшему определению этого слова, выражение собрание сведений, которым в заглавном листе автор заменил слово история, хотя более прилично, но со всем тем в связи со словами автора: сочинение о. Иакинфа оно не правильно, как немного отличающееся в этом случае от слова история. Это заглавие, сказал я, некоторым образом обманчиво, потому, что история (или собрание сведений о народах таких-то, сочинение такого-то) заставит иного читателя подумать, что эта история в настоящем смысле, изложения систематически, между тем как в этом труде мы видим буквальный перевод или извлечения из разных исторических сочинений» (26, кн. 9, с. 3).

М. Казем-Бек был особенно внимателен к вопросам изучения древней истории. «Какой философ, - говорил он, - может исследовать древности, погружаться в филологические изыскания или делать успехи в критических разборах истории древнего мира без того, чтобы не углубиться в поучительные развалины ее обширных областей» (9, с. 245). Он считал, что, поскольку этот

период истории беден литературными памятниками и другими источниками, науке необходимо более критически и более тщательно изучать все имеющиеся скудные исторические материалы. «Свет любознательный, - писал ученый, - он прибегает ко всем возможным средствам для удовлетворения своего любопытства, черпает из всех источников, ему доступных, отыскивает сведения о темных временах, о неизвестных народах и странах, ими занимаемых, и таким образом, отобрав о них сказки и предания, основывает на них истории, предоставляя критику очищать истину ото лжи, достоверное от сомнительного, вероятное от невероятного. Различие понятий и взглядов на вещи, основанное на различии свойства людей и по большей части на привычках и пристрастиях, производит разногласие в самих критиках. Одни совершенно опровергают то, что утверждают другие; другие, выдают за истинное то, что кажется третьим невероятным. Такова всегда была и будет участь истории древних народов, не освещавших своих деяний и своего бытия лучами просвещения, народов, о существовании которых мы собираем сведения у племен, совершенно им чуждых, и от деяний которых доходит до нас слабый отблеск от тусклого зеркала истории полупросвещенных соседей» (11, с. 68).

М. Казем-Бек обращал внимание современных ему ученых на необходимость внимательного отношения к историческим трудам древних историков при их переводе и подготовке к печати. Подготовку комментариев и пояснений к этим трудам он считал важнейшим условием их публикации. Эти комментарии и пояснения, по мнению ученого, должны раскрыть суть этих трудов, должны указать «на погрешности... ученых... с проверкой и критическим разбором других переводов» (26, кн. 9, с. 25).

Критикуя книгу Иакинфа, издавшего в переводе на русский язык исторические труды древних китайских авторов о народах Востока, М. Казем-Бек писал: «К сожалению, его „История“, заключающая в себе перевод разных исторических китайских сочинений, лишена необходимых исторических и критических замечаний, могущих объяснить самые важные и самые нужные вопросы, встречающиеся на каждом шагу. Переводчик очень редко, и то мимоходом, намекает на ошибки... Но все это у него без доказательств, без достаточных фактов» (26, кн. 9, с. 25).

Толкуя народные сказания и предания как один из источников, могущих осветить исторические события, М. Казем-Бек, однако, советовал брать из них и извлекать только все разумное. «Положим, - писал он, - что в темной области народных преданий всегда мы можем найти, при критическом анализе, исторические факты; но зачем же нам быть столь упорными в том, чтобы не отказаться взять на себя ответственности растолковать все нелепое; все непостижимое в пользу...» (32, с. 21 - 22).

М. Казем-Бек понимал, что народные сказания и легенды о доисторических периодах жизни всегда более или менее приукрашивались разными оттенками вымыслов, что тут действовал «один произвол народной фантазии» (32, с. 3).

Придавая важное значение вопросу изучения не только исторических источников и рукописей, но и легенд, преданий, он был против использования в научных трудах, особенно в трудах по истории, «болтливости путешественника», слепого пристрастия, «презрения к мифическим преданиям народа», «мечтательных филологических распрей». Основным требованием к этим трудам, по мнению М. Казем-Бека, должно быть сознательное исследование любимого предмета без увлечения и на основании здравого смысла (32, с. 3).

Вновь возвращаясь к вопросу об исторических источниках, М. Казем-Бек подчеркивал, что составление исторических записей, дневников и летописей должно сопровождаться строгой отчетливостью и хронологической точностью.

В полной мере как проникновенного источниковеда М. Казем-Бека показывает его письмо ректору Казанского университета, знаменитому русскому ученому Лобачевскому о взятии Астрахани в 1660 г. В процессе перевода и составления примечаний к книге Сеид Мухаммед-Ризы «История Семи планет» исследователь столкнулся с известием о взятии крымскими татарами Астрахани в 1660 г., достоверность которого он подверг сомнению. В связи с этим М. Казем-Бек замечает, что вторая половина XVII в. малоизучена. Внимание историков было приковано к более ярким страницам истории, связанным с именами Петра Великого и Ивана Грозного, в то время как период, подготовительный к реформам Петра, был насыщен «столь важными громкими событиями, что отголоски одного приводили в движение умы даже иностранных летописателей» (7, с. 140).

Сведения о взятии Астрахани М. Казем-Бек нашел в работах Левека, И. Нехачина, Д. Н. Бантыш-Каменского, И. И. Голикова и А. Я. Хилкова (189; 109; 135; 220).

И. Нехачин, историю которого М. Казем-Бек находит не слишком точной и часто недостаточной, касаясь этого факта, говорил: «Татары, пользуясь сими происшествиями, в июле месяце 1660 года нечаянно набежали на Россию и взяли Астрахань... но... с наставшею зимою

город сей у татар с немалым их уроном отнят». Д. Н. Бантыш-Каменский упоминает о взятии Астрахани мимоходом, как об установленном факте.

М. Казем-Бек отмечает, что во всех этих произведениях нет ссылки на источники и к тому же имеются противоречия. Левек говорит, что татары оставили Астрахань через год после ее взятия, Нехачин утверждает, что она была взята обратно зимою того же, 1660 г., т. е. через 4 - 5 месяцев после захвата.

Исследователь полагал, что все эти авторы заимствовали сведения у Голикова и Хилкова. Между тем Хилков, впервые давший информацию об этом событии, говорит о нем в весьма неопределенных выражениях: «Того же года (1660) в июле месяце татары, собравшись, город Астрахань взяли». Голиков, ссылаясь на Хилкова, писал, что «в июле месяце того же года татары нечаянно набежали на Россию, взяли город Астрахань», но затем добавляет уже от себя, без ссылки на источник, что «с наставшею зимою... город Астрахань у татар с немалым для них уроном отнят».

Таким образом, ни Хилков, впервые сообщивший о взятии Астрахани, ни Голиков, дополнивший описание Хилкова, не ссылаются на первоисточник. Как отмечал еще Арцыбашев, известие Хилкова весьма неопределенно, он даже не сообщает, какие татары - ногайские или крымские - взяли Астрахань. Автор «Царствования царя Алексея Михайловича» Г. Берх ничего не говорит об этом событии, хотя имел работу Хилкова, видимо, тоже усомнившись в ее достоверности.

М. Казем-Бек обращает также внимание на тот факт, что летом того же года не менее 30 тысяч крымских татар под предводительством Ахмед-Гирея действовали на Украине совместно с Потоцким и участвовали в сражении под Чудновом. В связи с этим он полагает, что вряд ли крымские татары могли одновременно направить крупные силы против Астрахани. Последующие архивные изыскания подтвердили сомнения М. Казем-Бека. Действительно, никакое взятие Астрахани татарами в 1660 г. не имело места.

Исследование этого вопроса М. Казем-Беком выявляет ученого, глубоко заинтересованного в познании отечественной истории, тонкого критика исторических источников и человека поразительно большой эрудиции.

Особенно большое значение придавал М. Казем-Бек библиографии к историческим трудам. Ученый считал, что исторические труды «без надлежащей классико-библиографической системы очень затрудняют и утомляют читателя, в особенности незнакомого с предметом специально» (32, с. 4). Большое значение придавал ученый также антропологическим наблюдениям.

Взгляды М. Казем-Бека на закономерность развития истории

При анализе взглядов М. Казем-Бека на историю необходимо остановиться на признании им непрерывной закономерности развития исторических явлений во все периоды существования человеческого общества. «Только недалёковидные мыслители, - писал он, - имеют надобность в гипотезах, основанных на таинственном и непонятном происхождении всего совершающегося в человеческом мире» (40, с. 125).

Излагая свои мысли о развитии человеческого общества, о силе новых элементов в обществе, ученый писал: «Ничто в мире, не совершается без разумных и более или менее ясных причин и вопреки известным, непреложным законам, по коим развивается всякая жизнь, между прочим и политическая жизнь народа» (40, с. 125). М. Казем-Бек высказывает мысль о закономерности хода развития общества. Вместе с тем он еще смешивал законы развития природы и общества, выдвигая в качестве общих законов, характеризующих развитие вообще, такие, как закон обновления жизни. По его мнению, обществу, как и природе, свойственно развитие от низшего к высшему, от простого к сложному. Ему чуждо понятие застоя, так как остановка в прогрессивном развитии ведет, по его мнению, к разложению и гибели общества. Если какое-либо общественное явление остается неизменным, не раскрывает новых сторон и возможностей, мешает развитию передового, его удел - гибель. Уклад жизни, который переходит из века в век без всякого усовершенствования и изменения, тем самым должен приходить в расстройство и расслабление (40, с. 120).

М. Казем-Беку не было чуждо диалектическое понимание развития природы и общества, понимание постоянной смены форм в результате зарождения и развития НОВОГО содержания, взрывающего и перерождающего старую форму. Он говорил: «Закон обновления жизни силою

новых элементов, закон, по которому все живущее, совершив определенный круг своего индивидуального развития, органически разрушается или, правильнее, перерождается в новые формы и стремления под действием новых сил, которые, созрев до известной стройности и полноты, начинают оказывать более или менее деятельное влияние на жизнь окружающую, прививаются к ней и тем поддерживают или видоизменяют то, что близко к разрушению. В видоизмененной таким образом жизни часто проявляются со всей силой совершенно новые инстинкты и избирается его новое, совершенно отличное от прежнего, направление и способ развития, а через это из прежней ее области, стесненной направлением ее преобладающей силы, выделяются новые элементы для самостоятельной и свободной жизни и деятельности и преобразуются нередко в силу тем более могучую, чем более заключается в них начал свежих и оригинальных» (40, с. 120 - 121).

Та же мысль повторяется у Казем-Бека в еще более усиленном звучании: «... жизнь обуславливается неумолимым движением вперед и не допускает никаких остановок; всякий новый день, и тем более новый век, требует для себя новой пищи, новой деятельности» (40, с. 125), причем он распространяет эту глубокую диалектическую мысль и на развитие природы, и на развитие общества. Однако здесь он видит не смену одной общественно-экономической формации другой, а смену одних народов другими народами, выдвижение на историческую сцену новых народов, являющихся носителями новых тенденций. «История, - пишет М. Казем-Бек, - в подобные периоды истощения сил одного народа призывает другой к деятельности, которая бывает тем обширнее и энергичнее, чем этот призванный народ свежее, чем более он был чужд до того времени исторического поприща» (40, с. 125 - 126). Это новые народы, являющиеся носителями прогресса, как «новые ручьи образуются первоначально на почвах совершенно девственных, прежде не показывавших, по-видимому, признаков жизни» (40, с. 121). Так, например, считает ученый, «свежие силы варварских племен взяли верх над одряхлевшими силами Рима, но, будучи немногочисленными, они не подавили римской народности, а слились с ней, положив начало новой цивилизации. Рим пал, но из его развалин с прибавлением новых материалов возникло здание новой государственности, унаследовавшей его гражданственность и науки» (40, с. 123).

Здесь М. Казем-Бек развивает уже теорию синтеза двух начал. Однако основную причину падения Римской империи, всего рабовладельческого строя античного мира М. Казем-Бек не видел и не мог видеть. Эту причину М. Казем-Бек связывал с тем, что Римская империя, совершив свой цикл развития, обнаружила признаки дряхлости и разложения. Гражданские и воинские доблести уступили место изнеженности, роскоши, корыстолюбию, лести, повсеместному и ужасающему растлению народов, падению нравственных и физических сил. Другой причиной падения Рима он считал низкие интриги внутри правительства империи. Когда-то овеянные славой и окруженные почестями, римские герои превратились во властолюбцев и тиранов, подвиги славы и беззаветного служения Римской империи сменились безнравственными оргиями и заботой о личных благах. «Все это, - писал М. Казем-Бек, - неминуемо отразилось в соответственной степени на политическом значении империи, которая стала распадаться на отдельные части» (40, с. 122).

Таким образом, вопрос о падении Западной Римской империи и всего античного мира толкуется М. Казем-Беком с идеалистических позиций. За причину принимаются частные явления, в то время как на самом деле они являлись только следствием. М. Казем-Бек не мог понять, что каждая общественно-экономическая формация имеет свои особые законы возникновения, развития и падения, что изменение в способе производства вызывает изменение всего общественного строя. Он не мог понимать, что эти изменения в общественной жизни связаны с развитием производительных сил и производственных отношений. Рабовладельческие отношения стали тормозом развития производительных сил, и это стало основой кризиса Римской империи. Рост противоречий внутри империи привел к революционным движениям рабов и колонов, которые расшатали римское рабовладельческое общество и способствовали завоеванию Рима варварами.

Вместе с тем М. Казем-Бек правильно понимал прогрессивную роль Рима для развития народов Европы. В первую очередь это прогрессивное значение заключалось в том, что Европа унаследовала его право, гражданственность, науки. «Римский дух, - писал ученый в „Истории ислама“, - переродился в Карлов Великих и Наполеонов, его отпечатки и черты виднеются во всех учреждениях Западной Европы» (40, с. 123). В понимании значения Рима для Западной Европы его мысли шли в правильном направлении, приближаясь к классической характеристике роли Римского государства для истории Европы Ф. Энгельса (см. (77, с. 119)).

Большое место в своих исторических изысканиях М. Казем-Бек уделяет вопросам истории Византии после падения Римской империи, подробно освещает элементы, перешедшие в Ви-

зантию из Рима, обстоятельно описывает устройство Византийской империи, дает анализ причин ее падения. М. Казем-Бек считал, что Византийская империя, восприняв от Рима часть его могущества, вместе с тем унаследовала элементы разложения, дряхлости и нравственного бессилия.

Сумела ли Византия подняться до уровня былой славы Римской империи? Задав себе этот вопрос, М. Казем-Бек пришел к выводу, что после падения Рима Византия представляла собой жалкое зрелище постепенного упадка и угасания. Границы Византии постепенно сужались, в империи не только не рождались новые, но погибали здоровые элементы, перешедшие из Рима. Недоставало средств для поддержания и развития империи. Византия, по мнению Казем-Бека, жила только преданиями прошлого, перспективы ближайшего будущего не были отрадными. «Византия не только с большим трудом могла поддерживать свое владычество в Азии, не говоря об его распространении и прочном утверждении, - писал М. Казем-Бек, - но и на своей родной территории обнаруживала явное бессилие во внутренней борьбе партий, ознаменованной то анархией, то деспотизмом, лишенной всякого исторического смысла, перешедшей из политического значения в жалкую игру страстей частных лиц и общественных кружков» (40, с. 124).

Почему же при наличии таких серьезных недостатков и пороков Византийская империя сумела просуществовать в течение почти целого тысячелетия? М. Казем-Бек сумел ответить на этот вопрос только отчасти. Основную причину долгого существования Византийской империи он видел в слабости государств Западной Европы, которые только начинали складываться и полностью были заняты вопросами внутреннего устройства, ввиду чего Византийской империи неоткуда было ждать вторжения, решительного и сокрушительного удара. Другой не менее важной причиной М. Казем-Бек считал правильную организацию регулярных военных сил Византийской империи.

Однако он не сумел до конца раскрыть все объективные причины тысячелетнего существования Византии. В частности, он не сумел ясно определить, что упадок рабовладельческого хозяйства в Византии происходил менее интенсивно, чем на Западе, а процесс феодализации Византийской империи проходил значительно медленнее, чем в Западной Европе. Другими, не менее важными причинами, способствовавшими долгому существованию Византийской империи, которые не сумел определить М. Казем-Бек, были, во-первых, то обстоятельство, что в состав Византии входили такие экономически развитые страны, как Греция, Малая Азия, Сирия, Египет и Балканский полуостров; во-вторых, торговля этих стран с Индией, Китаем, Ираном, Аравией и Северной Африкой давала империи большие экономические выгоды и, в-третьих, большое место в сельском хозяйстве Византии занимали не крупные рабовладельческие, а мелкие крестьянские хозяйства, в ремесле основную роль играли не рабы, а свободные ремесленники.

Исследуя вопрос о причинах падения Византии, М. Казем-Бек сделал и ряд правильных наблюдений, охвативших, однако, большей частью внешние проявления жизни, а потому поверхностных. Не видя острой классовой борьбы, раздиравшей империю, М. Казем-Бек не сумел научно обосновать причины упадка могущества Византии, приведшие ее к гибели. «Анархия, - писал он, - как в самой столице, так и в провинциях, апатический застой, который овладел их жизнью, нравственное разложение, проникнувшие во все слои общества, все это содействовало вероятным и даже весьма легким успехом бодрого народа, кот» рыи бы вступил в этот дряхлеющий мир с завоевательной целью» (40, с. 125).

Несмотря на классовую ограниченность, не позволившую М. Казем-Беку дать научный анализ предпосылкам и причинам развития и упадка Римской и Византийской империи, многие его наблюдения были весьма меткими, а отдельные выводы являлись, безусловно, правильными.

Вместе с тем вопреки своей схеме, согласно которой носителями прогресса становятся только новые народы, а старые обречены на уход с исторической арены, М. Казем-Бек в отношении народов Востока и Азии писал следующее: «Восток и Азия составляют огромнейшую часть разумного мира, и там таится дух цивилизации, и там невидимая сила посеивает семена истины» (45, с. 1). Отсюда, если ислам, в свое время объединивший арабские народы и принесший им огромный успех, стал тормозом развития, носителем отсталости и разложения, это не дает оснований для заключения, что историческая роль арабских народов сошла на нет. М. Казем-Бек сознавал, что Восток начал пробуждаться, пришел в движение, но не смог дать ответ на вопрос о темпах этого пробуждения: «Когда, что будет в Азии? - повторяем: нельзя знать. Китай и Япония только что просыпаются; Индия уже проснулась... Турция многое и очень многое позаимствовала было у Запада и усвоила, хотя еще не вполне сознательно, но, к несчастью, нынешняя политика оттолкнула ее назад еще на 50 лет. Персия идет тихим шагом несмущаемо, но потрясаемая внутренними распрями» (45, с. II, III).

Эта концепция убежденного просветителя, верящего в силы народов, в поступательный ход развития человечества, при всей своей ограниченности, связанной с идеалистическим пониманием истории, была безусловно прогрессивной.

Исследование Казем-Бек некоторых событий из истории стран зарубежного Востока и Кавказа

Отчасти, может быть, вдохновляясь верой в возрождение Востока, Казем-Бек занимался основательным изучением истории его народов.

В статьях «Исследования об уйгурах», «История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», «Труды Российской духовной миссии в Пекине» и др. М. Казем-Бек подробно и обстоятельно излагал свои взгляды на историю Китая, на причины внутренних переворотов и внешних влияний, то возвышавших эту страну на высшую степень благосостояния, то низвергавших ее в бездну бедствий. «Я не принадлежу к числу тех, - писал М. Казем-Бек, - которые совершенно ничего не признают в Китае хорошего, считая эту страну полудикою, мудрецов - невеждами и пр. и пр. Напротив, не могу надивиться ее законами, ее древностями и даже ее историей» (26, кн. 8, с. 15).

М. Казем-Бек неоднократно поднимал вопрос о необходимости глубокого изучения истории Китая и подвергал критике как русских, так и западноевропейских историков, не уделявших нужного внимания этой великой стране, ее народу. «Сперва говорили и писали об этом государстве, - писал М. Казем-Бек, - о стране варваров полудиких, живущих по большей части степях, ибо у них будто мало было городов; полагали, что земли у них не обработаны, люди злы, обычаи странны и пр. Потом в конце XVI века знакомство некоторых с Китаем распространило более выгодное мнение об этом государстве; но скоро мнение это дошло до того, что мечтатели находили в нем пищу своему воображению; думали, что Китай одна из благодатных стран. В XII столетии более основательнее стали заниматься Китаем» (26, кн. 9, с. 24 - 25).

В своих произведениях М. Казем-Бек дал анализ статистических сведений о народонаселении Китая. Динамику населения страны он подробно рассматривал не только ради статистики, но и как глубокий социальный процесс, связывал рост народонаселения с трудом, занятостью людей и расселением жителей. Говоря о проблемах народонаселения Китая, М. Казем-Бек подверг критике ошибочное положение о народонаселении западноевропейских ученых Оттона, Маккартнея, Стонтонна, Гутри, Амие, Галлерштейна, Био и других, вскрыл разноречивость в их теоретических предположениях и показал их методологическую слабость.

Говоря о бедственном положении китайского народа в древние времена, М. Казем-Бек писал: «По причине бедности и недостатка в пропитании часто жители, с одной стороны, покидали свою родину для снискания средств к жизни в других местах трудами рук своих; они обыкновенно направляли путь свой в те места, где меньшее количество населения, чем в бывших их жилищах, могло предоставлять им более случаев к работе и промышленности и где множество разнообразных предприятий требовало помощи чужих рук» (32, с. 45).

Значительное место в своих исторических трудах М. Казем-Бек уделял изучению истории уйгуров, посвятив этой проблеме специальную работу под названием «Исследования об уйгурах». Уйгуры один из древних народов мира. «В середине VI в. в районе Алтайских гор и в степях Семиречья, на границе с более высокими по своей культуре народами Средней Азии, образовался новый союз кочевых племен, в который вошли племена, говорившие на языках тюркской системы (гунны, гаогюйцы, предки уйгуров и др.)» (129, с. 35 - 36). «Никакое имя, - писал М. Казем-Бек, - в истории северных народов в Центральной Азии не представляется нам столь занимательным в отношении к древним памятникам словесности и вместе столь неопределенным, по своему значению, как название уйгур» (11, с. 37).

Изучив труды П. Карпини и Г. Рубрика, М. Казем-Бек обратился также к исследованиям Абея Ремюза. Он анализировал как положительные, так и отрицательные стороны исторических трудов этих ученых - путешественников.

В 40-х годах XV в., сообщает Казем-Бек, уйгуры образовали сильную державу, которая с запада угрожала Китаю, часто нарушая его границы. Это наблюдение М. Казем-Бека находит подтверждение в трудах современных советских историков (см. (129, с. 284)).

М. Казем-Бек, как и другие историки, занимающиеся историей уйгуров, считал, что уйгуры «народ древний и высокий по образованию» (11, с. 37). Он с сожалением указывал на поверхностное и неглубокое освещение истории уйгуров китайскими историками. «Когда они назвались

в первый раз уйгурами, - писал М. Казем-Бек, - кто их назвал этим именем и что дало повод к этому наименованию, об этом ничего до сих пор не нашли в китайских летописях» (11, с. 43).

М. Казем-Бека интересовал корень слова «уйгур». В этом вопросе он придерживался следующей концепции: «Нет ни одного народа в мире, который сохранил бы первоначальное свое название, и нет ни одного названия народа, которое не было бы предметом филологического исследования европейских ученых. Следовательно, европейцам давно и очень давно известно, что один и тот же народ, живший на одном и том же пространстве, носил в разные периоды наименования как общие в отношении к целому его составу, так и частные по своим подразделениям» (26, кн. 9, с. 7).

Говоря о происхождении этого слова, Казем-Бек приводил несколько доводов в обоснование своей точки зрения. «В самом деле, - писал он в одном месте, - в тюркском языке мы находим корень этих созвучных слов (уир, уюр или уйгур и проч.), являющихся в разных формах, в разных изменениях, сообразных с различием самих наречий и имеющих везде значение - предаться, последовать, прилепиться, соединиться, причастие от него - союзник. Например, в турецком и азербиджанском наречиях уймаг часто употребляется во всех этих значениях» (11, с. 58).

В другом произведении («Труды членов Российской духовной миссии в Пекине») М. Казем-Бек, оправдывая свое толкование корня слова «уйгур», писал: «... это мнение хотя не принято до сих пор нашими ориенталистами, однако же я убежден в его справедливости, по многим историческим данным, на которые, может быть, не обращено внимание... Если допустить можно, что уйры, уйгуры, хойхоры, уйраты, югоры, угоры, угры и составленные из них оюгуры, сарагуры и прочие гуры и уры происходят от одного и того же корня уир, уюр, значащего сбор, ополчение, то почему нельзя подозревать в манчжуре сложного названия с манчжурского ман - великое и тюркского - юр в значении великого ополчения?» (32, с. 25 - 26).

Толкуя названия народов, М. Казем-Бек дальше развивает свою мысль: «Одни народы с древнейших времен носили попеременно разные господствующие, каждый в свою очередь, названия... Тюркские названия кызылбаш (красноголовые) и за ним кажжар не менее первых в позднейшее время стали историческими именами нынешнего Персидского государства. Династическое имя Осман сделалось общим историческим именем всех малоазиатских и европейских турков. Подобные не факты мы находим и в именах древних и новых европейских государств. Галлы, пикты, кельты, британы, франки, аллеманы таким же образом передавали свои имена огромным массам народов. Каждая из этих масс имела свое собственное подразделение, но история просвещенного века удержала как частные, так и общие имена, которые входили в первые ее страницы. Таким же образом в истории греков общее имя всех среднеазиатских варваров было скиф. Римляне с исхода IV века еще называли их гуннами; западные ученые средних веков удержали и то и другое наименование и часто смешивали их без различия. С XII века явилось новое имя татар, которое европейцы после преобразовали в тартар, потому (как думают) что имя это было страшно как ад» (26, кн. 9, с. 8).

Как видно, М. Казем-Бек постоянно интересовался вопросами образования названий народов и стран, восточных в особенности. Причину появления разнообразных названий племен, народов, государств в разные эпохи ученый объяснял тем, что «кочевая жизнь и постоянная безгражданственность, свойственные варварам, производили самые непрерывные волнения, поколения заменялись поколениями, династии династиями, народы народами» (11, с. 69).

Далее М. Казем-Бек писал: «... один природный ум, одна предприимчивость, одна храбрость и неустранимость господствовали везде; от этого часто поколения, могущественные и страшные одними своими именами, были низвергаемы другими поколениями, незначительными и почти неизвестными; каждое из них распространяло свое имя, вместе со своей властью, на другие имена, ими покоренные. Эта пагубная система владычества у непросвещенных народов древнего и среднего мира была всегда причиной появления столь разнородных названий племен и династий, которыми испещрены страницы истории рода человеческого» (11, с. 69 - 70).

Внимание М. Казем-Бека постоянно привлекали также вопросы истории Ирана. В основном правильно и объективно определяя положение Ирана до нашествия монголов, он писал, что «судьба этой страны и до того времени была довольно печальна: по ослаблении силы халифов мусульманский Восток был раздроблен на части; наместники халифов в разных странах успели присвоить себе верховную власть; несоблюдение шариата (закона), неимение государственных законов и при этом нередкая перемена династий - привели всю страну в начальное положение. Народ не находил защиты в правосудии, войска не получали ни платы, ни продовольствия, отчего и не подвергались изысканиям за приобретение того и другого силою. Чувство патриотизма и

понятия о правах собственности постепенно сделались чужды новоперсам, и выражения того и другого исчезли из лексикона их языка.

От беспрерывных угнетений наконец совершенно изменились нравы и характер древних персов, и это изменение явно выразилось в их жизни, в их языке. Законность, так сказать, притеснения, необходимость лести, унижение перед высшими, неимение никакой собственности - все это вошло в сознание народа» (9, с. 191).

«Баб и бабиды». 40-е и 50-е годы XIX в. были периодом революционных выступлений в ряде государств Европы. Эхо этих выступлений доходило до стран Востока, народы которых, веками зажатые в тисках деспотизма и фанатизма, невежества и отсталости, искали выхода из создавшегося положения. Самым крупным и бурным выступлением этого периода на Востоке было восстание бабидов в Иране в 1848 г.

Бабидскому движению посвящены специальные работы. Здесь коротко отметим, что бабиды — это религиозная секта, опиравшаяся на «священную» книгу «Бейан», содержащую «откровение», составленное Сеид Али Мухаммедом, получившим прозвище Баба («врата истины»). Движущие силы движения бабидов составляли ремесленники, крестьяне, городская беднота и мелкие торговцы. Бабиды требовали отмены частной собственности, уничтожения эксплуатации человека человеком и ликвидации социального неравенства. Демократические элементы этого движения выдвигали конкретные требования отмены частной собственности на землю, уничтожения всех существующих законов и бесчисленных налогов, равенства женщин и мужчин. Восстание было направлено против феодального строя и против начавшегося закабаления Ирана иностранным капиталом. Общественно-экономическая и политическая отсталость Ирана обусловила религиозную форму бабидского восстания.

Восстание бабидов вызвало живой интерес во всех странах Европы, в правительственных сферах. Ученые разных стран живо откликнулись на это историческое событие.

Чем же был вызван интерес к бабидскому восстанию?

Общеизвестно, что Иран не только сам был рынком широкого сбыта товаров европейских стран, но по своему географическому расположению лежал на пути в такие богатые страны мира, как Индия, Китай и др. Такое положение Ирана не могло не вызвать интереса к нему Англии, Франции и России. Ученые России раньше других приступили к изучению бабидского движения и получилось, что, несмотря на то что в дальнейшем вопросы бабидского движения интересовали и ученых Англии, Франции и др., русские труды о бабизме остаются наиболее ценными (185, с. 427).

Труд М. Казем-Бека «Баб и бабиды - религиозно-политические смуты в Персии в 1844 - 1852 годах», изданный в Петербурге в 1865 г., был самым крупным произведением своего времени о бабидском движении. Источником для написания этой работы кроме указанных автором послужила работа придворного иранского хрониста «Насех-ат-таварих».

Журнал «Русский архив» писал: «Превосходное знание языка, законов и обычаев страны, а также глубокое и широкое понимание автором нравственного смысла религии и того значения, которое она должна иметь в истории народов, придают исследованию о Бабе и бабидах окраску особой достоверности» (265, 1893, № 10, с. 595).

Видный исследователь бабидского движения советский ученый М. С. Иванов, сравнивая настоящий труд М. Казем-Бека с работами английского исследователя бабизма Э. Брауна, пишет: «Казем-Бек, мне кажется, сумел подняться в оценке бабидского движения выше Брауна. Как уже указывалось, Э. Браун объяснил это движение развитием религиозных идей и считал, что бабиды, сражавшиеся против правительства, боролись не за социальные и политические реформы, а стремились только к распространению своей новой религии. Казем-Бек видит причины восстаний бабидов в фанатизме и деспотизме (т. е. политическом и социальном гнете, давившем иранский народ), которые, по его словам, господствовали в Иране в течение тысячи лет. О целях и стремлениях восставших он также иного мнения, чем Браун» (156, с. 23). И это несмотря на то, что М. Казем-Бек издал свой труд на пятьдесят с лишним лет ранее Брауна. «Книга М. Казем-Бека „Баб и бабиды“ была хорошо принята русской общественностью и долгое время оставалась единственным обстоятельным исследованием на русском языке о бабидах... Последующие работы русских ученых о бабизме не были столь обстоятельны» (172, с. 93).

Чем же был вызван исключительный интерес к книге М. Казем-Бека? На этот вопрос отвечает Н. А. Кузнецова: «В России, стоявшей на пороге преобразований, идеи борьбы за реформы, в какой бы стране эта борьба ни шла, находили живой отклик» (172, с. 93).

Описывая движение бабидов в Иране, М. Казем-Бек делает робкую попытку сравнить его с восстаниями Разина и Пугачева: «Только стоит нам углубиться на минуту в наши народные поверья, заглянуть в историю Стеньки Разина и даже Пугачева, - каких тут не было чудес!» (45, с. 8).

Газета «Голос» в редакционной статье 28 апреля 1865 г. писала: «Новое произведение ученого профессора много выиграло бы, если бы автор... не касался некоторых грустных событий в России, не имеющих ничего общего с бестолковым изуверством персидских фанатиков... бабиды, очевидно, действовали под влиянием не одного фанатизма, добивались не одной религиозной реформы; в их учении заметны, сверх того, политические, социальные и даже коммунистические тенденции, виден смелый протест против всего безобразного устройства персидского общества» (249, 28.04.1865).

М. Казем-Бек высоко ценил личность руководителя бабидского движения Сеид Али Мухаммеда (Баба). Причем необходимо отметить эволюцию взглядов М. Казем-Бека на личность Баба. Если в 1859 г. М. Казем-Бек называл Баба только фанатиком (37, с. 185), то в 1865 г. он считает его «не фанатиком, не авантюристом, а человеком с отличными убеждениями» (45, с. 43).

М. Казем-Бек был высокого мнения также о соратниках Баба. Характеризуя одного из них - Ага Мохаммеда Али, - ученый писал: «Он думал только об одном: это освобождение своего отечества от алчности духовенства, угнетения тиранов» (45, с. 37). М. Казем-Бек сумел увидеть в бабидском движении его политическое содержание, показать, что восстание бабидов интересно не только в религиозном, но и в политическом отношении, выделяя при этом идею свободы как чувство «сознания прав человеческих» (45, с. VI).

На основе тщательного анализа высказываний как самого Баба, так и его последователей М. Казем-Бек сумел сформулировать главные требования программы бабидов. Выделение реального политического ядра из пестрой и подчас противоречивой суммы высказываний бабидов большая заслуга М. Казем-Бека.

Имея в виду связь светской власти с духовенством, он правильно отмечал, что «цель его (Баба. - А. Р.) и его собратьев состояла не в одних героических подвигах жизни; они желали достигнуть благих целей через реформу в управлении, через уничтожение власти гнусного духовенства» (45, с. 95).

М. Казем-Бек в основном правильно определил, что руководство бабидским движением стремилось к реформам не только религиозным, но и политическим, государственным. Главными пунктами политической программы бабидов М. Казем-Бек считал «обуздание произвола правительства; уничтожение роскоши как при дворе, так и у придворных; уничтожение самоуправства министров, губернаторов и вообще чиновников; перемена тиюла (аренд) на жалованье; правосудие судей; бескорыстие улемов и точное исполнение закона. Все эти вопросы давным-давно ходили из уст в уста между народов, и повсеместно был слышен ропот в Иране и Азербиджане. Но цели, против которых были устремлены стрелы народного негодования, так были тверды, что эти стрелы лишь ломались об них и обломки их обращались в новые орудия нового тиранства» (45, с. 164). Однако, говоря о политической программе бабидов, М. Казем-Бек не сумел увидеть требования народных масс об отмене частной собственности.

В движении бабидов особое внимание ученого привлекло участие в нем женщин. Восторженные строки М. Казем-Бек посвятил Курретульайн, одной из руководительниц движения. Он был убежден, что когда природа наделяет женщину умом и энергией, а судьба предоставляет необходимое поприще, от нее надо ждать чудес. «В Европе, - писал он, - поле просторно для женщины, но в Азии, в исламе... вот вопрос?! Кажется, что может тут сделать женщина и самая умнейшая?! Посмотрим, однако ж, как воодушевляет женщину и там самосознание, какое у ней является самоотвержение... Нет, в самоотвержении женщина всегда и везде стоит на первом плане... Хочу сказать, какой твердый, непоколебимый дух, какую твердую волю в нее вселяет идея о свободе» (45, с. 58 - 59).

Углубляя анализ учения бабидов, М. Казем-Бек отмечал, что более радикальные последователи Баба решительно отказывались подчиниться шариату, отвергали все старые законы, поскольку, по их мнению, Баб положил начало новому учению и нет смысла следовать старым законам.

С ростом популярности идей распространялось и отрицание старых обрядов и обычаев, укрепляющих политический деспотизм и теократическую власть духовенства. «Тогда, - пишет М. Казем-Бек, - главные сподвижники политического бабизма воспользовались таким положением своих подчиненных и проповедовали учение фатрет, т. е. освобождение от ига закона. Это учение состояло в следующем: покуда не утвердится бабизм по всему лицу земли, покуда царство Баба не утвердится и не выдастся новый кодекс Бабов закона, все бабиды свободны...» (45, с. 199 - 200).

Но провозглашая борьбу с законами шариата, призывая их к несоблюдению, бабиды, однако, сохранили множество поверий и предрассудков, о чем с сокрушением говорил М. Казем-рек. «Бабиды, - писал он, - удержали за собою только одно, с которым трудно расстаться невежде, - это поверия и предрассудки, которые так сильно искажали их учение». И далее: «До какой

грубой степени искажено первоначальное учение Баба и каково могло быть последствие невежества!» (45, с. 200).

М. Казем-Бек неоднократно подвергал критике законы шариата, он был далек от того, чтобы находить в них проявление божественной воли, но видел, что на них основано господство духовенства, а уничтожение власти духовенства он считал благой целью. Называл принципы, выдвинутые бабидами, благородными и отказывал в признании благородства побуждений только Сеид Хусейну, который изменил движению: «Измена Сеид-Хусейна удаляет его в нашем мнении от всякого благородного принципа, видно только одно: он хотел составить себе впоследствии партию из фанатиков и через это проложить себе дорогу к религиозно-верховой власти, имея в виду, как понятно из многих мест Корана и молитв, им составленных во имя Баба, поощрение невежества, чтобы тем сильнее действовать на умы слепых приверженцев» (45, с. 57).

Но если это так, если М. Казем-Бек находил, что уничтожение власти духовенства и деспотического правительства - благородные деяния, становится понятным и его сочувствие к отрицанию старых законов, что было характерно для последователей Баба. Тем самым М. Казем-Бек разрешал задачу, оставшуюся непреодолимой для просветителей. Но, отстаивая идею подчинения всем законам, восставая против произвола и беззакония властей, просветители сталкивались с тем фактом, что действовавшие законы как раз закрепляли привилегии феодалов и бесправие народа, неограниченную власть монарха и бесконтрольность администрации, отдавали массы под духовную опеку служителей религии. Им оставалось только уповать, что, подчиняясь требованиям разума, монарх сам изменит несправедливые законы, которые будут служить достижению всеобщего блага.

Итак, М. Казем-Бек сочувственно относился к призыву бабидов не повиноваться законам шариата, считать старые законы ничтожными и недействительными. Он рассматривал движение бабидов как результат длительной борьбы, которую народные массы вели против деспотизма и власти духовенства. Для него это движение было следствием тайной борьбы с всеместным деспотизмом давно угнетаемой правды. В ней заметны и энергия, и самоотвержение людей в стремлении их к свободе. Все это выразилось восстанием против духовной власти, ропотом против постоянно тяжкого деспотизма (45, с. 45). И хотя ученый сетовал на «всю эту ужасную панораму такой грубой отделки», но тут же говорил, что это только с первого взгляда, в действительности же в этом движении прослеживаются «некоторые черты из родного нам элемента, черты цивилизации, осуществление целей разумного существа» (45, с. 45). Так что, делая оговорку насчет грубости кисти художника, над талантом которого тяготели еще неволя и оковы, М. Казем-Бек солидаризуется с программой бабидов по существу.

Но если совершенно очевидно, что выявление и изложение политической доктрины бабидов пронизано у него пафосом борьбы против деспотизма и религиозного фанатизма, если ясно, что он сторонник политической свободы и враг всех форм угнетения народа, то неясным остается отношение М. Казем-Бека к революции. В его сочинениях постоянно встречаются выпады против насилия вообще, против кровопролития. При этом, однако, он решительно отделяет фанатиков и честолюбцев, примыкавших к движению ради достижения своих личных, своекорыстных целей, от революционеров. Среди последователей Баба, например, М. Казем-Бек различал три категории лиц: 1) мечтатели и суеверные поклонники, слепые и невежественные последователи; 2) революционеры, недовольные правительством и духовенством, которые выдвигают политические требования и являются сторонниками восстания; 3) злоумышленные раскольники, они тоже выдвигают политические лозунги, но добиваются только личной выгоды.

Все обличения М. Казем-Бека направлены именно против третьей группы лиц, желающих эксплуатировать движение во имя достижения своих честолюбивых целей. Говоря о неудачах движения, он упрекает революционеров за отсутствие единства, за незрелость и ошибки. «Политические предводители бабидов, - пишет М. Казем-Бек, - во имя нового учения желали составить надежную силу, чтобы разом опрокинуть скалы препятствия, будучи уверены, что народ устремится за ними по проложенному ими пути. Но беспорядки между самими этими предводителями, незнание дела, за которое они взялись, а более всего увеличение злоумышленников из них собственным положением, собственной выгодой - все это вместе не дало дозреть начатому делу и послужило поводом к описанным бесполезным кровопролитиям» (45, с. 164 - 165).

Как видим, М. Казем-Бек скорбит о неудаче бабидов, выражает им сочувствие. Главную причину неудачи движения он видит в пагубной роли злоумышленников, примкнувших к бабидам из соображений личного честолюбия. Революционерам же он бросает упрек, который естественен только в устах их сторонника, во всяком случае в устах сочувствующего им человека. М. Казем-Бек верил, что движение бабидов не останется бесследным («думаем, что появление

Баба послужит со временем в пользу просвещения Ирана») (45, с. 44). И хотя силою оружия восстание бабидов было подавлено, М. Казем-Бек не терял надежды на то, что подобные социальные движения в Иране вспыхнут вновь: «Казнь совершилась спокойно; народ разошелся, но многие унесли с собою зародыш будущих замыслов против правительства» (45, с. 41). И спустя почти 13 лет после подавления восстания, в 1865 г., М. Казем-Бек писал: «Их много и до сих пор в Персии, они тайно действуют в пользу будущих реформ» (45, с. 37).

Будучи просветителем и уповая на неизбежное торжество разума, М. Казем-Бек предполагал, что к победе начала справедливости и свободы в жизни человеческого общества приведет развитие просвещения. «Обращаясь к истории развития просвещения между народами, - писал он, - мы видим ясно какую-то непонятную силу, которая невидимой рукою повсюду и постоянно посеивает его семена на почве невежества... Сколько это невежество ни силится заглушить их в самом начале, сколько оно ни потребляет их, эти семена производят новые всходы... и наконец настает пора, когда истина начинает процветать, просвещение укореняется» (45, с. I).

Более того, Казем-Бек признал, что просвещение и его благотворные результаты - достижение свободы и прав человека - не просто шествуют по земле, но требуют для своей победы борьбы: «Очевидно, все это не бывает без борьбы» (45, с. I). Правда в основном М. Казем-Бек выдвигал чисто просветительские идеи о самопроизвольном развитии и произрастании семян прогресса. Уверенность же его в неизбежности торжества цивилизации, утверждения начал политической свободы и законности на Востоке связана с его убеждением, что Восток и Азия составляют лишь часть разумного мира, то есть с убеждением в наличии общих, наиболее важных, закономерностей развития "Востока и Запада. Уповал он и на влияние и содействие Запада, понимая в то же время, что условия для перемен должны созреть в каждой отдельной стране, только тогда они будут жизненны: «Преобразователи страны должны родиться в самой стране» (45, с. II).

Работа М. Казем-Бека «Баб и бабиды» вызвала большой интерес русской общественности. Появился ряд восторженных отзывов на книгу. Прогрессивная часть России высоко оценила вклад ученого в изучение истории освободительной борьбы народов Востока.

Смелые идеи ученого, его мысли об освобождении своего отечества от алчности духовенства, угнетения тиранов, освобождении воли человека от оков самоуправства, о сознательной свободе, о сознании прав человеческих, желании достигнуть благих целей через реформу в управлении прямо относились к русской действительности. А разве могла прогрессивная интеллигенция России не однозначно принимать высказывания М. Казем-Бека о необходимости «обуздания произвола правительства, уничтожения роскоши как при дворе, так и у придворных; уничтожения самоуправства министров, губернаторов и вообще чиновников, его напominания о тайной борьбе с всеместным деспотизмом давно угнетаемой правды...». Налицо были и смелый упрек М. Казем-Бека в отсутствии единства, незрелости и ошибках движения, мечта о создании надежной силы, чтобы разом опрокинуть скалы препятствия. Передовые мыслители России поняли, что обращение ученого к недавним событиям в Иране было удобным поводом для высказывания назревших вопросов, волнующих передовую Россию. Мысль ученого о том, что преобразователи страны должны родиться в самой стране, и другие революционизирующие лозунги М. Казем-Бека не могли не вызвать живого отклика прогрессивной интеллигенции.

Необходимо отметить, однако, и раздражение противников преобразования России, коренных реформ и изменений. Особое негодование у них вызвала попытка М. Казем-Бека сравнивать движение бабидов с восстаниями С. Разина и Е. Пугачева.

Не следует забывать, что это было сделано в тот период, когда запрещено было произносить само имя Пугачева. В России еще хорошо помнили слова Екатерины II о том, что автор «Путешествия из Петербурга в Москву» бунтовщик хуже Пугачева. Помнили, что книгу А. С. Пушкина «История Пугачева» редактировал сам Николай I, который внес в книгу 23 собственноручных замечания. А министр народного просвещения Уваров, говоря об «Истории Пугачева», кричал, по словам Пушкина, о возмутительном сочинении. Как сообщал Пушкину И. И. Дмитриев, в Москве дивились, «как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению... Даже через полвека, в 1888 г., цензурный комитет воспротивился изданию сочинения Пушкина для народного чтения, ибо оно может быть читано в кабаках, на всех публичных местах и послужить предлогом для разнообразных толков и суждений» (225а, с. 184). И, наконец, Вяземский писал: «С Пушкиным точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению (265, 1888, № 2, с. 303).

Вот почему и спустя много лет после этих событий, в 1865 г., когда в России крестьянский вопрос еще не был решен, реакционная печать приняла «Баба и бабидов» в штыки. Характерным в этом отношении является статья, опубликованная в газете «Голос».

Мюридизм и Шамиль. Внимание многих исследователей привлекали мюридизм на Кавказе и движение горцев под руководством Шамиля. Одной из первых работ на эту тему была опубликованная в 1847 г. в газете «Кавказ» серия статей известного русского востоковеда Н. В. Ханыкова «О мюридизме и мюридах». В числе первых исследователей мюридизма и движения горцев нужно назвать и Н. А. Добролюбова, статья которого в «Современнике» за 1859 г. была также посвящена этому движению (257, 1847).

Крупным вкладом в изучение мюридизма и движения горцев под предводительством Шамиля был труд М. Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль», опубликованный одновременно со статьей Н. А. Добролюбова. Характерно, что многие положения, изложенные в трудах Н. А. Добролюбова и М. Казем-Бека, сходны по идее: в отличие от других авторов они впервые связали движение горцев с внутренним положением России. Н. А. Добролюбов считал, что объединяющей и направляющей силой движения горцев был не мюридизм, а вражда к русскому владычеству, возбужденная еще более некоторыми злоупотреблениями администрации, допущенными в то время (147, т. V, с. 450). Ту же мысль высказал и М. Казем-Бек, говоря, что и без того струны слишком были натянуты; стоило только сделать малейшее напряжение, чтобы им лопнуть (37, с. 207).

Работа М. Казем-Бека быстро получила всеобщее признание, как в России, так и за ее пределами, она расширяла знания историков об этом предмете (215, с. 20).

Книга М. Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль» состоит из трех частей: 1) «Очерк истории мюридизма на мусульманском Востоке», 2) «Развитие мюридизма на Кавказе» и 3) «Шамиль».

Разработкой истории движения горцев, истории распространения мюридизма на Востоке, в частности на Кавказе, в середине XIX в. М. Казем-Бек внес значительный и весомый вклад в историческую науку. Работа «Мюридизм и Шамиль» в отличие от других подобных трудов содержала не только изложение фактического материала в хронологической последовательности, но и ценные данные о политическом характере мюридизма, в частности о движении горцев за свободу. Она быстро распространилась по всей России, и автор, отвечая на многочисленные вопросы и просьбы читателей, вторично, уже в 1860 г., вы ступил на страницах «Русского слова» со статьей «О значении имама, его власти и достоинстве» и тем самым продолжил исследование о «Мюридизме и Шамиле» (41).

Возникновение и первоначальное появление мюридизма на Кавказе М. Казем-Бек относит к исходу XV в. Он дает подробный очерк и всесторонне освещает пути, какими семена мюридизма перенеслись на Кавказ, найдя благоприятную почву для быстрейшего развития, особенно в середине XIX в. Очень интересен подробный анализ положения Кавказа до появления мюридизма.

М. Казем-Бек отводит основную роль в истории развития и распространения ислама мюридизму. Ученый сумел правильно определить как основу мюридизма, джихад, тарикат и дават. Однако все завоевания не только пророка Мухаммада, но и всех его халифов он ошибочно связывает только с учением джихада. Именно в силу утверждения джихада, считал М. Казем-Бек, составила столь громадная и страшная империя ислама (37, с. 187 - 188). «Джихаду одному, - продолжал он, - обязаны первые правители ислама всеми своими завоеваниями» (37, с. 189). Развивая далее свою мысль о джихаде, он подробно, на основании исторических фактов, изложил сущность его как орудия порабощения неисламских народов: победы Султан Махмуда в Индии, сельджукидов в Туркестане, в Малой Азии; успехи Алауддинов в Азиатской Турции и даже нынешних оттоманов; наконец, «распространение ислама по всему Дагестану и Кавказу и временные успехи там самозванцев - все это обязано единственно джихаду!» (37, с. 190).

В отличие от других историков, занимавшихся мюридизмом, М. Казем-Бек правильно понимал его политический характер. По его определению, мюридизм принимает политический характер начиная с 1830 г.

Определенное влияние на возникновение мюридизма и движение горцев на Кавказе, по мнению ученого, оказали вторая русско-иранская война (1826 - 1828) и русско-турецкая война 1828 - 1829 гг. (37, с. 207).

Причину убедительных успехов движения горцев против царского самодержавия М. Казем-Бек видел еще и в том, что Шамиль был не только духовным вождем движения, но и держал в своих руках светскую власть. Политика Шамиля имела далеко идущие цели: «В первую очередь он стремился к дальнейшему распространению и расширению границ своего имамата. Путем сосредоточения в своих руках духовной и светской власти Шамиль легко мог отклонить

всякое личное против себя возражение... Он хотел упрочить свою власть не только в целом Дагестане, но и на всем Кавказе» (37, с. 306).

М. Казем-Бек высоко ценил личные качества Шамиля. В одном из писем французскому востоковеду Гарсену де Тасси (Журнал Азиатик. 1860, ser. S, t. XV) он указывал: «Шамиль очень интересный и выдающийся человек, он в одно и то же время был великим вождем, героем и имамом. Он был очень сведущим в вопросах мусульманских законов и традиций, так же как и во всех отраслях арабских наук. Он был спокойным и солидным, торжественным и величественным и в то же время он был прост и полон доброты». Своим умом и распорядительностью Шамиль «умел соединить все разъединенные общества Дагестана в одно целое» (37, с. 216); его важнейшее достоинство - «это светлая голова, здравый самородный ум, который всегда и очаровывает, и повелевает. Этим-то Шамиль покорил, соединил под свою власть весь Дагестан...» (42, с. 231). Говоря о переписке и распоряжениях Шамиля, М. Казем-Бек указывает, что эти документы свидетельствуют о его высоком уме, «метком взгляде на вещи и чрезвычайно твердом характере... о его высоком военном гении» (37, с. 216).

Возвеличивая личность Шамиля, связывая все успехи горцев только с его именем, М. Казем-Бек вместе с тем обошел молчанием решающую роль народных масс в этом движении против царского самодержавия. Он считал народные массы фанатиками, слепо шедшими за своим вождем, а Шамиля - не только героем, но и создателем героев, сводя все движение горцев к замыслам, планам и расчетам Шамиля.

После подавления движения горцев М. Казем-Бек считал, что борьба еще не окончена и может возобновиться в любой момент. Когда в апреле 1860 г. в газете «Северная пчела» была опубликована статья под названием «Третье письмо о русской журналистике», где, в частности, указывалось, что движение горцев имело временный характер и представляет лишь временный интерес для современности, М. Казем-Бек не замедлил выступить против автора статьи, укрывшегося под псевдонимом „NN“. «Господин» „NN“, - писал М. Казем-Бек, - признает нашу полувековую кровопролитную борьбу на Кавказе, которая еще не кончена, которая может еще долго поддерживаться и возобновляться... обстоятельством временного интереса» (270, с. 3). Ученый протестовал против столь поверхностного отношения к важному движению, питавшемуся недовольством колониальной политикой русского царизма.

Работа Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль» явилась крупнейшим вкладом в изучение мюридизма, и в частности движения горцев Кавказа. М. Казем-Бек в отличие от других исследователей этого движения сумел, как уже говорилось, сделать ценные выводы о политическом характере мюридизма и движении горцев за свое освобождение. «Мюридизм и Шамиль» расширил знания историков об этом предмете, завоевал признание российской общественности и в дальнейшем широко использовался в исследованиях ученых мира. М. Казем-Бек смело выдвинул идею о том, что движущей силой мюридизма на Кавказе были не только религиозные мотивы, но и внутрисполитическая обстановка в России.

Однако легко понять, что и оценка движения горцев Кавказа М. Казем-Бека была идеалистической. Ученый, в частности, допустил преувеличение политической роли духовенства, о чем также уже говорилось; за религиозной оболочкой движения горцев не сумел увидеть экономические интересы народных масс и классовые черты движения, определить интересы различных участвующих в нем социальных сил, а также фактическую роль религиозной оболочки движения и ее политическое назначение.

Основной же ошибкой М. Казем-Бека были просчеты в определении причин поражения движения. Определяя роль религии как формы политического выступления горцев, ученый до конца не понял, что одной из основных причин поражения была именно религия, которая в силу своей косности ограничивала дальнейшее развитие политической борьбы и препятствовала появлению классового самосознания горцев.

М. Казем-Беку были чужды революционные формы переустройства общества. Эта черта мировоззрения ученого особенно ярко проявляет себя в вопросе отношения к различным революционным событиям как в Европе, так и на Востоке. «... Знаменитые революции Европы, - писал ученый, - обогатившие кровью не одну страницу ее истории, могли найти кровавых предводителей с толпами неистовых приверженцев, бессознательно исполнявших волю властолюбцев и слепо приносивших себя в жертву за них...» (37, с. 183). По глубоко ошибочному мнению М. Казем-Бека, «всем революциям присущ фанатизм, который во сто крат увеличивает энергию слепых жертв» (37, с. 184).

М. КАЗЕМ-БЕК И ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И ПРАВА

Отношение к исламу

В своем разнообразном творчестве Мирза Казем-Бек неоднократно обращался к истории религии, в особенности к истории ислама. Труды, в которых он излагает свои взгляды на религию («Мюридизм и Шамиль», «Баб и бабиды», «История ислама», «Шерауль-Ислам» и др.), занимают особое место в его творчестве. Обратимся к ним прежде всего для характеристики мировоззрения ученого.

В своих трудах возникновение мышления М. Казем-Бек объяснял идеалистически - врожденной любознательностью человека, которая, в свою очередь, порождает «поверья».

«Представим себе человека, - писал он, - в первобытном грубом его состоянии. Чем начинается деятельность его разума? У него рождается желание объяснить окружающие его и порождающие его чувства предметы, и явления природы. Пытаясь объяснить их, в силу ограниченности своих знаний человек прибегает к различным предположениям, а от предположений человек в грубом быту необходимо должен впадать в заблуждение, суеверие, и это суеверие, укрепляясь в нем, открывает прямой путь в области поверья» (85, с. 3).

Вместе с тем М. Казем-Бек видит корни суеверий в невежестве масс и в сознательном обмане их злоумышленниками: «Человек искал веры для спасения, но невежество преграждало ему путь к понятию этого спасения... В таком положении легко было злоумышленникам, из видов выгод, отвлечь людей от истины, которой начало было основано в недрах духовной жизни каждого народа, увлечь к пошлым забавам, которые получили какую-то торжественность в роскоши внешних обрядов» (43, № 8, с. 136).

Подчиняясь влиянию злоумышленников, народ, по словане М. Казем-Бека, «менял одни идолы на другие, одну систему верования на другую, и все это делалось бессознательно... Религиозные начала в человеке, лишенном возможности усвоить отвлеченные идеи, по необходимости вели его к символизму» (43, № 8, с. 136, 137). Такими символами, воплощающими в себе идею веры человека, становились различные предметы и силы природы, животные, которым поклонялись люди в разных странах. «В Мексике, - пишет М. Казем-Бек, - эта идея выражалась в божестве Теотль, в Перу - в божестве Варикахе, и Центральной Америке - в божестве Гунабкое. Но повсеместно единство - эмблема божества мудрости во всей древности мира принадлежит змее. В Индии, в Египте, в Сирии, в Китае, в Греции, в Скандинавии, в Америке, одним словом везде, змея на земле, солнце и планеты на небесах - были первыми эмблемами божества мудрости, силы, начала добра и зла.

Почти все идеи о божестве всякого достоинства и рода имели свои символы в предметах окружающего нас мира. Кроме змей входит в реестр их и образ человеческий в разных фантастических формах, изображение животных, насекомых и растений. Кто не знает изображений Брахмы, Вишну, Сивы, Шакемуния, Ундины и Техкатлипокии, в полных и уродливых их ополчениях? Кто не знает изображения простого жука - эмблемы невидимого предвечного бога у египтян или изображения водяного растения лотос - эмблемы самобытной державной силы на всем Востоке? Бык, лев, орел, человеческие фигуры, наконец, камни, вытесанные в различных формах, болваны различных величин и представлений входили в число идолов различных пантеонов» (43, № 8, с. 139, 140).

Отдавая себе отчет в земном происхождении языческих религий, М. Казем-Бек, однако, по понятным, впрочем, причинам, совершенно не касался вопроса о возникновении и сущности христианства, что, разумеется, лишало его наблюдения и выводы в области учения и религии законченности и цельности. Много писал он лишь о религии ислама, подвергая ее суровой критике, но, не касаясь в то же время основ религии вообще. Он выступал против отдельных и наиболее уродливых и опасных проявлений мусульманской религии. При этом свою критику религии он вел не с позиций атеизма, а скорее как просветитель. Не понимая материалистических законов развития общества, он видел в исламе главный тормоз развития Востока, цивилизации восточных народов. Вместе с тем он прекрасно понимал, что история ислама, причины его широкого распространения на Востоке требуют тщательного изучения, видел всю сложность данной проблемы. «Окончательного разрешения этих вопросов, - писал он, - дождемся еще нескоро, ибо она должна быть проверена, вероятно, веками опыта и борьбы» (40, с. 120).

Ученый сумел правильно определить, что основной причиной притягательности ислама для кочевников Аравийского полуострова являлись обещания земных благ и небесного спасения. По М. Казем-Беку, своим дальнейшим распространением ислам, прежде всего, обязан силе оружия, что он выводит, в частности, из существа самих мусульманских законов, являвшихся выражением идеологии ислама. В предисловии к своему переводу второй книги «Шерауль-Ислам» М. Казем-Бек писал: «Ввиду будущих своих планов Мохаммад ревностно поощрял арабов к военному делу, рекомендовал отцам семейств упражнять своих детей в этом искусстве и основал правила для руководства в джигитовании, в атаке неприятеля... чтобы польстить успеху своих воинов в деле военных упражнений и вместе с тем показать рабам, что военное искусство почетное дело у господ бога» (47, с. X).

Идеология ислама культивировала нетерпимость мусульман другим народам и тем самым создавала почву для захватнических войн. Мухаммад призывал мусульман к войне против «неверных», называя ее «священной войной». М. Казем-Бек резко критиковал эту губительную идеологию, разъединяющую народы мира, и, как убежденный сторонник сближения народов, выступал за обмен культурными ценностями, за ликвидацию неверия и вражды между нациями.

Взаимное общение, культурные связи между народами являются орудием прогресса - это твердое убеждение М. Казем-Бека пронес через всю свою жизнь. Так, еще в 1841 г. в исследовании об уйгурах он писал: «Уйгуры имели одно преимущество перед прочими; беспрестанные сношения с соседственными народами, делавшие их более образованными» (11, с. 122). Поэтому главный недостаток ислама он видел в проповеди обособления и изоляции от немусульман. - «Представители веры магометанской, - писал М. Казем-Бек - запрещали и запрещают им иметь какое-либо сообщение с неверными, учиться их языкам и следовать по стопам их: ибо думают, что делами и умом их управляет сатана. Вот главные данные, на коих основаны предания пророка и на которых так долго держится фатализм» (9, с. 268). Следует отметить, что эту наиболее реакционную роль ислама отмечал и К. Маркс, который писал, что ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными (75, с. 167).

В отличие от многих буржуазных ученых, занимавшихся историей ислама, М. Казем-Бек сумел определить его не только как религиозно - философское учение, но и как явление, которому свойственны определенные социально - политические и правовые функции. Именно поэтому он играл такую важную роль в судьбах народов Востока. Возникновение ислама Казем-Бек связывал с теми политическими и нравственными или религиозными условиями арабского быта, из которых Мухаммад извлек начала для своего учения (40, с. 135).

Несомненной заслугой М. Казем-Бека надо считать его утверждение о том, что создателем Корана является не бог, как пытались уверять идеологи ислама, а человек, т. е. Мухаммад и его преемники. Подобно М. Ф. Ахундову, писавшему, что Алкоран с начала до конца есть произведение собственного его (Мухаммеда) воображения, М. Казем-Бек писал, что «Мухаммад свой поэтический дар выдавал за чудодействие божественного откровения и назвал свое творение... сверхъестественным чудом, тем более что автор его, как знали все его современники, был безграмотный человек» (43, № 8, с. 162).

Далеко идущие завоевательные идеи Мухаммада были, по мнению М. Казем-Бека, «до того красноречиво и поэтично изложены и замаскированы, что народы всему этому обещанию... поверили с полным, совершенным убеждением, поверили до изуверства, фанатически. Основатель ислама только домогался слепого фанатизма» (43, № 10, с. 301 - 302). Народы Аравии, живущие в нищете, нужде, лишенные элементарных жизненных условий, верили прекрасному будущему, обещанному Мохаммадом, а созданный им Коран и в будущей жизни представлял так много обольстительного, такую роскошную картину, что не мог не увлечь воображение бедных жителей пустынной Аравии (40, с. 152). М. Казем-Бек показал, что в политике насаждения фанатизма и слепого суеверия Мухаммад опирался не на массы, а на высшие сословия и что аристократическое сословие Мекки оказало ему прекрасную услугу (40, с. 150).

М. Казем-Бек высмеивал вымыслы Мухаммада о рае и аде. «Мухаммад, - писал он, - в поэтическом воззвании к неверным, в котором он устрашает их божьим судом в день воскресения мертвых и ласкает слух верующих обещаниями блаженства, - клянется, между прочим, храмом Мекки... эти поверия, как они нелепы» (43, № 10, с. 131 - 132). Характерно, что с этих же позиций он критикует и иудейскую религию, которая обещала спасение только правоверным иудеям. «Они верили, - писал М. Казем-Бек, - в награду в будущей жизни только благочестивым евреям» (267, 1860, № 5, с. 282).

Поскольку подобная вера в загробную жизнь свойственна и христианской религии, М. Казем-Бек, сознательно или бессознательно, задевал также христианство, что, разумеется, не мог-

ло не вызвать реакцию в некоторых органах русской печати того времени (см., например, (263, 1860, № 256, с. 402)).

М. Казем-Бек понимал, какие неисчислимы бедствия приносили народам Востока религиозный фанатизм и невежество. К тому же в ходе исторического развития, по мере складывания мусульманской государственности на помощь фанатизму пришел деспотизм властей. Народ был зажат в тисках с двух сторон. «С таким сильным оружием, - писал он, - каков фанатизм, победители-арабы вначале, конечно, шли вперед беспрепятственно, посеяв семена учения Корана и теократизма... Наконец ислам распался на царства и расколы: фанатизм и деспотизм шли рука об руку и торжествовали повсюду» (45, с. 160).

Здесь опять-таки идеи М. Казем-Бека сходны и созвучны с идеями великого азербайджанского мыслителя М. Ф. Ахундова. «Сыны твои, - писал М. Ф. Ахундов, обращаясь к народам Ирана, - находятся как бы сжатыми в тисках: с одной стороны давит необузданный деспотизм государей, а с другой - грубый невежественный фанатизм духовенства» (104, с. 57).

Развивая дальше свою идею, М. Ф. Ахундов с особой силой, нападает на религию и церковь, поскольку мусульманская религия особенно тесно связана с властью монархов, претендуя на господствующее положение в государстве. Если на Западе со времен реформации духовный меч потерпел поражение в борьбе за верховенство над светской властью, если в России со времен Петра I церковь была превращена в служанку самодержавия, а ее глава - в чиновника, обязанного послушанием, то в мусульманских странах церковь все еще стремилась подчинить себе светскую власть.

Своеобразную оценку дал М. Казем-Бек фанатизму, назвав его опиумом, «который своими свойствами приводит его (человека. - А. Р.) организм к незаметному разрушению» (45, с. 160). «Фанатизм, - писал он, - это горячка духа, которая приводит в ярость человека или сословие, которое она заражает. Эта ярость страшна для других, но не менее того изнурительна для одержимых болезнью. Но чем больной необразованнее, грубее, тем страшнее его ярость» (45, с. 160).

Насаждение религиозного фанатизма, как и удержание народов в темноте и невежестве, имело целью их порабощение. «Не столько учение Мухаммада, - писал М. Казем-Бек, - сколько политика как самого его, так и его преемников поддерживала общее невежество самих арабов и покоренных ими народов; они инстинктивно знали, что фанатизм без невежества не может сделать великих чудес. Оно и в самом деле так. Невежда-фанатик идет на смерть с полным убеждением, что, пройдя это ущелье, он получит приз вечного блаженства» (45, с. 160 - 161).

О следствии мусульманского фанатизма - кровопролитной борьбе между шиитами и суннитами М. Казем-Бек пишет как о событии, задержавшем на века развитие этого народа, приведшем к полному застою образования, науки и литературы: «Были забыты и преданы забвению главнейшие проблемы государства богословие, толкование законов Магометовых, исследование преданий и Алкорана и взаимное опровержение мнений сделались главнейшими занятиями суннитов и шиитов. С другой стороны суфии распространили давно начатую свою соблазнительную философию и во все время занимали умы обеих суеверных сект пустыми прениями. Улемы писали друг против друга, каждый владетель защищал своих святош, а науки оставались в одних фолиантах, закупоренных в сундуки или запыленных на полках. В школах занимались только некоторыми элементарными сочинениями писателей прежних столетий, не открывая ничего нового; и в продолжение трех веков все клонилось к падению являвшиеся в разных временах таланты, которых прекрасные создания в истории и поэзии нам ныне известны, не были поддержаны ни поощрением правительства, ни соревнованием общества; а одна страсть могла сделать весьма немного. Таким образом, начало настоящего столетия представляло плачевное состояние просвещения в Азии» (9, с. 264 - 265).

Заслуга М. Казем-Бека заключается и в том, что он на живых примерах, взятых из жизни народов Востока, показал, что в деле порабощения народов духовенство действует рука об руку с правительственными кругами. «... К фанатизму, - писал он, - прибавился еще деспотизм. Первый сделался наследственным достоянием сословия, второй - железом самоуправления, а политика играла в середине роль медиатора между халифами и улемами, чтобы удержать государство в возможной гармонии... но фанатизм и деспотизм также и здесь не дремали: изнуряя одно сословие, одну династию, они переходили к другим и, наконец, утверждались: первые - за духовными всякого раскола, всякого исповедования, а деспотизм сделался неотъемлемым достоянием светской власти» (45, с. 161).

М. Казем-Бек прекрасно понимал, что пребывание народов в оковах деспотизма, фанатизма и суеверия убивает чувство патриотизма. «Такое духовное разъединение, - писал он, - при существовании постоянного деспотизма постепенно сглаживало и уничтожало чувство

патриотизма, и, наконец, выражение этого чувства совсем пропало из персидского лексикона» (45, с. 162).

М. Казем-Бек старался (и часто ему это вполне удавалось) показать истинный смысл идеологии вдохновителей ислама. Еще в работе «Мюридизм и Шамиль» он пришел к твердому выводу, что идеология джихада, тариката и давата всегда играла большую роль в процессе религиозных революций. Определяя джихад как войну за веру, а тарикат - как путь к истинному богу, он трактовал дават как приглашение людей к восстанию против ненавистной власти, к защите религиозных прав (37, с. 187). «Надо заметить, - писал он в работе „Баб и бабиды“, - что в исламе, в особенности между шиитами, единственный путь к реформе есть учение тариката. Ни один верховный властитель своею силою, своим умом никогда не в состоянии сделать там то, что может сделать самый простой человек орудием тариката... Прозелитизм везде играл главную роль, и в вопросах религиозных и религиозно - политических он облачен был всегда фанатизмом: коноводы зла всегда, для достижения цели, привязывались к какой-нибудь религиозной идее и обращали ее, а орудие» (45, с. 42).

Далее, развивая эту идею, он подчеркивал: «... с одной стороны, тайное значение тариката в Персии; с другой - слепая преданность народа своему имаму и то нетерпеливое ожидание появления этого имама, в котором персияне перещеголяли евреев, ожидающих мессию. Из всего этого понятно, как легко умному и хотя немного ученому плуту собрать около себя тысячи черни и выдать себя за ожидаемого магдия или его предтечу» (45, с. 158).

Говоря о слепой преданности народа своему имаму, М. Казем-Бек в «Истории ислама» разоблачал религиозных политиканов, успевших затуманить умы народов легендами. «Ожидание восстановителя порядка, - писал он, - тишины и благочестия в падшем человечестве, управителя и спасителя мира принадлежит всем периодам истории религии Востока... Были мегабеды и ожидают еще одного Гебри; были будды и ожидают их воплощения индусы и китайцы; были лже-Мессии и ожидают его миллионы людей... Обман и похищения, плоды себялюбия человеческого создавали лжепророков, лжеучителей и непризванные просветители оковали умы людей цепями невежества и успели отуманить от родной истины простолюдинов, более увлеченных их баснями, чем верою по созданию» (40, № 5, с. 302).

М. Казем-Бек резко осуждал суеверия мусульман, в частности связанные с астрологией, с распределением дней года для разного рода предприятий и т. п. Интересно остановиться на беседе М. Казем-Бека с Шамилем во время их встречи в Петербурге. «Всякий раз, - писал М. Казем-Бек, - когда я говорил: земля в своем кругообращении, Шамиль поправлял меня: нет, не земля, а солнце. Тут я заметил, что я не ошибаюсь; прежние философы думали, что солнце и все небо вертится вокруг земли. И далее: Имам заметил готовность своего сына и мурида усвоить плоды новой школы, и не хотел, чтобы они отступили от древнего учения, освященного Кораном и предписывающего верить, что земля неподвижна» (37, с. 288). Казем-Бек был ярким противником мусульманских законов, унижающих и оскорбляющих достоинство женщин. Он считал, что законы против женщин придуманы Мухаммадом для того, чтобы внушить людям величие своего культа. С восхищением рассказывал М. Казем-Бек о смелости и отваге восточных женщин в своих «Исследованиях об уйгурах». С одобрением он писал, что жена Унуза, несмотря на опасность и угрозы, сумела предупредить своего мужа, который объявил народу о злом намерении врагов (11, с. 40). С большим воодушевлением М. Казем-Бек описывал героизм женщин Ирана во время бабидского восстания. «Твердость духа, - писал он - все более и более воодушевляла отчаянных: энергия их жен прибавляла им мужества» (45, с. 119).

До конца своей жизни М. Казем-Бек оставался идеалистом в понимании сущности религии, он не сумел подняться до разоблачения ее реакционной сущности. Критикуя отдельные стороны ислама, он не затронул в какой бы то ни было степени другие религии. Его большим заблуждением была и оценка христианства как религии, спасительной для народов. Он был убежден в совместимости догм христианства с наукой и просвещением.

Будучи идеалистом, М. Казем-Бек единственной причиной отсталости восточных народов как в культурной, так и в экономической областях считал ислам, его фанатизм, не понимая, что основой жизни и развития общества и на Востоке является не религия, а экономическая жизнь. Вместе с тем он не сумел разоблачить такие социально-политические реакционные стороны Корана, как его оправдание рабства, классового гнета и эксплуатации.

Розоблачая реакционную роль ислама в жизни мусульманских народов, М. Казем-Бек вместе с тем тепло отзывался о самих этих народах, об их трудовом и культурном вкладе в историю человечества. Он твердо верил, что придет время, когда эти народы, освобожденные от фанатизма и деспотизма, возродятся и пойдут по пути прогресса. «Несмотря на все меры, предпринятые фанатизмом во время и после Мухаммада, - писал М. Казем-Бек, - арабы не

переставали воспевать важные моменты своей жизни, диктуя девственную природу своей отчизны, свирепого льва, быстрого коня, терпеливого верблюда, голые скалы, блеск молнии, шумные потоки, любовь, храбрость и великодушие. Они не переставали любить прогресс...» (43, № 8, с. 158).

Такого же мнения был ученый и об иранском народе. «Персы, - писал он, - народ способный; в них всегда был дух любознания, дух торговли и промышленности, в них с ранних лет истории заметно стремление к свободе, любви и музыке и веселью (и то и другое поглощено фанатизмом и ханжеством)» (45, с. III).

Ученый верил, что придет время, когда люди сами поймут, какую гнусную роль играет ислам в жизни народов. Важным условием этого он считал борьбу против фанатизма и его идеологов. После возвращения из Ирана, где он встречался с участниками бабидского движения, М. Казем-Бек писал: «Начало борьбы в умах народа и противодействия против духовных фанатиков - все это предугадывает на будущее хорошее в Персии» (45, с. III).

Для борьбы с фанатизмом основным и непреходящим условием М. Казем-Бек выдвигал идею просвещения, овладения науками. «... Распространение просвещения, - писал он, - во всех отношениях полезно; между мусульманами же оно может иметь то преимущество, что просвещенный мусульманин по крайней мере перестает быть фанатиком: в этом величайший шаг на пути к истине» (35, с. 245).

Он считал необходимым, чтобы все мусульманские народы озаботились обучением своих детей. В малоизвестном произведении под названием «Начала просвещения в Индии» М. Казем-Бек даже подвергает критике царское Министерство народного образования за отсутствие с его стороны руководства мусульманскими школами: «Почти все эти школы неизвестны еще Министерству народного просвещения, и весьма малое число их подчинено ведомствам... Почти все эти частные учебные заведения содержатся и существуют одними только пособиями, скудно отпускаемыми мусульманскими обывателями городов, сел и деревень, что не может не служить ясным доказательством, что эти необразованные татары, обучающие своих детей не только без всякого принуждения, но даже без ведома своего высшего духовного начальства; единственно по обычаю, не так чужды образованию, как они кажутся» (35, с. 246).

Всю свою сознательную жизнь ученый жил мечтой видеть Восток свободным от фанатизма и суеверия, образованным, идущим в ряду других цивилизованных народов мира. Он верил в силу и разум восточных народов, знал, что недалеко то время, когда они путем просвещения и наук проявят свои способности и освободятся от оков фанатизма и суеверия.

Выражая свои мысли о Востоке, о его народах, он писал: «Когда воспросветится Восток?.. Когда в нем возродится цивилизация?...

Запад своей политикой не может восстановить просвещения в Азии. Преобразователи страны должны родиться в самой стране» (35, с. 11).

Обобщая отношение М. Казем-Бека к проблемам религии и ее роли в жизни народов, необходимо отметить, что идеологические процессы, происходившие в XIX в., принудили мыслителя к политической переориентации, в частности к изменению отношения к проблемам соотношения религии и политики: заметно его стремление согласовать свои воззрения по этой проблеме с требованиями политической эволюции современного ему мира; более основательно освещать процесс постоянного приспособления религии к политическим изменениям. Наступало время, когда традиционные трактовки религии, поддерживаемые правительством, сделались уже неприемлемыми, появилась тенденция разоблачения связи религии с политической властью.

Ценность политических трактатов М. Казем-Бека заключается в том, что они появились именно в период, когда в России повысилась общественная роль политических теорий в рамках общего политико-идеологического мировоззренческого кризиса религии, когда явно заметным стал глубокий конфликт религии с политическими линиями и программами ряда правительств в различных странах, когда налицо было явное воздействие социальной действительности на религиозную идеологию.

Сложность стоящей перед М. Казем-Беким задачи заключалась в том, что он впервые в своей научной деятельности исследовал исторические события, характеризующиеся как политическая борьба под религиозным знаменем.

В отличие от других современных исследователей мюридизма своего времени М. Казем-Бек рассматривал это явление не просто как результат мусульманского фанатизма. Он сумел рассмотреть в нем политические мотивы. Мыслитель аргументированно раскрыл смысл и политическое

значение движения и даже дал некоторый анализ военно-теократического государства, опиравшегося на религиозную идеологию мюридизма. По определению мыслителя, исламские религиозные лозунги в какой-то момент сыграли положительную роль в деле мобилизации народных масс на борьбу, целью которой были политические преобразования.

Однако работа «Мюридизм и Шамиль» не лишена серьезных недостатков. Прежде всего автор преувеличил политическую роль духовного сословия. Кроме того, он упускал из виду, что духовенство боролось не только против царизма, но и за свое политическое и экономическое господство, а интересы крестьянства отодвигались на задний план.

Как уже говорилось, за религиозной оболочкой движения горцев М. Казем-Бек не сумел увидеть экономические интересы народных масс, не сумел различить классовые черты движения, определить интересы различных участвовавших в нем социальных сил, а также действительное лицо религиозной оболочки движения и ее политическое назначение.

Определяя ведущую роль религии в борьбе горцев Кавказа и ее тесную связь с политикой светской власти, М. Казем-Бек не коснулся очень важного вопроса - оценки сущности этой светской власти, политического устройства горцев, не изложил своего принципиального отношения к теократическому государству Шамиля, превратившемуся впоследствии в феодальное теократическое государство самой примитивной формы.

Основной ошибкой М. Казем-Бека были просчеты в определении причин поражения движения. Определяя роль религии как формы политического выступления горцев, ученый до конца не понял, что одной из основных причин поражения была именно религиозная форма выступления. В силу своей косности ислам ограничивал дальнейшее развитие политической борьбы, препятствовал появлению классового самосознания горцев.

«Баб и бабиды» были, однако, шагом вперед в отношении М. Казем-Бека к вопросам религии. Под религиозной оболочкой Казем-Бек сумел увидеть серьезные политические мотивы и политические требования масс, находя в этом движении некоторые начала истинно прекрасного (45, с. 421).

Очень важным является вывод ученого о религиозной окраске политического движения. По его глубокому убеждению, политические требования выдвигались здесь на первый план. Это была борьба с «всемирным деспотизмом давно угнетаемой правды, в которой видны были энергия и самоотвержение людей в стремлении к свободе» (45, с. 45).

Таким образом, по убеждению М. Казем-Бека, бабидское движение под религиозной оболочкой имело глубоко политические цели и дало толчок к осознанию свободы и прав человека (45, с. 166).

Наряду с острой критикой ислама в этом и в других произведениях М. Казем-Бек в отличие от других исследователей бабизма сумел показать, что эта религия обладает способностью в отдельных случаях активно воздействовать на ход общественной жизни, что ислам в данной ситуации не только обрядность в чисто религиозном смысле, но и живая сила. Речь у М. Казем-Бека идет о решающей роли исламского сознания в поступательном развитии общества. Ученый не представлял широкое движение мусульманских народных масс без исламской оболочки. На конкретных фактах из жизни бабидов периода движения М. Казем-Бек стремился доказать прогрессивность в данном случае ислама, который способствовал подрыву основ иранской монархии.

М. Казем-Бек указывал, что восстание бабидов было в какой-то степени и кризисом ислама, и тем не менее он правильно определил, что это был общественный кризис, кризис политики правительства. По мнению ученого, это было результатом не потери веры в основы религии, а потери веры в разумную политику государства, в справедливого и мудрого правителя. Действия бабидов, по М. Казем-Беку, связаны с поисками новых форм активизации религии в качестве действительного фактора обличения существующего строя.

Исследование движения привело М. Казем-Бека к выводу о том, что само религиозное мировоззрение имеет шансы на выживание лишь в том случае, если не обходит проблемы, связанные с насущными человеческими нуждами. А они диктуют необходимость рассмотрения насущных вопросов под углом обретения цели и смысла жизни, земного воздействия на лишения, тяготы и несправедливость, путем практического решения проблем человека. Вопросы благополучного устройства человеком своей судьбы неизбежно выливаются в комплекс проблем, связанных с религией.

Несмотря на ряд очень важных и в основном правильных выводов о народных движениях под религиозной оболочкой, воззрения М. Казем-Бека не были лишены серьезных недостатков, прежде всего в силу ограниченности мировоззрения ученого. Отмечая прогрессивность многих сторон бабидского движения, в частности борьбу против деспотизма, за свободу личности и т. п.,

М. Казем-Бек не замечал, что религия, определяя оболочку политического протеста, от этого не меняется и остается извращенным сознанием, орудием социального подавления. Более того, М. Казем-Бек симпатизировал идее бабидов о сохранении умеренной, разумной монархии (45, с. 165), не понимая отчетливо, что ислам в тот период и политически и экономически был связан с монархией и со всеми ее реакционными институтами.

Исследование проблем мусульманского права

Мусульманское право как система феодального права, созданная в VII - XII вв., до середины XIX в. не было изучено. Если исключить отдельные отрывочные сведения о нем, серьезное изучение мусульманского права началось лишь в 30-х годах прошлого века. Утверждение некоторых ученых о том, что мусульманское право к этому времени широко изучалось в Западной Европе, также не соответствует действительности. Журнал «Современник» в 1851 г. указывал: «В Европе распространились только отрывочные и притом неверные понятия о мусульманском законодательстве. Европейские ученые, за неимением других источников, судят о нем большею частью по одному только Корану. В самом деле, Коран служит общим основанием для всех мусульман не только в религиозных верованиях, но и в общественных отношениях их. Несмотря на то, в юридическом отношении он очень неполон. В нем нет почти никаких постановлений о преступлениях и наказаниях... Оттого в европейской литературе очень мало сочинений о мусульманском праве, да и те не вполне удовлетворительны... и притом в них есть один чрезвычайно важный недостаток: мусульманское право подведено под начало европейских законодательств» (278, 1851, т. XXVI, № 6, с. 79).

М. Казем-Бек, конечно же, обратил внимание на неизученность мусульманского права. Даже после появления отдельных интересных трудов в этой области, как в Европе, так и в России он отмечал пробелы в этой части правовой и востоковедческой науки XIX в. «Мусульманская юриспруденция еще так мало разработана в Европе, - писал он в своем отзыве на диссертацию Гиргаса, - вопросы поземельного права, начала мусульманского законодательства Торнау, Макнатена, Перрона и Доссана... во-первых, эти материалы недостаточны были бы для полного объема предмета; большая часть их заключает в себе одностороннее изложение дела...» (89, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15503, св. 1078, л. 105 - 107об.).

Систематическое изучение мусульманского права М. Казем-Бек начал с 1840 г., будучи уже профессором Казанского университета. Его неоднократные обращения к руководству Казанского учебного округа увенчались успехом, и в 1846 г. он получил разрешение выехать в Петербург для сбора материалов по мусульманскому праву.

М. Казем-Бека в первую очередь интересует свод мусульманских узаконений. Он делится своими планами с академиком Дорном: «Мне разрешено приехать в Петербург для того, чтобы ознакомиться с литературой о магометанской религии, обо всех источниках, какие могут быть обнаружены. В основном меня интересует литература о магометанском законодательстве.

Я полагаю, что Вам, конечно, известно о существовании в Петербурге такой литературы. Однако мне очень кажется странным, что я до сих пор еще не встречал свод мусульманских узаконений и будет весьма интересно, если мне удастся убедиться в его существовании...» (83, ф. 778, оп. 2, № 130, л. 49).

Приступая к изучению проблемы и являясь первооткрывателем в этой области в России, М. Казем-Бек понимал всю сложность задачи: «Свод мусульманских узаконений - дело нелегкое и должно было бы занять целые годы работы какого-нибудь специального комитета, поэтому совершенно естественно, такой вид работы не мог остаться незамеченным, пройти без следа и надо искать источники, из которых мы могли бы что-нибудь узнать об этом своде. Найти этот труд задача не из легких... в практике еще такой вопрос не стоял и никогда не лежал на чьей-либо обязанности» (83, ф. 778, т. 2, № 130, л. 49об.).

Зная М. Казем-Бека, ученая общественность России приветствовала его новые начинания. Много лет спустя, отмечая заслуги М. Казем-Бека в области изучения мусульманского права, профессор И. Н. Березин указывал: «Александр Касимович вступил, наконец, на то поле, которое составляло настоящую его силу и на котором он не имел себе равного. Я говорю о мусульманском законодательстве. Превосходное знание арабского языка, продолжительное изучение шариата в мусульманской школе и постоянное общение с мусульманскими духовными давали казанскому ориенталисту отличные средства к самостоятельным работам на этом трудном пути» (121, с. 110).

Первую свою работу по мусульманскому праву М. Казем-Бек опубликовал, как уже говорилось, в 1842 г. в Париже. Почему она появилась в печати не в России, а в Париже?

Ответ на этот вопрос содержится в письме М. Казем-Бека академику Дорну, датированном 9 ноября 1844 г.: «Мои работы о Магомете и статьи о Коране опубликованы в Париже. Я подготовил эти работы для вас почти два года тому назад для журнала Министерства народного просвещения. Но надо было получить апробацию Министра, но так случилось, что, испугавшись того, что некоторые выражения в отношении преимуществ: магометанских законов не будут согласовываться с духом христианства, я послал эти работы в иностранные журналы» (83, ф. 778, оп. 2, № 104, л. 34 - 35).

Так же статья в 1843 г. была опубликована в Лондоне. И лишь в 1845 г. М. Казем-Бек издал свой капитальный труд по мусульманскому праву под названием «Мюхтесерюль вигкает, или сокращенный вигкает, курс мусульманского законоведения; по школе Ханифидов в Казани».

Готовя работу к печати, М. Казем-Бек проделал огромный; труд, снабдив ее многочисленными комментариями, переводами, пояснениями, сравнениями с девятнадцатью подобными трудами, изданными в Турции, Иране и Индии. Ученый подготовил также обширное предисловие на русском языке, где подробно изложил свое отношение к мусульманскому законоведению.

М. Казем-Бек хорошо понимал трудности, стоящие перед ним в деле издания «Мюхтесерюль вигкает»: «Оценка моей услуги принадлежит тем из моих читателей, которые захотят вникнуть в трудность дела. Только скажу здесь, что невозможность найти; ни одной рукописи этого сочинения, доселе еще не изданного, на которую бы между тысячами можно было указать как на вернейшую. Чрезвычайная щекотливость предприятия, в котором малейшее нерадение и неосторожность навлекли бы на меня: проклятие улемов и фагкихов, и даже самая трудность правильного чтения - заставила меня употребить все силы, чтобы мое издание было вернейшее, очищенное от значительных прибавлений и пропусков, без которых, как откровенно признавались мне здешние улемы, они не видели ни одной такой рукописи» (16, с. II).

Как уже говорилось, изданию этого классического труда по мусульманскому законоведению предшествовала огромная работа. Автору пришлось вновь основательно изучить основы мусульманского права, собрать все возможные варианты сочинения и искать среди них подлинники Мюхтесера. О трудностях издания первого капитального труда по мусульманскому законоведению М. Казем-Бек писал: «Мюхтесерюль вигкает, как классическое сочинение, не входил в состав подлинников, донные изданных в Казани. Не один строгий надзор за печатанием, не одно знание языка и одна проверка подлинников - тут нужно было внимательное чтение комментаторов на Мюхтесер, отчетливое исследование обширного Хилаййэта и сокращенного из него - Вигкаййэта, как основ Мюхтесера, одним словом, тут лужно было совершенное изучение Законоведения. Не в похвалу себе, но чтобы и со своей стороны признать достоинства столь важного сочинения, говорю я так. Ученые азиатцы и те из европейских ориенталистов, которые уделили когда-нибудь, хотя несколько времени на рассмотрение серьезного какого-нибудь восточного автора, подтвердят и оправдают слова мои» (16, с. XXXI).

Издание «Мюхтесерюль вигкает» произвело огромное впечатление на ученых России и Западной Европы. Это был первый капитальный труд русского ученого по мусульманскому законоведению. С появлением «Мюхтесерюль вигкает» имя М. Казем-Бека становилось популярным среди ориенталистов мира, его признали основоположником изучения мусульманского права. И. Н. Березин писал, что между трудами Казем-Бека, весьма многочисленными, «Мюхтесерюль вигкает» должно занимать если не первое место, то одно из первых по тщательной обработке текста и тем громадным трудностям, с которыми приходилось бороться издателю при сравнении вариантов и исправлении ошибок в манускриптах. Только при глубоких и обширных сведениях об исламе, возможно, было исполнить такой важный труд (121, с. III).

В 1851 г. М. Казем-Бек предпринимает новый шаг в деле изучения мусульманского права. Он публикует новую работу под названием «Разбор сочинения г-на Торнау „Изложение начал мусульманского законоведения"» (21). В ней Казем-Бек дал подробный анализ работы Торнау и указал на некоторые сдвиги в области изучения мусульманского права в России и одновременно на ряд ошибочных моментов в освещении гражданского, уголовного права мусульман и их судебной системы. В этой работе М. Казем-Бек еще раз изложил свое отношение к вопросам изучения мусульманского права и указал на неразрывную связь этого права с догматами исламской религии.

Интересно отметить положительный отзыв об этом труде журнала «Современник» (272, 1951, № 5). Вслед за «Современником» «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что у нас в России труд Н. Е. Торнау также принят был учеными с большими похвалами: «Профессор М. К.

Казем-Бек, пользующийся по справедливости европейской известностью по своей части, придал своим авторитетом большое значение книге г. Торнау» (268, 1853, № 121).

Характерно отметить стремление М. Казем-Бека привлечь к изучению мусульманского права широкие круги ученых, как России, так и Западной Европы. Он не желал быть монополистом в этой области, хотя и высказывал сожаление, что сложность науки мусульманского права не дает возможности соревноваться ученым России и Запада. Одновременно М. Казем-Бек выдвигает идею привлечения к этой сложной работе мусульманских ученых. «... Чрезмерная его (мусульманского законоведения - *А. Р.*) обширность, - писал М. Казем-Бек, - многосложность его составов и недоступность его терминологии, при малой занимательности этой науки для европейцев, не могла привлечь к ней до сих пор общее соревнование русских и иностранных ориенталистов, притом не безызвестно, что отчетливое изучение ее требует многолетних усидчивых трудов не только европейских ученых, но даже и самих восточных улемов» (21, с. 223).

Шагом вперед в деле изучения мусульманского права в России надо считать записку М. Казем-Бека и Торнау «Об устройстве судебного быта мусульман Закавказья» (67). Основным научным достоинством данной записки является то, что авторы ее впервые в научной литературе убедительно показали различие между законом и адатом по мусульманскому праву.

Проект М. Казем-Бека и Торнау по устройству мусульманских судов не получил официального одобрения. Однако, как пишут об этом современники, проект значительно был оценен знатоками законоведения: «Хотя предложенный проект не был осуществлен, но мнение таких знатоков мусульманского правоведения получает в настоящее время особенно важное значение» (158, с. 120).

Другой характерной чертой записки является то, что авторы ее перешли границы теории мусульманского права, подняв; практические вопросы изучения и применения мусульманского законоведения в России. «Правительство обязано знать те законоположения, - говорилось в записке, - по коим управляются в духовном отношении несколько миллионов его подданных. Желание знать эти законы не есть вмешательство в дела духовные, и если правительство до сих пор не считало такое знание нужным, то думаем, что в этом была политическая с его стороны ошибка». Более того, авторы записки перешли к прямым обвинениям в адрес правительства: «Правительство еще не уяснило себе принципа относительно устройства судебного быта мусульман и допускает между ними судебную расправу...» (67, с. 42).

Ясно, что такая записка не могла получить одобрения правительства. Однако обвинительный тон ее сразу же был подхвачен современниками.

С переходом в Петербургский университет М. Казем-Бек продолжил и расширил свою деятельность по разработке вопросов мусульманского права. Здесь М. Казем-Бек берет курс на издание на русском языке юридических трудов мусульманских авторов. В предисловии к первому такому изданию, вышедшему в 1862 г. под названием «Шерауль-Ислам, или законы мусульман шиитского вероисповедания. О торговле и залоге», М. Казем-Бек писал, что «... ни одного еще арабского подлинника какого бы то ни было важного юридического сочинения не издано до сих пор... т. е. с переводом, пояснениями и примечаниями» (45, с. V).

В подготовку этого капитального труда к печати М. Казем-Бек вложил много труда. Кроме пояснений к мусульманским законам о торговле и залоге он написал к «Шерауль-Ислам» подробные примечания - не только там, где непонятна мысль автора законов, но и там, где эти примечания могли бы принести пользу, как юристам, так и ориенталистам.

При обозрении ряда положений мусульманских законов М. Казем-Бек широко использовал труды Шархи-ль-умэ с толкованием Гаузел-уль-Бехийэ, Шерхи-Кебир, Месалик, Джевахи-руль-Келям. Он пользовался также различными преданиями.

Знарок мусульманского права, М. Казем-Бек с поразительной ясностью изложил на русском языке вопросы об обязательствах по договорам, о продаже и купле, о порядке заключения торгового, о порядке уничтожения договора, о законности сделки, о правилах договора и разногласиях между двумя договорами, о подрядах, займах и ссудах, залоге и многом другом. «Шерауль-Ислам» и сегодня не утратил своего значения и является ценным капитальным трудом для изучения мусульманского права.

«Шерауль-Ислам (книга о торговле и залоге)» была первой книгой из трилогии о мусульманских законах, задуманной М. Казем-Беком. Вторую книгу под названием «Шерауль-Ислам, или законы мусульман шиитского вероисповедания. Книга о наследстве» М. Казем-Бек издал в 1867 г. (47). Вопросы мусульманского наследственного права являются самыми сложными и запутанными. М. Казем-Бек, несмотря на все трудности, сумел создать стройную систему в изложении этой отрасли права.

В подробном введении к «Книге о наследстве» М. Казем-Бек с большим знанием дела излагает взгляд на мусульманское право, в том числе на право наследования, разбирает источники этого права и этапы развития, а также отдельные вопросы наследственного права.

Последней из серии «Шерауль-Ислам» была книга о браке, над которой М. Казем-Бек долго и тщательно работал. Работа эта была близка к завершению, но до конца довести ее ученый не успел. Министр народного просвещения Д. А. Толстой писал по поводу книги о браке: «Мирза Казем-Бек... в последнее время занимался изданием в очищенном арабском тексте, с нужными объяснениями и в русском переводе книги одного из толкователей Корана Шерауль-Ислам. Незадолго до своей кончины Мирза Казем-Бек, доставив труд свой о браке по Шерауль-Исламу, сообщил, что за болезнью он не мог окончить перевод. Для окончания же означенной работы... необходимо не только знание арабского языка, но точное и ясное понимание общего смысла содержащихся в Шерауль-Исламе положений, нередко весьма темных и могущих быть разъясненными только лицом, хорошо знакомым с мусульманской религией и юриспруденцией» (89, ф. 139, д. 6534, оп. 1, ед. хр. 143, л. 8 и 9 об.).

Однако не так легко было найти достойного преемника М. Казем-Бека, этого крупнейшего знатока мусульманского права. В ответ на указанное письмо попечитель отвечал, что из состоящих преподавателями в С.-Петербургском университете ориенталистов, лиц, могущих принять на себя, без особой специальной подготовки, окончание начатой покойным Мирзой Казем-Бек работы, сколько я мог узнать - нет...» (89, ф. 139, д. 6534, оп. 1, ед. хр. 143, л. 13); к сожалению, книга о браке до сих пор остается в рукописи, и ее перевод не доведен до конца.

В мусульманских странах, таких, как Иран, Турция и др., недоброжелательно принимали труды М. Казем-Бека по мусульманскому праву, на что он неоднократно жаловался. В то же время усилия М. Казем-Бека в деле издания «Шерауль-Ислам», нашли поддержку официальных кругов Ирана. Отмечая большие заслуги М. Казем-Бека в области издания «Шерауль-Ислам», министр иностранных дел Ирана в письме к Казем-Беку, в частности, указывал: «Экземпляр перевода книги Шерауль-Ислам, столь известного и многозначительного сочинения, которое так тщательно и критически приготовлено Вашим превосходительством к изданию и печатано под Вашим личным наблюдением... Труд Ваш сам по себе представляет редкостное явление, но еще он ведет к распространению полезных знаний» (89, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4926, св. 96, л. 163 – 163 об.).

Из сказанного уже видно, какую огромную работу проводил М. Казем-Бек по изучению мусульманского права. Являясь первооткрывателем в этой области, он с присущими ему смелостью и дерзостью научной мысли предпринял попытку изложения основных положений всех отраслей мусульманского права. Обширность интересов М. Казем-Бека по изучению мусульманского права еще раз показывает широту его взглядов, глубину познаний и правильность ориентации в науке права. Огромные заслуги М. Казем-Бека, как основоположника изучения мусульманского права в России, правильно были отмечены проф. И. Н. Березиным, который писал: «Настоящую, бесспорно громадную силу Казем-Бековой учености составляло мусульманское законоведение или вообще Ислам: мы не знаем другого равного ему ученого в этой сфере, как в настоящее, так и в прошедшее время. Притом, не обинуясь, скажем, что эта отрасль востоковедения принадлежит к числу самых трудных, для знакомства с которой нужны года и года изучения и глубокие сведения в арабском языке, следовательно, тем ярче блистает слава нашего ориенталиста» (121, с. 126).

Труды М. Казем-Бека по мусульманскому праву, как уже говорилось, принесли ему известность не только в России, но и в Западной Европе.

Его труды в области мусульманского права переводились и печатались в Англии, Франции и Германии. Как справедливо отмечал И. Березин, «такого знатока ислама и мусульманского законоведения, как профессор Казем-Бек, по нашему убеждению, Западная Европа не имеет» (89, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4926, св. 96, л. 118).

Значительное место в исследованиях Казем-Бека занимают вопросы возникновения и развития мусульманского права. Возникновение мусульманского права М. Казем-Бек связывает с именем пророка Мухаммада: с возникновением ислама возникло и его право; те исторические процессы, в результате которых возник ислам, содействовали также и возникновению мусульманского права.

М. Казем-Бек писал: «Когда первое мусульманское общество водворилось и получило оседлость в Медине, Мухаммад постепенно сообщал им откровения касательно других обязанностей мусульман, как-то правил семейного и общественного быта, договоров вообще, добровольных обязательств, правил наследования и т. п. Таким порядком сложились начала мусульманского права в самых первых порах ислама, и из этих начал впоследствии постепенно образовалась и выработалась обширная религиозно-юридическая наука» (47, с. V). Эту

религиозно-юридическую науку М. Казем-Бек делил на: *илм ал-усул*, т. е. учение о догматах, и *илм ал-фигх*, т. е. учение о юриспруденции. По мнению ученого, *илм ал-усул* трактует об отвлеченностях - о веровании вообще в невидимое, в непостижимое, в будущую жизнь (47, с. VI).

М. Казем-Бек исследовал вторую часть религиозно-юридической науки - *илм ал-фигх* - учение о юриспруденции, науке, которая, по мнению ученого, разбирает деяние человека, выводит из них деяния обязательные, похвальные, непохвальные, порицаемые законом и, наконец, запрещенные, за которые человек отвечает перед богом и перед людьми, т. е. перед законом. Сюда входят все правила и постановления по гражданскому праву (47, с. VI).

В начальные времена ислама эти законы не отличались чисто юридическими качествами. *Илм ал-усул* и *илм ал-фигх* были до такой степени смещены, что элементы *илм ал-фигх* не были заметны в массе схоластических суждений «и их не иначе можно найти, как только при помощи усидчивых критических исследований» (47, с. IX).

Определенное внимание в своих трудах М. Казем-Бек уделил исследованию возникновения и развития различных школ мусульманского законоведения и определению их значимости в отдельные периоды жизни мусульманских народов. На первый план среди создателей этих школ М. Казем-Бек выдвигает имя арабского правоведа Нимон бин Сабита (Абу-Ханифы), «в котором Восток узрел одного из величайших учредителей мусульманского законоведения... До этого времени и около 30 лет позже вся ученость мюфессиров (толкователей Алкорана), мюхедисов (сведущих в преданиях) и фагкихов заключалась в изустном знании своих предметов...» (16, с. IX).

После кончины Абу-Ханифы в 150 г. х. возникает ряд школ, которые в той или иной мере продолжали развивать и углублять вопросы мусульманского права. К ним М. Казем-Бек относил - имама Малика, Софян Ассатура, имама Мухаммада Аш-Шафи, имама Ахмада ибн Ханбали, имама Давуда Аззагири (о написании Казем-Бека). «Эти шесть имамов, - писал М. Казем-Бек, - по своему разумению своими преподаваниями учредили полные системы законоведения, имеющие некоторые отступления одна от другой, ученики их с последователями своими обработали эти системы и оставили после себя необъятные труды, которые не могут не поразить удивлением всякого беспристрастного исследователя мусульманской юриспруденции... Успехи каждой школы совершенно зависели от влияния и деятельности... последователей. В этом отношении первенство принадлежит школе Ханифитов, потом - Шафиитов, Ханбалитов и Маликитов» (16, с. XIII).

По мнению М. Казем-Бека, главные заслуги названных школ мусульманского законоведения заключаются в том, что их создатели постарались, чтобы религия не стала господствующим элементом в законодательстве. «Шариат... составляет собрание канонических и гражданских законов, - писал М. Казем-Бек, - с нераздельною между собой связью. В первые времена ислама эти законы не могли отличаться чисто юридическим характером на том основании, что господствующий элемент в них была религия, следственно, они могли достигнуть этого уже после и постепенно, особенно спустя несколько веков, когда они уже подвергались основательной и систематической разработке» (47, с. V). С развитием мусульманского права развивается и сфера его влияния. «Законоведение, - писал М. Казем-Бек, - процветало прежде в Иране, Персии, Бухаре, Мавераннахре и Индии, потом перешло в Турцию в начале 8-го столетия гиджры, и по мере возвышения его там приходило в упадок в других странах: даже теперь в Турции оно обрабатывается с большим успехом, нежели где-нибудь» (16, с. XVII).

Одной из важных разработок М. Казем-Бека в области мусульманского права является его исследование источников мусульманского права. Почти в каждой своей работе о праве ученый уделял внимание этому вопросу, считая его важнейшим элементом в изучении мусульманского права.

Первым и основным источником мусульманского права М. Казем-Бек считал Коран, о котором говорит во всех своих трудах по мусульманскому праву, но наиболее подробно - в «Мюхтесерюль вигкает».

Вторым источником мусульманского права, по М. Казем-Беку, является собрание преданий, или Суннет. Коран и Суннет были важнейшими и единственными источниками мусульманского права только в начальном периоде возникновения ислама, пока законодатель, т. е. Мухаммад, еще был жив и никаких разногласий вокруг законов возникнуть не могло. По истечении же веков, с выдвижением жизнью все новых и новых требований, законодатели вынуждены были искать выходы из создававшихся положений, новые обстоятельства представляли новые затруднительные случаи, для которых нельзя было найти ни в Алкоране, ни в предании отчетливого и ясного приговора (16, с. XXXII).

Образование Иджма М. Казем-Бек относит уже ко второму и последующим периодам развития ислама и считает их третьим источником мусульманского права. И четвертым,

дополнительным источником мусульманского права М. Казем-Бек считал Кияс - аналогию при рассмотрении сходных случаев.

В своих позднейших трудах по мусульманскому праву, говоря о его источниках, ученые подробно останавливаются на адатах - обычаях как источниках мусульманского права. В 1860 г. он писал: «... признание существования положительных законов по гражданскому праву мусульман еще не исключает существования и обычаев. Обычаи существуют и действуют в гражданском быту мусульман точно так же, как и в законодательстве всех европейских народов. Обычаи эти, действующие при мусульманском праве и служащие оному в пояснении и разрешении некоторых подробностей по общественной и частной жизни мусульман, отнюдь не противоречат основным и даже подробным, иногда мелочным, постановлениям шариата, по какому бы то ни было предмету» (67, с. 43).

Далее, развивая свою мысль, М. Казем-Бек подробно излагает отношение к адату у мусульман Закавказья. «Тут, - пишет он, - под адатом разумеют все постановления, относящиеся до гражданского, уголовного, административного права... преступления судятся по адату, а гражданские дела разбираются светскими людьми по адату» (67, с. 43).

Важно отметить требования, которые М. Казем-Бек предъявлял к законодателю. Каков законодатель, такой и закон. Здесь не может быть и речи о механическом применении законов одного народа к условиям жизни другого народа. Учитывая большую ответственность людей, составляющих законы, М. Казем-Бек называл этот процесс «великим делом». «Всякий законодатель, - писал он, - приступая к великому делу составления законов, всегда соображается с обычаями края, с духом и наклонностями народа, с его верою и даже суеверием; иначе бы он не мог провести те мысли, на которых он желал устроить свою политику благосостояния народа» (47, с. 5). Мысль ученого ясна - законы должны служить людям и преследовать благородные цели.

В научных поисках М. Казем-Бека при разработке проблем; мусульманского права значительное место занимают вопросы судебной системы у мусульманских народов. Исследование М. Казем-Бекем этой проблемы было связано с тем, что, как писал сам ученый, «вопрос об устройстве судебного быта мусульман не получил твердого окончательного разрешения» (67, с. 44). Кроме того, М. Казем-Бек видел произвол, имевший место в мусульманских провинциях Российской империи. Разнобой в рассмотрении одних и тех же дел, незнание законов многими судьями, отсутствие мусульманских законов на русском языке, что также затрудняло организацию контроля, приводили к тому, что судья решал вопросы, как писал М. Казем-Бек, «по своему убеждению... приложить к делу какое решение он пожелает: тут его совесть может подвергаться влиянию какого угодно постороннего обстоятельства, шариат не осуждает его и правительство не преследует. Отсюда происходит столь много несообразностей в решениях тяжб кадиями везде, а в особенности между Закавказскими мусульманами...» (47, с. 5).

Другую опасность составляло, по мнению М. Казем-Бека, рассмотрение судами дел на основании адатов, которые опасны тем, что не изложены на письме: «Голословная передача законов, основанная на одной памяти, не может заключать в себе ручательства в положительности и твердости их, они по сему недоступны изучению и не могут подчиняться контролю» (67, с. 45). А свое понятие о законе М. Казем-Бек излагал так: «Под законом разумею постановления всякого рода, входящие в сферу гражданского и уголовного права. Правительство может создать правила и постановления относительно управления государством и полицейского порядка внутри государства» (47, с. 5).

В своих работах по мусульманскому праву М. Казем-Бек сумел дать и критику религиозных судов, показать их авантюризм, необъективность. По мнению ученого, это было следствием теснейшей и неразрывной связи гражданских законов с религиозными законами мусульман, «... гражданские и уголовные постановления шариата состоят в столь тесной связи с духовными законами, с догматами о вере, что разъединение их немыслимо для мусульман... Законоположения мусульман по гражданскому их быту находятся в столь тесной связи с законами об их вере и духовном быте, что нет никакой возможности отделять одно правовое положение мусульман от другого... при обсуждении вопроса об устройстве судебного быта вообще между мусульманами не следует терять из виду основного положения о тесной, неразрывной связи духовных законов с гражданскими» (67, с. 45). Все это было высказано М. Казем-Бекем как выражение беспокойства об отрицательном влиянии духовенства на правильность решения судебных дел.

М. Казем-Бек предупреждал, что при пересмотре системы мусульманских судов духовное сословие может использовать судебную реформу в свою пользу, поднять народ против единой судебной системы. Учитывая это, ученый писал, что вопрос этот принимает характер политический.

Почему ученый придавал политический характер этому вопросу? Он считал, во-первых, что «увеличилось число улемов», которые, имея на него (народ. - *А. Р.*) сильное влияние, успели его привязать к себе так сильно, что нравственное их господство над ним стало сильнее господства светской власти» (47, с. 4). Во-вторых, делая исключение для брачных и связанных с браком семейных дел, М. Казем-Бек утверждал, что духовенство на основании шариатских книг будет доказывать, «с одной стороны, лицам, потерявшим тяжбу, что, по мусульманскому праву, им следовало бы получить удовлетворение, а с другой стороны, лицам, выигравшим тяжбу, что право их, по законам ислама, не может быть утверждено за ними, потому что оно приобретено путем, противным законоположениям их веры и владеемый ими предмет, приобретенный по приговору немусульманского суда и не на основании мусульманских законов, навсегда должен считаться в руках их предметом незаконным» (67, с. 46).

Остерегаясь этих явлений, авторы труда «Об устройстве судебного быта мусульман Закавказья» предлагают новый вариант судебной системы. В этом проекте в первую очередь предусматривались меры по контролю над судами. Вот как представлял себе М. Казем-Бек новую судебную систему: «Необходимо иметь две степени или два разряда судов: Шариат и Иджлас улемов.

Ведомству шариата подлежат все гражданские дела мусульман между собою, совершенные на основании правил и обрядов их судопроизводства и возникающие из прав и обязанностей семейственных, из порядка приобретения и укрепления права на имущество и из обязательств по договорам. Из сих дел исключаются дела о порядке приобретения и укрепления прав на недвижимые имущества. Суд Шариата составляют казии с их помощниками и заседателями. Решения Шариата подлежат обжалованию Иджласа улемов, который рассматривает: 1. Решения дел и вопросов и сомнений о вере и религиозных обрядах; 2. Решение дел, споров и тяжб по всем гражданским действиям мусульман, представленных ему или прямо, или в порядке пересмотра решений казиев; 3. Рассмотрение жалоб по представлению местных начальников» (67, с. 46).

Как видно из представленного проекта, М. Казем-Бек не нашел и не мог найти выхода из создавшегося положения. Он не нашел также лучшей, рациональной формы судебной реформы для мусульман. Новая судебная ступень, или разряд, в лице Иджласа улемов кроме трудностей волокиты ничего не могла дать мусульманскому народу. Предлагая же ввести в состав судов Шариата заседателей, М. Казем-Бек ни слова не сказал о том, кто же должен быть этими заседателями и кем и каким путем должны они включаться в состав судов.

Характерно отметить, что проект «Об устройстве судебного быта мусульман Закавказья» не устраивал не только мусульман, но и администрацию края. «Великий князь не мог согласиться с подобными взглядами», - писали «Исторические записки». Наместник края считал, что, следуя этому началу, не только не представится возможным подчинить мусульман каким бы то ни было общим законам, но пришлось бы отказаться от самого управления ими; что религиозные убеждения не могут служить поводом к восстановлению действия магометанских законов по предметам второстепенной важности при условии восстановления их действия в таких вопросах, как в делах уголовных и по приобретению прав недвижимой собственности (158, с. 127).

Мы склонны думать, что вопросы наследственного права занимают у М. Казем-Бека (среди проблем мусульманского права) центральное место. Изучению наследственного права у мусульманских народов предшествовало глубокое исследование Казем-Беком этого права у других народов, в особенности у народов Европы. М. Казем-Бек детально изучил вопросы наследственного права Рима, Греции, германских, тюркских, славянских и других народов и старался провести некоторые сравнения и параллели между наследственным правом этих народов. Изучая начало и ход развития права наследования, историю развития жизни у народов Европы и Азии, М. Казем-Бек пришел к выводу, что в вопросах наследования право сильного у древних играло главную роль в судьбе слабых, и идея гуманности в этом отношении была чужда человечеству. Так сменялись столетия столетиями, и право сильного передавалось из рода в род, из общества в общество и, постепенно модифицируясь, вошло в законодательство просвещенных народов в более умеренных формах (47, с. X - XI).

Наблюдая за развитием человеческого общества, М. Казем-Бек не мог не заметить влияние времени на развитие наследственного права, которое он связывал с развитием ремесла, торговли. Он делал прямой вывод о связи появления наследственного права с окончательным разрушением первобытнообщинного строя. М. Казем-Бек вполне сознательно высказывал мысль о том, что при одинаковых условиях жизни одного и того же народа «Драконтовы законы не могли не уступить места Солоновым» (47, с. IX).

М. Казем-Бек выделял положительные и отрицательные положения о наследовании в Римском праве. Положительными М. Казем-Бек считал право детей на свободное образование, правоспособность граждан в деле общественном, участие юношества на поприще гражданской и политической деятельности. Отрицательную же черту наследственного права М. Казем-Бек видел в том, что оно вовсе не заботилось о правоспособности членов семейства на частные их интересы. Этого мало, оберегая имущественный интерес одного лишь главы семейства, оно совершенно отнимало это у других его членов. Как ни остроумен этот закон с юридической точки - так думают многие юристы, - тем не менее он стеснял личные права членов семейства и окончательно уничтожал право естественного наследника на наследство (47, с. XII). Иначе обстояло дело у германских народов. По мнению М. Казем-Бека, по сравнению с римлянами и афинянами германцы в вопросах наследственного права сделали шаг вперед, основав начало личной семейной правоспособности на имущественное наследство.

Отмечая, что у мусульманских народов, как и у всех народов, право наследования вытекает из права семейного союза (47, с. V), М. Казем-Бек указывает, что до принятия мусульманских законов дела общественные и семейные решались по урфу, т. е. по установленному в каждом сословии местному правилу, продиктованному господствующим обычаем, терпимому шариатом и поддерживаемому местным управлением (47, с. XIV - XV). Далее М. Казем-Бек внимательно прослеживает ход развития права наследования у мусульман. О его положении к середине XIX в. он пишет: «Мусульманское право представляет наследство как свободное имущество, которое, прекращением на него права его собственника, переходит к имеющим права наследования; или как самое право наследования в таком имуществе по прекращении права наследователя на него. Следовательно, ни в субъективном, ни в объективном определении этого слова нет идеи о переходе личных прав наследователя или его обязательств» (47, с. XXI).

Говоря о переходе имущества к имеющим право наследователя, М. Казем-Бек отмечает как отрицательную черту права наследования у мусульман, что ни жены, ни дочери, ни малолетние дети мужского пола у арабов не имели участия в имуществе, оставшемся после умерших родственников (47, с. XIII).

Говоря о некоторых сдвигах в наследственном праве у других народов, М. Казем-Бек отмечает отсутствие такого сдвига у мусульманских народов и связывает это с догматами исламской религии. Во-первых, указывает М. Казем-Бек, «мусульманские законы о наследстве разработаны по духу ислама и под влиянием схоластики, а потому полны казуистических проблем... и, во-вторых, право о наследовании, как и весь шариат, говоря в строгом смысле, еще не сложилось в положительный неизменный кодекс закона, и едва ли когда-нибудь ислам, в настоящем его положении, дождется этого» (47, с. XXI - XXII).

Отставание наследственного права у мусульман М. Казем-Бек связывал с неустойчивостью у них гражданских отношений. Он указывал, что право наследования всегда рассматривалось как совершенно отдельный предмет, и даже ныне во многих юридических книгах об этом праве вовсе не упоминается. И у нас в системе гражданского права наследование занимает последнее место: «Естественная причина этого заключается в том, кажется, что законодательство, не устроив прежде гражданских отношений лица, не могло перейти прямо к суждению о прекращении этих отношений, о переходе их к другому лицу и о праве этого другого на эти отношения» (47, с. VII).

Мусульманское право создавалось и видоизменялось вне связи с внешним, немусульманским миром. По убеждению М. Казем-Бека, ни законодатель ислама, ни какой бы то ни было юрист, исповедовавший эту веру и оказавший ученые заслуги на поприще мусульманской юриспруденции, никогда не были знакомы ни с каким другим законодательством, так что мусульманские улемы не знали даже о существовании юриспруденции как науки где бы то ни было вне ислама» (47, с. XXI - XXII).

При таком положении многие века мусульманское право как наука представляло из себя застывшую категорию. Все толкователи исламских законов считали законы, продиктованные Мухаммадом, неприкосновенными. «Даже халифы... не имели никакого права на законодательство: исследуя Алкоран и Суннет, они только могли подводить законы и учреждать формулы закона...» (16, с. XXXII). Много лет спустя ученый, вновь вернувшись к вопросу о догматизме мусульманских законов, указывал, что ни тому, ни другому (сунниту и шииту) не дозволяется

слишком углубляться в мистерии этой науки, или, попросту сказать, умничать (21, с. 234). Он писал, что так как все существующие законы мусульман рассматривались «как основанные на ахкамах Алкорана и Сюннета, следственно не как произведения человеческие, то законописатели в своих системах не осмеливались брать на себя права постановлять между ними главные подразделения, какие мы ныне принимаем» (16, с. XVII).

Все это оказалось пагубным для науки мусульманского права. Вот уже слишком 650 лет, отмечал М. Казем-Бек, как не делается никакого прибавления, никакой перемены в правилах каждой школы против того, что сделано и что существовало до политического пресечения периода Иджтихада (16, с. XVI).

Разделение ислама нанесло сильный удар по юриспруденции мусульман, остановило ее дальнейшее развитие и создало разнобой в законах, введя путаницу во многие вопросы. Такое положение, считал М. Казем-Бек, не дает возможности составить единый свод мусульманских законов. Разнобой в мусульманских законах и невозможности составления свода законов хотя бы для какой-то секты, по мнению М. Казем-Бека, в самом начале образования первых мусульманских обществ «послужили удобной уловкой для властолюбцев» (47, с. XXII). В силу этого появлялись многочисленные юристы разных толков.

Как видим, М. Казем-Бек исследовал как теоретические, исторические, так и практические вопросы мусульманского права. Незавершенной осталась лишь его работа о законах мусульман о браке и семье. Изучение этой рукописной работы М. Казем-Бека обогатит наши познания об этом крупном ученом - исследователе мусульманского права.

Разработка М. Казем-Беком вопросов мусульманского права не исчерпывается перечисленными отраслями. В его трудах можно найти и обширные суждения о вопросах войны и мира по мусульманскому праву, куда входят также вопросы войны против бунтовщиков из единоверцев. Большое место в трудах М. Казем-Бека занимают также вопросы о том, кто может быть юристом, а также о том, что из себя представляет собственность по мусульманскому праву. Интересно рассмотрение М. Казем-Беком действия мусульманских законов во времени и в пространстве в совместной с Торнау записке «Об устройстве судебного быта мусульман Закавказья» (67, с. 17). Как необходимое качество для законодателя М. Казем-Бек выдвигает идею изучения логики и развития науки судебной логики. Важно отметить также выдвинутые М. Казем-Беком вопросы философии права.

Итак, М. Казем-Беком заложена основа изучения мусульманского права в России. Он проделал огромную работу как по изданию мусульманских законов, так и по их исследованию. Являясь первооткрывателем в этой области, М. Казем-Бек, естественно, не мог избежать ошибок и упущений, связанных с особенностями как эпохи, так и мировоззрения ученого. В частности, важную роль здесь сыграл идеализм, присущий воззрениям М. Казем-Бека. Не сумел Казем-Бек и раскрыть классовую сущность мусульманского права, тесно связанного с исламом, проповедующим покорность, терпение, полное повиновение властям, нетерпимость к немусульманским народам. Критически оценив некоторые стороны мусульманского права, ученый прошел мимо многих реакционных его положений.

Так, указывая, что совесть правительства там, где нет положительных законов, часто позволяет ему быть глухим к воплям о правосудии (25, с. 21), Казем-Бек адресует эти слова лишь иранским властям. Он был весьма далек от мысли дать критику судебной системы России, ее системы управления в XIX в.

Однако, несмотря на все ошибки Казем-Бека в области разработки мусульманского права, он вошел в историю науки как крупный знаток его. «По крайней мере, - писал И. Н. Березин, - труды Казем-Бека по мусульманской юриспруденции, как превосходного знатока этого мудрого предмета, несомненно принесут пользу ориенталистам и вообще людям, изучающим Восток и его культуру» (121, с. 118).

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды Казем-Бека **О п у б л и к о в а н н ы е**

1. Рисалэ - трактат об истине христианской религии. Астрахань, 1822.
2. Гюлистан (Цветник) Шейха Мюслахуддина Саадия Ширазского. Перевод на русский язык М. А. Казем-Бека (отрывок). - Казанский вестник. 1829, ч. 25, кн. 2 - 3.
3. Исследование слова «алаф», «ярык» и «сайгат», встречающихся в некоторых наших летописях. - Казанский вестник, 1829, ч. 25, кн. 2 - 3.
4. Ат-Тухфат-уль-геджи ретуфи-ильм-ильдабаи андэагл-иль-араби (Скромный подарок из ученого сада арабского народа). Казань, 1831.
5. Ас-Саб' ус-Сеййар, или Семь планет: История крымских ханов, сочиненная на турецком языке Сейид Ризою, с введением на русском языке. Казань, 1832.
6. Подарок ничтожный относительно изящных наук у арабов (история арабской литературы). Казань, 1833.
7. О взятии Астрахани в 1660 году. - Ученые записки, издаваемые Имп. Казанским университетом. Казань, 1835, кн. 1.
8. Сравнительные извлечения из разных писателей, относящиеся к истории Семи планет. - Журнал Министерства народного просвещения. 1835, № 6.
9. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии. - Журнал Министерства народного просвещения. 1836, ч. XI.
10. Грамматика турецко-татарского языка. Казань. 1839.
11. Исследование об уйгурах. - Журнал Министерства народного просвещения. 1841, ч. XXXI.
12. План ученого путешествия по Востоку для молодых ориенталистов, окончивших курс в Казанском университете. Казань, 1841.
13. Взгляды на обстоятельства, содействовавшие успехам Мухаммеда в политическом и нравственном отношении. - Журнал Министерства народного просвещения. 1844, № 2.
14. О некоторых политических переворотах, приготовивших поприще Мухаммеду в Аравии и вне ее. - Журнал Министерства народного просвещения. 1845, № 2.
15. Мухаммедие. Казань, 1845.
16. Мюхтесерул-вигкает, или сокращенный вигкает. Курс мусульманского законовещения. Казань, 1845.
17. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
18. Сабат-уль-Адджизин, поэма на джагатайском наречии. Казань, 1847.
19. Мифология персов по Фирдоуси. - Северное обозрение, 1848, № 3.
20. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу (Ягелло). 1392 - 1393 гг. Казань, 1850.
21. Разбор сочинения г-на Торнау «Изложение начал мусульманского законовещения». - Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1851.
22. Дербент-наме. СПб., 1851.
23. Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных местными тюркскими наречиями в России. - Вестник Имп. Русского географического общества. Т. 1, отд. VI. СПб., 1852.
24. О русском языке. - Известия Имп. Академии наук по отд. русского языка и словесности. Т. 1. СПб., 1852.
25. Новые сочинения. - Отечественные записки. 1852, т. XXXI, № 3.
26. История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - Отечественные записки. 1852, т. XXXIV, кн. 8, 9.
27. Роспись восточным рукописям и ксилографам Имп. публичной библиотеки в С.-Петербурге. - Современник. 1852, № 4.
28. Письмо к редактору «Современника». - Современник. 1852, № 12.
29. Академия наук в Константинополе. - Санкт-Петербургские ведомости. 1853, № 6.
30. Примечания (к тексту «Хождения» Афанасия Никитина). - Полное собрание сочинений русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
31. Речь по случаю открытия в С.-Петербургском университете факультета восточных языков. - Журнал Министерства народного просвещения. 1853, ч. 88, № 10 - 12.
32. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. - Современник. 1853, № 3 и 4.
33. Учебное пособие для временного курса турецкого языка. СПб., 1854.
34. Объяснение восточных надписей. - Ученые записки Имп. АН по I и III отделениям. 1855, т. III, вып. III.
35. Начало просвещения в нынешней Индии. - Журнал Министерства народного просвещения. 1857, № 5.

36. О восточном факультете Санкт-Петербургского университета (ответ англ. газете «Times»). - Санкт-Петербургские ведомости. 1857, № 91.
37. Мюридизм и Шамиль. - Русское слово. 1859, № 12.
38. Полный конкорданс Корана, или ключ ко всем словам и выражениям его текстов, для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги. СПб., 1859.
39. Необходимое объяснение. - Северная пчела. 1860, № 84.
40. История ислама. Обзорение Востока в политическом отношении перед появлением Мухаммада. - Русское слово. 1860, № 2, 5.
41. О значении имама, его власти и достоинстве. - Русское слово. 1860, № 3.
42. Мухаммад Амин. - Русское слово. 1860, № 6.
43. Ислам. Мухаммад. - Русское слово. 1860, № 8 и 10.
44. Шерауль-Ислам, или законы мусульман шиитского вероисповедания. Кн. I. О торговле и залоге. СПб., 1862.
45. Баб и бабиды. СПб., 1865.
46. Разбор «Реиз-Юсуфи». - Северная пчела. 1866, № 229.
47. Шерауль-Ислам, или законы мусульман шиитского вероисповедания. Кн. II. О наследстве. СПб., 1867.
48. Избранные произведения. Баку, 1885.
49. History of Seven Planets. - Journal Asiatic. P., 1829.
50. L'Histoire des Sept Planetes. - Journal Asiatique. P., 1829.
51. La prise d'Astrahan en 1660. - Journal Asiatique. P., 1835.
52. Observations sur le chapitre inconnu de Coran. - Journal Asiatique, December, c. 373 - 429.
53. Notice sur la marche et le progress de la Jurisprudence parmi les sectes orthodoxes musulmanes. - Journal Asiatique, 1850, ser. 4, t. 15.
54. «Le Derbend-Nameh» publie avec une traduction et des notes (par Mirsa Kazem-Beg). - Journal Asiatique, 1851, t. XVII.
55. Explication de quelques inscriptions orientales. Lettre a l'Academicien Brosset. - Revue de l'Orient, 1855.
56. Le Derbend-Nameh. - Journal Asiatique, 1856.
57. Les debuts de l'instruction en Inde actuel. - Revue de l'Orient, 1858.
58. Recueil de memoires, d'extraits et de notices relatifs a l'histoire a la philosophie, aux langues et la literature des peuples orientaux (Publie par la Societe Asiatique. Paris). - Journal Asiatique, Febrier - Mars 1860, ser. 5, t. XV.
- 58a. Sur un passage de l'histoire de l'Empire Ottoman par M. de Hammer. - Journal Asiatique, 1835, № 8 (aout), c. 155.

Р у к о п и с и

59. Азербайджано-русский словарь (начало). Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.
60. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина (незаконченный перевод на азербайджанский язык). Центральный государственный архив Тат ССР, ф. 1186.
61. Библиографические сведения об арабских ученых и общественных деятелях, живших до начала нашего летосчисления и в первых веках нашей эры. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.
62. «Гюлистан» Саади (полный перевод на русский язык). Архив внешней политики России, ф. Учебное отделение восточных языков.
63. Джеваби-рисалэи Хаджи Молла Риза. Библиотека восточного факультета Ленинградского университета. № 77 - 84.
64. Известия из Закавказья. Водопровод в г. Куба. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.
65. Иранский эпос («Шах-наме»). Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.
66. Об удовольствиях мира под названием «невинных» и о влиянии их к достижению истинного счастья. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.
67. Об устройстве судебного быта мусульман Закавказья (совместно с Н. Торнау). Центральный государственный архив Груз ССР, ф. 9.
68. Опыт грамматики арабского языка. 1819. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.
69. Очерки истории мусульманского Кавказа. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.
70. О языке и литературе персов до исламизма. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1176, д. 13, оп. 1.
71. Персидская литература. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.

72. Шарады на арабском и персидском языках. 1820. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1176.

73. Шерауль-Ислам, или законы мусульман шиитского вероисповедания. Кн. III. О браке. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.

74. Эпические сказания древних персов, чем начинается новоперсидская литература. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 1186.

Л и т е р а т у р а п о т е м е

*Классики марксизма-ленинизма**

75. Маркс К. К критике гегелевской философии права. - Т. 1.

76. Маркс К. Вопрос об отмене крепостного права в России. - Т. 12.

77. Маркс К. Восточный вопрос. - Т. 12.

78. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - Т. 20.

79. Энгельс Ф. Британская катастрофа в Крыму. - Т. 10.

80. Энгельс Ф. Турецкий вопрос. - Т. 9.

81. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Т. 21.

82. Ленин В. И. Об очистке русского языка. - Т. 40.

82а. Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? - Т. 2.

А р х и в ы

83. Архив Академии наук СССР, Ленинградское отделение, ф. 216, 776, 778.

84. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Главный архив и ф. 6.

85. Архив Института истории АН Азербайджанской ССР, д. № 2043.

86. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Архивный фонд М. П. Погодина, ф. 231.

87. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, ф. 356 (архив Е. П. Ковалевского), ф. 37 (архив А. И. Артемьева), ф. 531 (ф. Норова).

88. Государственный архив Астраханской области.

89. Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 14, 139.

90. Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. 14 (архив Н. Г. и Ф. Н. Устрялова), ф. 152 (архив П. И. Лерха), ф. 234 (архив П. А. Плетнева), ф. 389 (архив П. С. Савельева).

91. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Восточный отдел научной библиотеки им. А. М. Горького. Рукописная коллекция А. К. Казем-Бека.

92. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, ф. 152.

93. Рукописный фонд АН Азербайджанской ССР. Архив М. Ф. Ахундова.

93а. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 1, оп. 1, д. 135, ед. хр. 1219; ф. 436, оп. I; ф. 1339, оп. 1, ед. хр. 945.

93б. Центральный государственный архив Тат АССР, ф. 92, 977, 1176, 1186.

94. Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 733, 777.

94а. Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР, ф. 9.

* Труды К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изд. Сочинений; В. И. Ленина - по Полному собранию сочинений.

Книги и статьи

95. *Абдуллаев М. А.* Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968.
96. *Абдуллаев М.* Казем-Бек - ученый и мыслитель. Махачкала, 1963.
97. Азиатский музей. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
98. *Аксаков И. С.* В его письмах. Т. 1, ч. 1. М., 1888.
99. *Әлескерова Т. М.* Казымбәј фарс дилчилији ыағғында. - Доклады АН Азербайджанской ССР. Т. XXVIII, № 1, 1971.
100. *Алиев Я.* Профессор А. М. Казем-Бек. Баку, 1940.
101. *Антокольский М. А.* Арест Чернышевского. - Былое. 1906, № 3.
102. Архив К. Д. Ушинского. Т. IV. М., 1962.
103. *Аршаруни А. М.* Бекеизм. М., 1930.
104. *Ахундов М. Ф.* Избранные философские произведения. Баку, 1953.
105. *Ахундов М. Ф.* Эсерлери. Ч. III. Баку, 1962.
106. *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирем. Баку, 1926.
107. *Бакиханов А.* Кануни-Кудси. Краткая грамматика персидского языка. Тифлис, 1841.
108. *Бакиханов А.* Сочинения, записки, письма. Баку, 1983.
109. *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малороссии. Ч. 1 - 4. М., 1822.
110. *Баратынская О. А.* Александр Касимович Казем-Бек. К его биографии. - Русский архив. 1893, № 10.
111. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 8. СПб., 1894.
112. *Бартольд В. В.* Иран. Л., 1927.
113. *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925.
114. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II, ч. 1. М, 1963; т. III. М, 1965; т. VII. М. 1971; т. VIII. М., 1973; т. IX. М., 1977.
115. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. Т. XII. М., 1926.
116. *Белинский В. Г.* Избранные философские сочинения. Т. 1. М., 1948.
117. Белинский В. Г. и его корреспонденты. М., 1948.
118. *Березин И. Н.* Мухаммедийа. Турецкий текст, изданный Мирзою А. Казем-Беком. - Журнал Министерства народного просвещения. 1846, ч. 52., № 10 - 12.
119. *Березин И. Н.* О «Мюхтасаруль-вигкает». - Журнал Министерства народного просвещения. 1846, № 10 - 12.
120. *Березин И. Н.* Восточный факультет в Санкт-Петербургском университете. - Библиотека для чтения. 1855, т. 134.
121. *Березин И. Н.* Александр Касимович Казем-Бек. - Протоколы заседаний' Петербургского университета. СПб., 1872, № 4.
122. Большая Советская Энциклопедия. Изд. III. Т. 11.
123. *Брагинский И. С.* Проблемы востоковедения. М., 1974.
124. *Бунятов З. М.* Могучий талант. - Литературный Азербайджан. 1982, № 10.
125. *Венгеров О. А.* Исторический словарь Русских писателей. Т. II. СПб., 1910.
126. *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879.
127. *Владимиров В.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1867.
128. Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 1. Казань, 1964.
129. Всемирная история. Т. III. М., 1957.
130. *Галактионов А., Никандров П.* История русской философии. М., 1961.
131. *Гасымзаде Ф.* XIX эср Азербайжан эдәбијјаты тарихи. Баку, 1966.
132. *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых. Т. II. Берлин, 1876.
133. *Герцен А. И.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1954.
134. *Геюшев З.* Этическая мысль в Азербайджане. Баку, 1968.
135. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1788 - 1797.
136. *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений. Т. III. СПб., 1917.
137. *Григорьев В. В.* Об «Общей грамматике турецко-тагарского языка» М. Казем-Бека. - Санкт-Петербургские ведомости. 1847, № 84.
138. *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
139. *Григорьев В. В.* Еще два десятка неописанных джучидских монет. - Известия Имп. Русского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1877.
140. *Гумбольдт А.* Центральная Азия. Т. I. М., 1915.
141. *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. М., 1954.
142. *Гусейнов Гейдар.* Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века. Баку, 1958.
143. *Данциг Б. М.* Изучение Ближнего Востока в России. М., 1968.
144. *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.
145. *Дневники В. А. Жуковского.* СПб., 1901.

146. *Добродомов И. Г., Романова Г. Я.* Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках. - Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
147. *Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений в шести томах. Т. IV, V. М. - Л., 1937, 1962.
148. *Дорн.* Грамматика турецко-татарского языка, составленная Мирзою Александром Казем-Беком. - Журнал Министерства народного просвещения. 1841, ч. 32.
149. *Дорн.* Разбор сочинения Мирзы А. Казем-Бека под заглавием «Derbent Nameh». - Двадцатое присуждение учрежденных П. М. Демидовым наград. СПб., 1851.
150. *Дорн.* Разбор сочинения проф. Александра Казем-Бека под заглавием «Учебные пособия для временного курса турецкого языка». - Двадцать третье присуждение учрежденных П. М. Демидовым наград. СПб., 1854.
151. Древности восточные. Т. IV. 1913.
152. *Ениколопов И. К.* Жизнь А. Грибоедова. Ер., 1954.
153. *Ермолов А. П. и Казем-Бек А. К.* - Русский архив. 1893, № 12.
154. *Желтов А. Д.* Изучение и преподавание истории стран Ближнего Востока на факультете восточных языков Петербургского университета (по материалам ЛГИА). - Востоковедение. 1977. Вып. 20, № 4 (Ученые записки ЛГУ).
155. *Загоскин Н. П.* История Имп. Казанского университета. Казань, 1904.
156. *Иванов М. С.* Бабидские восстания в Иране (1848 - 1852). М. - Л., 1939.
157. Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX - XIV вв. М., 1961.
158. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. II. Тифлис, 1907.
159. Историческая записка Первой Казанской гимназии. Ч. I. Казань, 1867.
160. История философии в СССР. В пяти томах. Т. III. М., 1968.
161. Казанский университет. 1804 - 1979. Очерки истории. Казань, 1979.
162. *Кауфман И. М.* Русские биографические и библиографические словари. М., 1935.
163. *Колесников М.* Лобачевский. М., 1965.
164. *Кононов А. Н.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974.
165. *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России. Изд. 2-е. М., 1982.
166. *Котляровский А. А.* Сочинения. Т. 4. СПб., 1895.
167. Краткий очерк истории научной библиотеки Татарской республики при Казанском университете. 1804 - 1939. Казань, 1940.
168. Краткий очерк истории русской культуры. Л., 1967.
169. *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. V. М. - Л., 1958.
170. *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М. - Л., 1950.
171. *Кузнецова Н. А., Данциг Б. М. И. Н. Березин* - путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку. - Краткие сообщения Института востоковедения. Т. XXII. М., 1956.
172. *Кузнецова Н. А.* К истории изучения бабизма и бехаизма в России. - Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М., 1963.
173. *Лажечников И. И.* Полное собрание сочинений. Т. XII. СПб., 1900.
174. *Ламброс К.* Гюлистан, сочинение Саади. Одесса, 1862.
175. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. I. 1819 - 1895. Л., 1963.
176. *Лобачевский Н. И.* О важнейших предметах воспитания. - Казанский вестник. 1832, т. 35, кн. 8.
177. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1957.
178. *Мазитова Н. А.* Кафедра турецко-татарского языка Казанского университета (перв. половина XIX в.). - Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 1. Казань, 1964.
179. *Мазитова Н. А.* О востоковедческой деятельности проф. А. К. Казем-Бека. - Вопросы истории, филологии и педагогики. Казань, 1965.
180. *Мазитова Н. А.* Казанский период научно-педагогической деятельности проф. А. К. Казем-Бека. - Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1970, вып. IV.
181. *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (I половина XIX века). Казань, 1972.
182. Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. М. - Л., 1948.
183. Материалы для истории факультета восточных языков. Т. 1. СПб. 1905; т. 2, СПб., 1906; т. 4, СПб, 1909.
184. *Мельников П. И.* (Андрей Печорский). Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб, 1897.
185. Мир ислама. Т. 1, вып. 3. СПб, 1912.
186. *Михайлова С. М.* Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX в.). Казань, 1979.
187. *Михайловский А. И.* Преподаватели, учившиеся и служившие в Казанском университете. 1804 - 1904. Ч. 1. вып. 1 и 2. Казань, 1904; вып. 3, 1908.
188. *Назарианц С.* Розовый кустарник Шейха Муслехедина Саади Ширазского, славный под названием Гулистан. М., 1857.
189. *Нехачин Ив.* Новое ядро Российской истории. Ч. I - III. М., 1809 - 1910.

190. Никитенко А. В. Дневник. Т. I - III. М., 1955.
191. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете с 1842 по 1852 г. Казань, СПб, 1853.
192. Отчет Имп. Казанского университета и учебного округа за 17 лет, с 1827 по 1-ое января 1844 г. Казань, 1844.
193. Отчет русского географического общества за 1870 г.
194. Отчеты Имп. АН по отделению русского языка и словесности за 1852 - 1865 гг. СПб, 1866.
195. Очерки истории исторической науки в СССР. Ч. 1. М., 1955.
196. Очерки по истории Ленинградского университета. Т. II. Л., 1968.
197. Очерки по истории русского востоковедения. Сб. I. М. 1953; сб. II М., 1956; сб. VI, М, 1963.
198. Павлов Н. Ф. Биограф-ориенталист. М, 1857.
199. Педагогическая энциклопедия. М, 1965, т. 2.
200. Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М, 1962.
201. Пристов В. Подарок декабриста. Казань, 1970.
202. Проблемы тюркологии в истории востоковедения. Казань, 1964.
203. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. VI. М., 1957.
204. Рзаев А. К. Мирза Казем-Бек. Баку, 1965.
205. Рзаев А. К. Передовая политическая мысль России и Азербайджана XIX в. и их взаимосвязи. Баку, 1967.
206. Рзаев А. К. Очерки об ученых и мыслителях Азербайджана XIX в. Баку, 1969.
207. Рзаев А. К. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. Баку, 1981.
208. Рзаев А. К. Очерки истории политико-правовых учений Азербайджана. Баку, 1983.
209. Руновский А. Записки о Шамиле. СПб, 1860.
210. Русский биографический словарь. М. - СПб, 1896 - 1918.
211. Сборник Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. IX. Н. Новгород, 1910.
212. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. X. Тифлис, 1881.
213. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI - XVII вв. Т. I. М., 1946.
214. Смирнов Н. А. Очерки истории изучения ислама в России и СССР. М., 1954.
215. Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М, 1963.
216. Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965.
217. Сороковые годы XIX в. М., 1959.
218. Турнерелли Э. Казань и ее обитатели. СПб, 1841.
219. Устрялов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852 - 1856 гг. - Исторический вестник. 1884, № 6.
220. Хилков А. Я. Ядро Российской истории. М., 1784.
221. Холмогоров И. Гюлистан (Цветник роз), творение Шейха Саади Ширази. М., 1882.
222. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений в 15 томах. М., 1939 - 1949.
223. Шараф-наме. Предисловие Вельяминова-Зернова. СПб, 1860.
224. Шифман А. Лев Толстой и Восток. М., 1960.
225. Шкловский В. Лев Толстой. М., 1963.
- 225а. Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Изд. 2-е. М., 1984.
226. Эймантова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985.
227. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб, 1893.
228. Эпоха Николая I. М., 1910.
229. Эфендиев О. А. Образование азербайджанского государства сефевидов в начале XVI в. Баку, 1961.
230. Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI - XIII вв. - Очерки по истории русского востоковедения. Сб. I. М, 1953.
231. Allgemeine Grammatik der turkischen-tatarischen Sprache, von Mirza A. Kazem-Beg, aus dem russischen iibersetzt und mit einen Auhange und Schriftproben von p-r J. T. Zenker. Lpz, 1848.
- 231a. Doichenko-Markowa E. The American Philosophical Society and Early Russian-American Relations. Proceedings of the American Philosophical Society. Contents of vol. 94, № 6, 1950.
232. Dubinski A. Z. Dzeiyn waschodmoznawstwa rosyyskiego. - Przegląd orientalistyczny, 1971, № 4(92), с. 294 - 295.
233. (Dugat G) Histoire des Orientalistes de l'Europe. P., 1868, с. 192.
234. Enseignement des Langues Orientales en Russie. - Revue de Monde Musulman. 1910, № 3.
235. Grand dictionnaire universel du XIXe sciecle. P., 1878, t. IX, с. 1173.
236. Kastren. Nordische Reisen und Forschunden. Spb, 1856, с 21.
237. A. de Humboldt. Asie Centrale. P., 1840 - 1843.
238. Notice critique sur un passage de l'histoire de l'Empire Ottoman de m-r de-Hammer. - Revue de l'Orient. 1885.
239. L'ouvrage de M. Kazem-Beg - «Muhteserul-vighaet». - Journal Asiatique. 1850, ser. 4, t. 15.
240. Poppe Nicolas. Studies of Turkish loanwords in Russian. Wiesbaden, 1971.
241. Turnerelli E. Kasan et ses habitants. SPb., 1841.
242. Wielka Encyklopedia Rownoczesna ilustrowana. Warszawa, 1903, t. V.

243. Zeitschrift der Deutschen Gesellschaft. Lpz., 1854.

Продолжающиеся издания и периодика

244. Азербайджан. Баку, 1974.
245. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Т. VI, ч. I. Тифлис, 1874.
246. Вестник Имп. Русского географического общества. Т. I, 1852; т. X, 1854.
247. Вестник Ленинградского университета. 1966, вып. 4, № 23.
248. Военный сборник. 1910, № 10.
249. Голос. 1865.
250. Доклады АН Азербайджанской ССР. 1966, т. XXII, № 2; 1971, т. XXVIII, № 1; 1974, т. XXX, № 5.
251. Журнал Министерства народного просвещения. 1835, ч. 6; 1836, ч. XI; 1841, ч. XXXI и XXXII; 1846, ч. XI; 1853, ч. X - XII; 1857, ч. V; 1869, ч. CXIII.
252. Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. II, вып. 1. Л., 1926. 253. Известия АН Азербайджанской ССР. Сер. истории, философии и права. 1974, № 3.
254. Известия Имп. Академии наук по отд. русского языка и словесности. 1852, т. I.
255. Известия Имп. Русского археологического общества. Т. I. СПб., 1852; т. VII, 1872.
256. Исторический вестник. 1899, т. 76, № 5.
257. Кавказ. 1847.
258. Кавказские губернские ведомости. 1846.
259. Кавказский вестник, изд. при Имп. Казанском университете. 1829, ч. XXV, кн. II и III; 1832, ч. XXXV, кн. VIII; 1835, кн. I.
260. Отечественные записки. 1840, т. IX; 1852, т. XXXI, XXXIV.
261. Поволжье. Нижний Новгород, 1903.
262. Протоколы заседаний Совета Петербургского университета. СПб., 1872, № 4.
263. Рассвет, 1860, № 25.
264. Русская старина. 1899, № 10 - 11.
265. Русский архив. 1872, № 10; 1892, № 2; 1893, № 10 и 12; 1894, № 2 и 7; 1896, № 8.
266. Русский вестник. 1856, т. II, № 3.
267. Русское слово. 1859, № 4, 5, 12; 1860, № 2, 3, 8; 186, № 5, 6, 10; 1892, № 2.
268. Санкт-Петербургские ведомости, 1847, 1853, 1857.
269. Сборник, изд. студентами Имп. Петербургского университета. Вып. I. СПб., 1857.
270. Северная пчела. 1860.
271. Северное обозрение. 1848.
272. Современник. 1851, т. XXVI; 1852, № 3, 4, 12; 1853, № 3, 4, 6; 1855, № 4, 7.
273. Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876. СПб., 1879 - 1880, т. I.
274. Ученые записки Азербайджанского гос. университета им. С. М. Кирова. 1962, № 3.
275. Ученые записки Казанского университета. 1835, 1852.
276. Ученые записки Имп. АН по первому и третьему отделениям. Т. III, вып. 4. СПб., 1855.
277. Финский вестник. 1847, т. XIX.
278. Bulletin de la Classes des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Academie imperiale des Sciences. St. Peterburg.
279. Keepsake Christian. L.

